

Коми республиканская академия государственной службы и управления

На правах рукописи

СЕРАВИН Александр Игоревич

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ**

**Научная специальность 5.5.2. Политические институты, процессы и
технологии**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор,
кандидат политических наук,
С.Г.Еремеев

Сыктывкар

2024

Содержание

Введение	3
ГЛАВА I. МЕСТО ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	23
1.1. Концепция цифровой демократии и ее вклад в развитие демократической теории	23
1.2. Концепция цифровой демократии и современные концепции политического участия	33
1.3. Концепция электронной электоральной политики и ее особое место в дискурсе цифровой демократии	46
1.4. Результаты социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию	58
ГЛАВА II. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	82
2.1. Процессы цифровизации и фундаментальные изменения публичной сферы	82
2.2. Диалектическая взаимосвязь цифровизации и демократизации	88
ГЛАВА III. ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ	100
3.1. Роль идей в политике и значение «идейного» (идеалистического) поворота	100
3.2. Исследование дискурса в политической науке. Институциональный конструктивизм (дискурсивный институционализм) и его возможности в концептуализации цифровой демократии	105
3.3. Генезис научного дискурса цифровой демократии, его современное состояние и направления развития	111
Заключение	122
Литература	131

Введение

Актуальность исследования.

В современных условиях цифровые технологии оказывают значительное влияние на политические системы и структуры.

Научный дискурс о цифровизации (включая ее взаимосвязь с центральной категорией политической науки – демократией) аналогичен другим крупным трансформационным дискурсам последних десятилетий. Цифровизация трансформирует политику, общество и демократию. Высказываются предположения о том, что цифровая демократия незаменима для будущего демократии. В этой связи актуализируется вопрос, связанный с тем, как в эпоху цифровых технологий меняется сама демократия. Вместе с тем, оценка этого влияния представляет собой непростую задачу. Очевидно, в то же время, что каким бы ни было фактическое влияние цифровых технологий на развитие демократии, цифровизация повседневной жизни увеличивает требования к демократии.

Огромный потенциал цифровых технологий невольно подталкивает к выводу, что этим технологиям имманентно присуще что-то демократическое по своей сути. В этом контексте в научной литературе анализируются цифровые возможности для развития и продвижения демократии. Делается вывод о том, что использование цифровых платформ в демократическом управлении значительно повышает участие граждан и их интерес к политике и управлению.

В последние годы произошел заметный поворот в исследовательских ориентациях, посвященных взаимосвязи цифровых технологий и демократии. Этот поворот характеризуется гораздо большим вниманием к угрозам, которые технологии и социальные сети представляют для демократии. В этой связи все чаще поднимается вопрос, являются ли

технологические разработки нейтральными или же они скрывают политические предпочтения¹?

Анализ научной литературы, посвященной цифровой демократии наглядно демонстрирует отчетливую тенденцию вытеснения фундаментальных и теоретических работ редуccionистским подходом к цифровой демократии, сводящим ее к инструментальным функциям (в частности, разработке электронных средств голосования).

Попытки концептуализировать цифровую демократию как набор практик, таких как электронное голосование или цифровое участие, справедливо подвергаются критике, ибо приводят к тому, что понимание демократии ограничивается отдельными действиями краткосрочного взаимодействия посредством простых щелчков мыши. Этот фокус привел к пониманию цифровой демократии с точки зрения кликтивизма, а иногда и его более уничижительной версии – «слактивизма»².

Любые попытки дать адекватное определение цифровой демократии неизбежно порождают проблемы и противоречия, разного рода и уровня (бинарность между онлайн-взаимодействием и физическими условиями, которые предположительно ограничивают такое взаимодействие; физичность материального «реального мира» противопоставляется киберпространству как сфере демократической практики; проблема субъектности в контексте цифровой демократии и др.). Эти противоречия, с нашей точки зрения, должны являться предметом исследования разных дисциплин, прежде всего, политической науки.

Одна из таких попыток концептуализации цифровой демократии осуществляется диссертантом посредством раскрытия фундаментального

¹ Winner L. Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology. *Science, Technology, & Human Values* 1993. №18 (3): 362-378.

² Halupka, M. The Legitimation of Clicktivism. *Australian Journal of Political Science*, 2018. №53 (1), 130–141.

противоречия, лежащего в основе цифровой демократии и касающегося неопределенной роли цифровых технологий в развитии демократии.

Подавляющее большинство работ, посвященных цифровой демократии, исследуют развитие цифровой демократии в европейских странах и США. В то же время страны Азии является благодатной почвой для развития цифровой демократии благодаря доступности технологий и широкому доступу в Интернет. Многие азиатские страны обладают высокоразвитыми цифровыми технологиями. Кроме того, правительства стран Азии активно продвигают усилия по цифровизации. За последние несколько десятилетий в азиатских странах наблюдался значительный рост цифрового участия. На местном уровне граждане участвуют в политике и выработке политики посредством цифровых платформ. Использование цифровых платформ в демократическом управлении значительно повысило участие граждан и их интерес к управлению. В этой связи утверждается, что препятствием, мешающей азиатским странам активно участвовать в дискуссиях по формированию цифровой демократии, является европоцентристский и американоцентричный взгляд на то, какой должна быть т.н. «правильная» практика демократии³.

Важно подчеркнуть, что азиатская демократия отличается от западной в силу различий в политических структурах, культурных нормах, исторических особенностей, а также интерпретации и реализации демократических принципов. В этом смысле важно учитывать культурные различия при исследовании примеров реализации концепции цифровой демократии в разных регионах.

³ Halupka, M. The Legitimation of Clicktivism. Australian Journal of Political Science, 2018. №53(1), 130–141.

Известно, что любые действия, которые считаются значимыми в социальном мире, не могут быть восприняты без интерпретации, то есть без понимания того значения, которое им придается⁴.

Ученые отмечают поворот к изучению идей, который наметился в социальных науках в последние десятилетия и который доказывается появлением работ, поднимающих проблематику идей и дискурса и подчеркивающих их детерминирующий характер по отношению к политическим институтам. В настоящей работе автором предпринимается попытка исследования академического дискурса, посвященного развитию цифровой демократии, с необходимостью включающего в себя представителей «незападного знания». В настоящее время незападное описание и интерпретация демократии вообще и цифровой демократии, в частности, остается практически неисследованным.

Очевидно, что выполнение задачи разработки релевантной концепции цифровой демократии, которая бы адекватно описывала и интерпретировала опыт разных стран и регионов, а также анализ академического дискурса цифровой демократии, с необходимостью включающего в себя, как уже указывалось, описание и интерпретацию цифровой демократии также в незападном мире, невозможны без расширения концепции демократии вообще, и цифровой демократии, в частности.

Степень научной разработанности темы

Сущности, специфике и особенностям цифровой демократии и цифровой политики посвящен ряд исследовательских работ отечественных и зарубежных политологов. Работы, раскрывающие особенности цифровых технологий и их имплементацию в существующую российскую политическую систему представлены исследованиями Будко Д. А., Алексеева Г. В., Кириленко В.П., Курюхина А. Н., Чижова Д.В., Шутова

⁴ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). [1922] 1988

А.Ю., Хабриевой Т.Я. и др.⁵ Исследования, раскрывающие проблематику цифровых технологий в системе воспроизводства властных институтов, внедрения цифровых технологий в политическую практику представлены трудами Борисова И.Б., Конькова А.Е., Леонтьева Г.Д. и др.⁶ Исследовательские вопросы, посвященные цифровым технологиям в контексте цифровой демократии, рекурсивности публичной сферы и формируемому «цифровому сообществу» раскрываются в трудах Еремеева С.Г., Никушкина А.Б., Пшизовой С.Н., Рассказова С.В., Семеновы Л.Н. и др.⁷ Значимость вопросов, связанных с использованием потенциала цифровизации для политической мобилизации и формирования новых форматов гражданского и политического участия обосновываются в трудах

⁵ Будко, Д. А. Цифровая демократия в Москве: политика vs. Повседневность / Д. А. Будко // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2023. – № 15. – С. 21-26; Курюхин, А. Н. Цифровые технологии в выборных процессах как вызов перспективам демократии / А. Н. Курюхин // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 63-67; Кириленко, В. П. Электронная демократия и гуманистические принципы / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6(126). – С. 19-31; Чижов, Д. В. Векторы развития электронной электоральной демократии / Д. В. Чижов // Информационное общество. – 2019. – № 3. – С. 11-22; Шутов А.Ю. Политический процесс. М.: Изд-во Московского Университета, 1994. 80 с. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С. 5–16;

⁶ Борисов, И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов / И. Б. Борисов // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 3. – С. 3-10; Борисов, И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов / И. Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1(19). – С. 124-139; Коньков, А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации / А. Е. Коньков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 6-28; Леонтьев, Г. Д. Цифровая техно-демократия как постнеклассическая пракопия / Г. Д. Леонтьев, Л. С. Леонтьева // Социодинамика. – 2023. – № 4. – С. 1-10.

⁷ Еремеев С. Г. Концепция «совместного производства» в контексте городского управления // Власть. 2019. Том 27. № 4. С. 101-105; Еремеев С. Г. Smart-city: в поисках концептуализации // Власть. 2019. Том 27. № 1. С. 147-153; Еремеев С. Г. Стратегическое планирование в реализации концепции smart city // Власть. 2021. Том 29. № 2. С. 53-61; Никушкин, А. Б. Концепции "электронной демократии" в современных исследованиях / А. Б. Никушкин // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 2(54). – С. 374-381; Рассказов, С. В. Рекурсивность в платформах цифрового сотрудничества / С. В. Рассказов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 39-55; Пшизова, С. Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 1 / С. Н. Пшизова // Общественные науки и современность. – 2019. – № 5. – С. 47-59; Семенова, Л. Н. Перспективы цифровизации политики / Л. Н. Семенова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 203-211

Байкова К.А., Глуховой В.А., Дякина Е. О., Никовской О.И., Слинко А. А., Чекуновой М.А. и др.⁸

Исследования, поднимающие вопросы электронной электоральной политики в разных аспектах и разных странах раскрываются в исследованиях Алексева Р.А., Кранзеевой Е.А., Малькевича А.А., Осипова А.В., Сморгунова Л.В. и др.⁹

Следует выделить авторов исследований, посвященных процессу цифровизации политики, изменениям, произошедшим в публичной сфере: Каримова Э.Р., Котлярова М.В., Назаровой В.С., Самарина Я.В., и др.¹⁰,

⁸ Байков, К. А. Технологии политической мобилизации посредством внедрения и развития цифровых платформ / К. А. Байков // Политконсультант. – 2021. – Т. 1, № 1; Глухова, А. В. Новые форматы гражданского участия: консультативная демократия / А. В. Глухова // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы : Материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. – Москва: "КДУ", "Университетская книга", 2018. – С. 597-602; Никовская Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: сборник, электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 856 с. С. 647-653; Слинко, А. А. Поиски новой модели политического участия в регионах: праймериз "Единой России" и политические процессы в Европе / А. А. Слинко, Е. О. Дякина // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 2(53). – С. 87-92; Сморгунов, Л. В. Факторы гражданского участия на электронных платформах / Л. В. Сморгунов, О. А. Игнатьева // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 101-112; Чекунова, М. А. Новая властно-общественная коммуникативистика и политические последствия цифровой трансформации социума // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 125-138;

⁹ Алексеев, Р. А. Аprobация и перспективы применения технологии блокчейн на выборах за рубежом и в России / Р. А. Алексеев // Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 41-48; Малькевич, А. А. Выборы нового времени: использование приемов электронной электоральной политики как залог победы (на примере кампаний кандидатов в президенты США в 2016 год) / А. А. Малькевич // Информация–Коммуникация–Общество. – 2017. – Т. 1. – С. 156-162; Кранзеева, Е. А. Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2021. – № 1-2(25). – С. 258-266; Осипов, А. В. Социально-политический мониторинг и социально-медийная предиктивная аналитика как инструменты и технологии консолидации политической власти // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 11(75). – С. 3138-3145; Сморгунов, Л. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 20-49; Сморгунов, Л. В. Электронное правительство 2.0: от порталов к платформам // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2(39). – С. 66-75.

¹⁰ Каримов, Э. Р. Технологии цифровизации современной публичной политики / Э. Р. Каримов // Современные ЗАДАЧИ и ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ науки : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Калуга, 05 октября 2023 года. – УФА: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2023. – С. 73-78; Котляров, М. В. Технологии анализа и управления коммуникациями как индикатор изменения публичной сферы в России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 2. – С. 75-82; Назарова, В. С. «Новое структурное изменение публичной сферы...» Ю. Хабермаса в современном публичном и философском дискурсе / В. С.

подчеркивающих ценность цифровых инструментов при осуществлении демократического процесса. Особое теоретико-методологическое значение в контексте анализа академического дискурса цифровой демократии и, соответственно, в раскрытии темы диссертационного исследования имеет обоснование роли идей в политике. Этой проблематике посвящены работы Абрамян А. С., Вилисова М.В., Зиновьева А.О., Капицын В.М., Перевезенцев С. В., Сулимина А.Н., Чеснокова А.С. и др.¹¹

Идеи дискурсивного институционализма – четвертой ветви нового институционализма, выступающего в роли теоретико-методологической базы исследования, раскрываются и обосновываются в работах В.Шмит, С.Хэя и др.¹²

В России идеи дискурсивного институционализма были развиты в трудах О.Ю.Малиновой, Л.В.Сморгунова и др.¹³.

Назарова // Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 65-70; Самарин, Я. В. Демократия в условиях сетевого общества: проблемы и перспективы / Я. В. Самарин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 251-262;

¹¹ Вилисов, М. В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики / М. В. Вилисов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 203-233; Зиновьев, А. О. Роль идей в контексте историко-философского понимания политики / А. О. Зиновьев // Время больших перемен: политика и политики : материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, 24–25 ноября 2017 года / Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунуова, Л. Н. Тимофеевой. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 146-147; Чесноков, А. С. "Идейно-ориентированные" подходы в современных исследованиях международных отношений (Обзор) / А. С. Чесноков // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 115-125; Капицын, В. М. Идеино-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. – 2012. – № 2(75). – С. 58-70; Перевезенцев, С. В. Идеинные истоки формирования концепций мессианизма в европейской социально-политической мысли / С. В. Перевезенцев, А. С. Абрамян // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 105-114; Сулимин, А. Н. Роль социальных идей в организации политического порядка в западных и незападных обществах // Политика и общество. – 2016. – № 4(136). – С. 480-485.

¹² Hay, C. Political analysis. A critical introduction. Palgrave Macmillan.2002; Schmidt, V.A. (2008) 'Discursive institutionalism: the explanatory power of ideas and discourse', Annual Review of Political Science 11: 303–26.

¹³ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. М., 2013.- 421 с.; Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука: идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования: Сб. науч. тр. /РАН ИНИОН; Ред.-сост.вып. О.Ю.Малинова. – М., 2009. - №4.- с.5-24; Сморгунуов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. – М., 2009. - №1 – С. 118-129.

Основные идеи политической теории констелляции, выступающей, по убеждению диссертанта, перспективной исследовательской программой изучения цифровой демократии и отражающей необходимый уровень сложности, присущей современному социуму, раскрываются в работах Н.Керстинг, Ж.Хофман, Т.Торстна, С.Берг и др.¹⁴

Целью диссертационного исследования является концептуализация цифровой демократии посредством раскрытия фундаментального противоречия, лежащего в её основе и касающегося неопределенной роли цифровых технологий в развитии демократии, а также анализ академического дискурса цифровой демократии, его современного состояния и направлений развития.

Задачи диссертационного исследования:

1. Обоснование дискурсивного институционализма как перспективной методологии исследования цифровой демократии;
2. Анализ академического дискурса цифровой демократии, его современного состояния и направления развития;
3. Анализ диалектической взаимосвязи цифровых технологий и развития демократии;
4. Обоснование «идейного поворота» в исследовании публичной политики и выявление причин актуализации исследования научного дискурса цифровой демократии;
5. Выявление места цифровых технологий в кризисе современных демократий;
6. Обоснование необходимости расширения дискурса цифровой демократии через отказ от универсализации,

¹⁴ Hofmann, Jeanette. Mediated democracy-linking digital technology to political agency. Internet Policy Review ; Hofmann, Jeanette, Norbert Kersting, Claudia Ritzi, Wolf J. Schünemann.. Politik in der digitalen Gesellschaft: Zentrale Problemfelder und Forschungsperspektiven. Bielefeld: transcript. 2019; Berg, Sebastian, Niklas Rakowski, Thorsten Thiel. The digital constellation. WI-Weizenbaum Institute for the Networked Society.2020; Thiel, Thorsten. Anonymität und Demokratie. Forschungsjournal Soziale Bewegungen 2017. №30. Pp.152–161.

«американоцентричности» и «европоцентричности» в развитии демократии вообще и, цифровой демократии, в частности.

7. Анализ концепции электронной электоральной политики и обоснование ее особого места в концепции цифровой демократии; объяснение противоречивых результатов эмпирических исследований электронного голосования в контексте развития цифровой демократии;
8. Проведение социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию
9. Обоснование поворота, произошедшего в научном дискурсе цифровой демократии и проявившегося в отказе от простых объяснительных моделей взаимосвязи цифровизации и демократии и обращении к философским концепциям и теориям, позволяющим анализировать цифровую демократию на необходимом уровне сложности, достигая, таким образом, необходимого соответствия между сложностью, присущей изучаемому объекту и сложностью используемой методологии.
10. Обоснование необходимости изучения цифровой демократии как исследовательской программы и поворота в ее изучении от эмпирических исследований к теоретизации цифровой демократии на основе существующих теоретических массивов.
11. Обоснование перспектив политической теории констелляции как исследовательской программы изучения цифровой демократии.

Методология и методы

Концептуальная основа диссертационного представляет собой интеграцию дискурсивного институционализма и постструктурализма. В работе используются элементы сравнительного анализа.

Дискурсивные подходы в анализе публичной политики приобрели известность в последние десятилетия. Однако несмотря на то, что количество научной литературы по исследованию дискурса, дискурсивному анализу растет, различные концепции «дискурсивного» измерения и его потенциала еще недостаточно исследованы. Дискурсивные институционалистские исследования фокусируются на анализе реальных практик, посредством которых глобальные идеи инкорпорируются в местные контексты, а также на дискурсах. В 2012 году В. Шмидт ввела термин «дискурсивный институционализм» в качестве зонтика для теоретических подходов, которые связаны с интерактивными коммуникативными процессами дискурса и политики. Вместо того, чтобы сосредоточиться на анализе результатов политического процесса, этот новый набор подходов исследует то, как социальная реальность формируется языком; как действующие лица различаются в своей нормативной интерпретации проблемы; и как они пытаются разработать политические меры в свете различных концепций реальности, то есть дискурсов¹⁵.

Хэй С. указывает на то, что стратегии акторов не могут обойтись без интерпретации мира, в котором они находятся¹⁶. Мы понимаем дискурсы как категоризации и концепции, которые придают смысл физическим явлениям и социальным реалиям¹⁷. Существуют различные дискурсивные подходы, и некоторые из этих подходов утверждают, что вне дискурса нет ничего,¹⁸ тогда как другие различают «дискурсивные» и «недискурсивные» элементы¹⁹.

¹⁵ Fischer, F., Forester, J. The argumentative turn in Policy analysis and planning edited by.1993

¹⁶ Hay, C. Political analysis. A critical introduction. Palgrave Macmillan.2002. p.141

¹⁷ Hajer, M.. The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process. Oxford University Press.1995. p. 44

¹⁸ Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. Verso.1985

¹⁹ Hajer, M. The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process. Oxford University Press.1995

При этом дискурсы, с одной стороны, признаются структурами, влияющими на то, как акторы воспринимают реальность, в этом смысле они ограничивают поведение и действия акторов. С другой стороны, в языке, символах, категориях, политических концепциях, иначе говоря, в дискурсивных практиках, акторы могут действовать и осмыслять собственную позицию, когда они сталкиваются с альтернативными дискурсами и впоследствии изменять свое окружение и структуры. Дискурсы и институты очень тесно связаны друг с другом. Дискурсы конституируют и ограничивают (модели) поведение и, таким образом, материализуются в способах действия и мышления, эти способы можно рассматривать как «институты» в более широком социологическом смысле институтов. Институты можно охарактеризовать как устоявшиеся дискурсы²⁰ или временную стабилизацию дискурсов²¹.

Хаджер М.²² проводит различие между структуриацией дискурса, а именно, когда дискурсы становятся широко принятыми и влияют на то, как широкий круг акторов понимает конкретные проблемы, и институционализацией дискурса, когда структурированные дискурсы становятся все более стабилизированными, рутинизированными и, в конечном итоге, полностью встроенными и институционализированными в правилах.

В России идеи дискурсивного институционализма были развиты в трудах О.Ю.Малиновой, Л.В.Сморгунова и др. Исследуя взаимосвязь между трансформацией публичной сферы в России после распада СССР и изменениями условий производства и конкуренции общественных идей, О.Ю.Малинова предостерегает от рассмотрения идей, лежащих в основе дискурса, как «магического шара». Диссертант разделяет точку зрения

²⁰ Philips, N., Jorgensen, M. W. Discourse analysis as theory and method. Sage.2002.p.62

²¹ Arts, B., Van Tatenhove, J. P. M., Leroy, P. Policy arrangements/ In J. P. M. Van Tatenhove, B. Arts, P. Leroy (Eds.)/ Political modernisation and the environment. Kluwer Academic Publishers. 2000. pp. 53–69

²² Hajer, M. The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process. Oxford University Press.1995.

ученого, подчеркивающей перспективность рассмотрения идейно-ориентированного подхода как исследовательской программы, аккумулирующей знание о социальных механизмах, опосредующих производство, распространение и конкуренцию идей.

Сморгунов Л.В. интерпретирует дискурсивный институционализм как ответвление конструктивизма. При описании публичной политики ученый обосновывает понятие «лиминальности», подчеркивая, что сторонники дискурсивного подхода считают, что положение лиминальности конструируется самими акторами²³. Нам представляется, что понятие «лиминальность» может быть использовано при описании и интерпретации процессов развития цифровой демократии. Отметим, что это понятие действительно часто используется в контексте развития цифровых технологий.

Цифровую трансформацию часто характеризуют как пороговый процесс перехода от устоявшихся практик к новым практикам, реализуемым посредством цифровых технологий.

Существующие исследования предлагают два противоположных взгляда на природу пограничности цифровой трансформации. Хенфридссон О. и Юу. Ю.²⁴ подчеркивают, что пороговые процессы цифровых инноваций включают дискретные переходы от одного набора организационных практик к другому. Орликовский В. и Скотт С.,²⁵ с другой стороны, характеризуют пороговую значимость цифровой трансформации с точки зрения продолжающихся непрерывных социоматериальных практик. Опираясь на эти два противоположных взгляда на пограничность цифровой трансформации, некоторые исследователи²⁶ предлагают третий подход,

²³ <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/15.pdf> p. 5 [дата посещения 11.11.2023]

²⁴ Henfridsson, O., Yoo, Y. The Liminality of Trajectory Shifts in Institutional Entrepreneurship,» Organization Science INFORMS, 2014. №25:3. pp. 932–950.

²⁵ Orlikowski, W., Scott, S. Liminal Innovation in Practice: Understanding the Reconfiguration of Digital Work in Crisis// Information and Organization Pergamon, 2021. №31:1, p. 100336

²⁶ Thomas Haskamp, Christian Dreme, Nicholas Berente, Youngjin Yoo Falk Punctuated Multi-Layered Liminality in Digital Transformation: The Case of an Automotive Platform// ICIS. 2022. Proceedings. №4.

который предполагает, что пороговая степень цифровой трансформации одновременно дискретна и непрерывна, следуя прерывистой форме. Ключом к пониманию этой периодической пограничности цифровой трансформации является ее многоуровневый характер²⁷.

Постструктурализм обозначает теоретические и политические дебаты в социальных и гуманитарных науках, которые внесли решающий вклад в растущий междисциплинарный интерес к проблеме дискурса с 1970-х годов. Можно сказать, что постструктурализм поставил дискурс на центральное место в междисциплинарном теоретическом дискурсе социальных и гуманитарных наук.

Вопрос о том, кто является субъектом цифровой демократии, широко разрабатывался в ранних постструктуралистских концепциях кибердемократии в 1990-х годах. Вдохновленные ранним энтузиазмом по поводу возможностей цифровой коммуникации, мыслители-постструктуралисты концептуализировали демократического субъекта как бестелесное существо, существующее только благодаря произносимым им словам. Текстуальность онлайн-коммуникации реализовала постструктуралистские представления о себе, сконструированные посредством дискурса. Анонимность онлайн-общения рассматривалась как возможность оставить позади бремя тела, запятого изоляцией, иерархией и дискриминацией. Именно это понимание демократической субъективности также отражено в нынешнем определении цифровой демократии, которое фокусируется на бестелесных кликах и рассматривает физические условия как ограничение, а не как возможность онлайн-взаимодействия. Вдохновленная концепциями построения языковой реальности, реализации идентичности и дискурсивной силы знания, текстовая онлайн-коммуникация, отделяющая тело говорящего от произнесенного слова, стала реализацией постструктуралистской мысли.

²⁷https://www.researchgate.net/publication/365355305_Punctuated_Multi-Layered_Liminality_in_Digital_Transformation_The_Case_of_an_Automotive_Platform

Что касается сравнительной методологии, важно отметить следующее. Рассуждая об итогах сравнительной политологии к концу 20 века, Сморгун Л.В. справедливо говорит об трансформации методологических исследовательских моделей и переносе интереса с поиска подобий и общих зависимостей на показ различий и создание новых более разнообразных классификаций²⁸. Нам представляется, что именно в этом направлении и развиваются в настоящее время исследования в области цифровой демократии. Такая трансформация методологических исследовательских моделей и отказ от поиска общих закономерностей, вероятно, связаны с противоречивыми результатами эмпирических исследований развития цифровой демократии, которые не могут быть «уложены» в единую концепцию цифровой демократии.

Следующим же этапом, представляющим собой более высокий уровень знания, должна стать теоретизация цифровой демократии на основе уже сформированных теоретических массивов.

Объектом диссертационного исследования выступает цифровая демократия.

Предметом исследования являются проблемы концептуализации цифровой демократии и академический дискурс, посвященный развитию цифровой демократии.

Теоретическая значимость проведенного диссертационного исследования заключается:

- в попытке концептуализации цифровой демократии через раскрытие сложного (диалектического) характера взаимодействия цифровых технологий и демократии;
- в исследовании академического дискурса цифровой демократии, его современного состояния и основных тенденций развития.

²⁸ Сморгун Л.В. Сравнительная политология: итоги развития в конце 20 века //Принципы и практика политических исследований. Сборник материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 г. Москва, 2002. С. 181.

Практическая значимость проведенного исследования

заключается в получении нового знания, которое может быть использовано в работе органов публичной власти и управления, обеспечивая необходимый уровень научной обоснованности при принятии решений в области развития цифровой демократии, а также проведении социологической оценки позиций экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию, результаты которого могут быть использованы при выработке практических рекомендаций, касающихся электронной электоральной политики в России.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в:

- осуществленной в работе концептуализации цифровой демократии через интерпретацию фундаментального противоречия, которое лежит в основе цифровой демократии и которое связано с неопределенной ролью цифровых технологий в развитии демократии, а также неопределенной ролью социально-политических факторов в развитии самих цифровых технологий.

- исследовании академического дискурса цифровой демократии, выявлении его современного состояния и направления развития, который отражает современный уровень знаний о цифровой демократии.

- проведении социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию, результаты которого могут быть использованы при выработке практических рекомендаций, касающихся электронной электоральной политики в России.

Основные научные результаты

1. Исследованы существующие в научном дискурсе подходы к концептуализации цифровой демократии [276, с.512], [284, с.3868], которые не только не привели к созданию стройной концепции, но и не внесли необходимой ясности в отношении определения цифровой демократии. Диссертантом предложен новый подход к концептуализации цифровой демократии [286, с.4407], в основе

которого лежит интерпретация фундаментального противоречия, связанного с неопределенной ролью цифровых технологий в развитии демократии, и такой же неопределенной ролью социально-политических факторов в развитии самих цифровых технологий [275, с.275], [283,с.172].

2. Исследовано современное состояние академического дискурса цифровой демократии [281, с.26], который характеризуется признанием роли ценностей, идей, убеждений, лежащих в основе политики (концепция цифровой демократии не является нейтральной)[279, с.22], [280, с.277]. Современный дискурс цифровой демократии с необходимостью включает в себя динамическое измерение (изучение динамического взаимодействия демократии и цифровых технологий) [278, с.38], [282, с.178]. Будущее цифровой демократии остается открытым, стремительно возрастающая сложность социально-политической жизни становится актуальной проблемой, требующей серьезной теоретической рефлексии, при этом возрастает роль академического дискурса цифровой демократии в формировании представлений и убеждений политических акторов[285, с.3457]. Разработка релевантной концепции цифровой демократии предполагает расширение научного дискурса, включающего описание и интерпретацию цифровой демократии в незападном мире и расширение концепции демократии вообще и цифровой демократии в частности [283, с.171].
3. Проведен социологический анализ отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию, результаты которого могут быть использованы при выработке практических рекомендаций, касающихся электронной электоральной политики в России [277, с.270], [280, с.215].

Положения, выносимые на защиту

1. Любые попытки дать адекватное определение цифровой демократии неизбежно порождают проблемы и противоречия разного рода и уровня. Разрешение этих противоречий должно стать предметом исследования разных дисциплин, прежде всего, политической науки. Вместе с тем, исследования цифровой демократии часто осуществляются за пределами политической науки: в области коммуникации и средств массовой информации, технологии и информатики, таким образом, необоснованно подчеркивается преобладающее значение цифровых технологий над самой идеей демократии.

2. Выполнение задачи разработки релевантной концепции цифровой демократии предполагает расширение научного дискурса цифровой демократии, включающего описание и интерпретацию цифровой демократии также в незападном мире и расширение концепции демократии вообще, и, цифровой демократии, в частности.

3. Основное противоречие, которое лежит в основе цифровой демократии, связано с неопределенной ролью цифровых технологий в развитии демократических институтов и практики политического участия, а также роли социально-политических факторов в развитии самих цифровых технологий.

4. Комплекс сложных проблем и противоречий цифровой демократии является для нее врожденным, естественным образом, приобретенным ею от демократии, многие проблемы и противоречия в развитии которой так и остались не разрешенными. Таким образом, цифровая демократия представляет собой динамично развивающийся феномен, вбирающий в себя две развивающиеся области: демократию и цифровые технологии (использование цифровых технологий в публичной политике и управлении). Цифровая демократия - это термин, нагруженный политическими устремлениями.

5. Попытки описания и интерпретации взаимозависимости между изменением публичной сферы, изменением демократических практик и использованием цифровых технологий в терминах причинности (казуальности), при которой подчеркивается генетическая связь одного явления с другим (рассматриваемым в этом контексте как его следствие) оказываются несостоятельными.

6. Инициативы электронного участия рассматриваются (а потом и реализуются), скорее, как технологический, чем социально-политический проект. Полноценное исследование электронного участия в разных социально-политических контекстах требует выхода за рамки технических или технологических аспектов. Эффективность цифрового участия и его влияние на отношения между гражданами и органами публичной власти зависят от преобладающих ценностей, лежащих в основе политической системы в конкретной стране.

7. Внедрение и укоренение института электронного голосования с необходимостью предполагает сложный процесс институционального строительства, не сводящийся к формальному введению электронного голосования.

8. Результаты социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию, проведенного автором, показывает, что экспертное сообщество по электронной электоральной политике в России связывает доверие граждан к электронному голосованию с персональным доверием к политическим лидерам, занимающим государственные должности (Президент, председатель правительства, председатель Государственной думы). В этом смысле, принятие гражданами электронного голосования, в большой степени, будет определяться отношением указанных лиц к электронному голосованию, выраженным в политическом дискурсе. Это вселяет определенный оптимизм на поддержку гражданами электронной электоральной политики в России.

8. Цифровые технологии не оказывают детерминированного воздействия на демократию. Цифровизация не выступает внешним фактором по отношению к демократии. Необходимо исследовать как социально-политические и технологические процессы формируются в постоянном взаимодействии. При этом влияние и значение цифровых технологий не может быть объяснено особыми (демократизирующими) свойствами самих цифровых технологий. Сами по себе, они являются, в этом смысле, абсолютно нейтральными, приобретая демократические или, напротив, антидемократические свойства лишь в социально-политической системе, в которую они встроены.

9. Научный дискурс цифровой демократии находится в постоянном изменении и развитии, отражая переход от редуccionистских и детерминистских концепций к признанию сложной диалектической взаимосвязи между цифровыми технологиями и демократией.

10. Перспективной методологией для исследования цифровой демократии выступает дискурсивный институционализм, как одно из направлений институциональной теории. Концепция цифровой демократии не является нейтральной (нейтральными являются цифровые технологии), она политически и ценностно нагружена, поэтому адекватной методологией ее исследования будет являться такая методология, которая позволяет осознать роль ценностей, идей, убеждений, лежащих в основе политики. Этому требованию соответствует дискурсивный институционализм, являющийся современным динамично развивающимся направлением институционализма.

11. Современный академический дискурс цифровой демократии исходит из убеждения о том, что и цифровые технологии и демократия находятся в отношениях постоянного развития и взаимовлияния. Таким образом, исследование цифровой демократии должно с необходимостью включать в себя динамическое измерение, исследовательская программа

цифровой демократии должна быть направлена на изучение динамического взаимодействия демократии и цифровых технологий.

12. Современный научный дискурс цифровой демократии подчеркивает, что будущее цифровой демократии остается открытым, все возрастающая сложность социальной жизни становится актуальной проблемой, требующей серьезной теоретической и философской рефлексии, при этом заметно возрастает роль академического дискурса цифровой демократии в формировании представлений и убеждений политических акторов.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы.

Апробация результатов диссертационного исследования. Положения и выводы исследования представлены диссертантом на всероссийских и международных конференциях, круглых столах, проводимых в ведущих образовательных и научных организациях: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Северо-Кавказском государственном университете, АНО «Экспертном институте социальных исследований» и др. Суммарное количество публикаций по теме – 14, из них 7 научных статей, 3 главы в монографиях, 2 совместные монографии и 2 опубликованных тезисов научных конференций (см. список использованных источников и литературы – подраздел «Авторские материалы подготовленные в ходе написания диссертации»). 3 публикации индексируются в журналах рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК), 1 входит в международные базы Scopus.

ГЛАВА I. МЕСТО ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1.1. Концепция цифровой демократии и ее вклад в развитие демократической теории

Технологии играют важную роль в различных аспектах жизни современного социума, включая ее политическое измерение. Более того, использование цифровых технологий в настоящее время уже не является предметом дискуссий (что имело место на ранних этапах развития цифровых технологий) и рассматривается как факт. Вместе с тем, исследователи озабочены оценкой влияния новых технологий на различные аспекты жизни социума, включая политику как ее неотъемлемую часть²⁹.

Цифровые технологии открывают новые возможности для различных форм политической деятельности и участия. Поэтому, в настоящее время многие исследователи сосредотачивают свое внимание на изучении взаимосвязи цифровых технологий и политики. Часть исследователей полагают, что посредством цифровых технологий демократия будет укрепляться и развиваться³⁰. Другие исследователи настаивают на том, что существует мало доказательств того, что цифровые технологии стимулирует интерес к политике и управлению и повышают качество политического участия и демократии в целом³¹. Тем не менее, в разных сферах публичной политики можно обнаружить все больше примеров использования цифровых инструментов. Термин «цифровая демократия» стал наиболее часто использоваться исследователями, которые занимаются

²⁹ Nowina Konopka, M. Trzy płaszczyzny relacji Internetu z demokracją na tle rozwoju społeczeństwa informacyjnego. [In:] Musiał-Karg [Ed.]. Demokracja w obliczu nowych Mediów. Elektroniczna demokracja wybory przez Internet, kampania w sieci. Wydawnictwo Adam Marszałek: Toruń. 2013. p. 12

³⁰ Hoven, J.. E-democracy, E-contestation and the Monitorial Citizen. Ethics and Information Technology. 2005. № 7. Pp.51-59. Стр. 51.

³¹ Hoven, J. E-democracy, E-contestation and the Monitorial Citizen. Ethics and Information Technology. 2005. №. Pp.51-59. Стр. 51.

вопросами влияния цифровых технологий на политический процесс. Цифровая демократия – это одна из концепций, в которой взаимосвязь между политикой и новыми технологиями признается и становится объектом научного интереса и соответствующих теоретических и прикладных исследований.

По мере развития и углубления процессов цифровизации и реализации различных инициатив цифровой демократии, осознания их широких инструментальных возможностей, исследование фундаментальных основ цифровой демократии и ее связи с центральными теоретическими принципами демократии, необоснованно отходит на второй план.

В этом контексте представляется особенно важным исследовать взаимосвязь между новыми технологиями и демократией с теоретической точки зрения. Необходимо проанализировать, в частности, фундаментальные демократические процессы, такие как участие, электронное голосование, которые опосредуются цифровыми технологиями. Концепция цифровой демократии вносит вклад как в демократическую теорию, так и в понимание функционирования демократической политической системы в цифровую эпоху.

Исследуя вопросы соотношения, демократия и цифровой демократии в ЕС, Ф. Шмиттер³² подчеркивает, что, ни той, ни другой, фактически еще не существует. Использование им слова «пока» подразумевает, что существует потенциал для дальнейшей демократизации ЕС и что, возможно, такая демократизация будет предполагать широкое использование цифровых технологий.

Нам представляется важным указать здесь на принципиальное, с нашей точки зрения, отличие. Если идеал демократии, как некая идеальная

³² Schmitter, P. C. E-voting, E-democracy and EU-democracy: A thought experiment/ In A. Trechsel & F. Mendez (Eds.)/ The European Union and e-voting: addressing the European Parliament's internet voting challenge. London: Routledge. 2005

теоретическая конструкция, может быть описан, это пока не представляется сделать для цифровой демократии. Стремительное развитие цифровых технологий не позволяет даже гипотетически сформулировать потенциал их влияния на демократию, как и потенциал обратного влияния (который очень редко выступает объектом научной рефлексии). Анализ же эмпирических данных о влиянии цифровых технологий на демократию, приводит к противоречивым результатам.

В последние годы, когда стали очевидны как большие возможности цифровых технологий для развития демократии, так и высокие риски их использования, вопросы, связанные с влиянием цифровых технологий на развитие демократии, свелись к вопросам о том, смогут ли демократии пережить цифровые технологии и смогут ли выжить без них.

Отметим, что определение того, какие политические области включены в концепцию «цифровой демократии», вызывает множество проблем и дискуссий. Несмотря на то, что в последние годы цифровая демократия все чаще становится объектом исследования политологов, социологов, философов, сама концепция не является строгой и законченной, до сих пор отсутствует консенсус и в отношении определения цифровой демократии.

Термин «цифровая демократия», в самом общем виде, предполагает наличие потенциала цифровых технологий в развитии и укреплении демократии. Он охватывает, как правило, электронное голосование и цифровое участие. Так, К.Хакер и ван Дейк концептуализируют цифровую демократию как «совокупность попыток практиковать демократию без ограничений времени, пространства и других физических условий, используя информационно-коммуникационные технологии»³³. При таком подходе к интерпретации цифровой демократии она [цифровая демократия] фактически сводится к краткосрочным действиям. Это в немалой степени

³³ Hacker, K., van Dijk, J. What is Digital Democracy? / Hacker, K. & van Dijk, J. (eds)/ Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. 1st edn. London: Sage, 2000. P.1-9. Стр. 1.

способствовало упрощению и девальвации идеи цифровой демократии и пониманию ее как кликтивизма (щелчок мыши)³⁴. Таким образом, часто критикуемый «кликтивизм» сводит политическое участие к минимальным усилиям в несколько кликов. Однако, небольшие действия по участию также имеют большое значение, поскольку пониженный порог политических действий расширяет круг людей, желающих внести свой вклад.

Кроме того, неявно подразумевается бинарность (взаимоисключающий характер между онлайн и офлайн практиками) между онлайн-взаимодействием и физическими условиями, которые предположительно ограничивают такое взаимодействие. Физичность материального «реального мира» необоснованно противопоставляется киберпространству как сфере демократической практики.

Что касается политических процессов, включая участие, которые анализируются в рамках концепции цифровой демократии, Л. Порембски ограничивает рамки обсуждения, ссылаясь на работы К. Какабадзе, который выделяет четыре основные области³⁵. Первая область касается электронной бюрократии и предполагает все виды действий, направленных на решение административных вопросов. Вторая область связана с предоставлением информации. Третья область исследует процедуры прямой демократии, включая, например, онлайн-обсуждение, электронное голосование и онлайн-референдумы. Последний аспект электронной демократии связан с созданием, поддержанием и укреплением сообществ и гражданского общества.

С нашей точки зрения, основное противоречие, которое лежит в основе цифровой демократии, связано с неопределенной ролью цифровых

³⁴ Halupka, M. The Legitimisation of Clicktivism. Australian Journal of Political Science. 2018. №53(1).p. 130–141.

³⁵ Porębski, L. Obywatel- konsument- obserwator. Główne wymiary wykorzystania Internetu w polityce. Nowe Media. 2010. № 1. Pp. 159-179. Стр. 189.

технологий в развитии демократических институтов и практики политического участия и с такой же неопределенной ролью демократии в развитии цифровых технологий.

Задача концептуализации цифровой демократии в большой степени затрудняется также тем, что сама демократия выступает открытой системой, находящейся в процессе постоянного развития и изменения. Ее динамика, с одной стороны, обусловлена противоречивыми принципами, интерпретациями и стремлениями, присущими самой демократической идее, демократическому идеалу, с другой стороны, на эту динамику оказывают влияние новые возможности и практики, обеспечиваемые использованием цифровых технологий. Таким образом, можно сказать, что комплекс сложных проблем и противоречий цифровой демократии оказался для нее врожденным, естественным образом, приобретенным ею от демократии, многие проблемы и противоречия в развитии которой так и остались до сих пор не разрешенными.

Таким образом, цифровая демократия представляет собой динамично развивающийся феномен, вбирающий в себя две развивающиеся области: развитие демократии и цифровые технологии (использования цифровых технологий в публичной политике и управлении). Цифровая демократия - это понятие, нагруженное политическими устремлениями. С исторической точки зрения, это новейшая модель, пришедшая на смену электронной демократии или теледемократии.

Области демократических изменений, обеспечиваемые использованием цифровых технологий, как правило, предполагают изменения в ролях органов публичной власти и граждан; изменения, происходящие в публичной сфере; изменения в процессах политического участия; изменения в правах.

Инициативы цифровой демократии преследуют цель достижения большей отзывчивости и прозрачности политических процессов. Предоставление гражданам возможности напрямую взаимодействовать с

органами публичной власти и управления посредством использования цифровых технологий, упрощение и оптимизация этого взаимодействия вследствие их использования, позволяет добиться большей чувствительности политики и управления к потребностям граждан. Переосмысление правительства как цифровой платформы³⁶ преследует цель достижения горизонтальных форм гражданского сотрудничества для реализации общего блага. В большинстве этих проектов граждане больше не воспринимаются в роли лишь избирателей. Они становятся субъектами государственного управления, принимая активное участие в процессах принятия решений³⁷.

Некоторые ученые концептуализируют электронное правительство как путь к цифровой демократии. Ключевой вопрос, касающийся соотношения электронного правительства и цифровой демократии, по существу, сводится к вопросу о том, находятся ли электронное правительство и цифровая демократия в прямой зависимости, или нет.

Для описания изменения отношений между гражданами и органами публичной власти и управления были введены различные термины, такие, как электронное правительство, электронное управление и цифровая демократия. При этом во многих случаях понятия «электронное правительство» и «цифровая демократия» используются довольно расплывчато, фиксируя лишь влияние цифровых технологий на отношения между органами публичной власти и гражданами. Электронное правительство – это использование информационных и коммуникационных технологий во всех аспектах деятельности правительственной организации³⁸. К.Гронлунд определяет цифровую демократию как «использование информационных технологий в демократических

³⁶ O'Reilly, T. Government as a Platform. Innovations: Technology, Governance, Globalization. 2011. № 6(1). Pp. 13-40. Стр. 13.

³⁷ Deseriis, M. Two Variants of the Digital Party: The Platform Party and the Networked Party (1.0).2020.

³⁸ Curato N, Farrell D, Geissel B, Kimmo Grönlund, André Bächtiger and Maija Setälä et al. Deliberative Mini-Publics: Core Design Features. Bristol University Press. 2021.p.255

процессах»³⁹. Это широкое толкование используется для того, чтобы показать, что использование цифровых технологий не подразумевает какой-либо конкретной формы демократии. Отметим при этом, что определения в научной литературе варьируются от таких широких, как данное определение, до вполне конкретных, подразумевающих прямую связь с какой-то конкретной формой демократии, обычно прямой демократией.

При определении электронного правительства и цифровой демократии мы обычно сталкиваемся с четырьмя группами определений.

Первая группа исследователей определяет электронное правительство как предоставление государственных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий, позволяющее предоставлять традиционные услуги новыми и более эффективными способами.

Вторая группа исследователей расширила определение электронного правительства, под которым, фактически, понимается цифровая демократия. Электронное правительство выступает «как способ, позволяющий правительствам использовать самые инновационные информационные и коммуникационные технологии, чтобы предоставить гражданам и предприятиям более удобный доступ к правительственной информации и услугам, улучшить качество этих услуг и предоставить больше возможностей для участия в демократических институтах и процессах»⁴⁰. Некоторые ученые этой группы определили цифровую демократию как этап электронного правительства.

Третья группа ученых определила электронное правительство как путь к цифровой демократии. По мнению исследователей, одним из положительных результатов электронного правительства является продвижение цифровой демократии. Предоставление местных услуг может

³⁹ Grönlund Kimmo, Curato N, Farrell D, Geissel B, André Bächtiger and Maija Setälä et al. *Deliberative Mini-Publics: Core Design Features*. Bristol University Press; 2021.p.255

⁴⁰ Z. Fang *E-government in digital era: Concept, practice, and development* International Journal of the Computer, the Internet and Management. 2002

стать механизмом участия сообщества, а электронное правительство может стать средством поощрения электронного участия⁴¹.

Наконец, четвертая группа ученых формулирует более широкую концепцию цифровой демократии по сравнению с электронным правительством. При таком подходе электронное правительство и цифровая демократия оказываются слитыми воедино, являясь «одной частью головоломки цифровой демократии»⁴². Помимо социальных, политических и технологических аргументов в пользу электронного правительства, ученые часто обсуждают электронное правительство как средство усиления демократического процесса. Инициативы электронного правительства могут повысить степень и качество участия граждан. С точки зрения постепенной эволюции, электронное правительство влияет на демократию участия⁴³.

Иногда пересечение понятий и, связанных с ними, концепций, объясняют двусмысленностью самого термина «участие», который охватывает как «минималистские» концепции политического участия (например, голосование), так и «максималистские» концепции»⁴⁴. В этом смысле, понятие участия само по себе недостаточно для концептуализации цифровой демократии.

Многие государства, которые сделали ставку на быстрое и комплексное внедрение электронного правительства, в то же время, столкнулись с серьезными трудностями в коммуникации с гражданами. Само по себе сосредоточение внимания на цифровой коммуникации не приводит к цифровой демократии. Более того, во многих случаях этот

⁴¹ <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0740624X11000578#preview-section-references> [дата посещения 12.11.2023]

⁴² <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0740624X11000578#preview-section-references> [дата посещения 12.11.2023]

⁴³ Lewandowsky S, Pomerantsev P. Technology and democracy: a paradox wrapped in a contradiction inside an irony. *Memory, Mind & Media*. 2022. №1. P.5. doi:10.1017/mem.2021.7

⁴⁴ Carpentier N. *Media and Participation: A Site of Ideological-democratic Struggle*. Chicago: Chicago Univeristy Press.2011.

процесс сопровождается разочарованием и сопротивлением со стороны граждан.

Необходимо указать на существование корреляции между изменением публичной сферы, изменением демократических практик и использованием цифровых технологий. В то же время, имеющие место в научной литературе попытки описать и интерпретировать эту взаимозависимость в терминах причинности (казуальности), при которой подчеркивается генетическая связь одного явления с другим (рассматриваемым в этом контексте как его следствие), сталкиваются с серьезными трудностями.

Поскольку граждане приобретают большую субъектность, социальные и правовые границы между производством, распространением и потреблением новостей размываются, становятся достаточно условными. Традиционные средства массовой информации теряют контроль над своими каналами связи с социальными сетями⁴⁵. Персонализация и горизонтальное распределение информационных потоков способствуют значительной плюрализации публичной сферы.

Цифровая демократия формируется в то время, когда «традиционные формы политического действия приходят в упадок: политические партии страдают от потери членства, освободительная аура избирательного права угасает, а аудитория пассивного гражданина превращается в активную аудиторию»⁴⁶. Происходит «перераспределение» между публичной сферой как пространством для дискуссий и сферой институционального принятия решений, в результате чего первая сфера приобретает актуальность по сравнению с последней.

⁴⁵ Kleis Nielsen, R., Fletcher, R. Democratic Creative Destruction? The Effect of a Changing Media Landscape on Democracy/ In N. Persily & J. A. Tucker (Eds.)// *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform* (1st ed.). Cambridge University Press. 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108890960>

⁴⁶ Ritzer, G., Jurgenson, N. Production, Consumption, Prosumption: The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer.' *Journal of Consumer Culture*. 2010. № 10(1). Pp. 13–36. <https://doi.org/10.1177/1469540509354673>

На «демократическом интерфейсе»⁴⁷ между институционализированной и неинституционализированной сферой политического действия мы наблюдаем значительные изменения, исследования новых типов взаимодействия и влияния на представительные институты. Однако, не все эти эксперименты можно считать демократизирующими. Некоторые из них могут нарушать конституционные границы, носить манипулятивный или антидемократический характер. Платформы цифровых кампаний позволяют мобилизоваться для решения социально-политических вопросов, которые, поддерживают идею более непосредственного выражения воли граждан. В нормативном смысле развивающийся технологический активизм граждан создает цифровые инфраструктуры, чтобы «облегчить взаимодействие граждан, улучшить коммуникацию и обратную связь между правительствами и гражданами»⁴⁸. В то же время это приводит к рискам нарушения организационных связей с институтами принятия решений (парламенты и партии).

Таким образом, цифровой активизм не становится автоматически более инклюзивным и не получает большего политического признания.

В процессах политического участия происходит поворот от долгосрочного участия (в политических партиях или ассоциациях) к участию кратковременному, преходящему, ориентированному на решение конкретных проблем. В. Беннетт В. и А. Сегерберг в этой связи говорят о переходе от коллективных действий к действиям объединяющим⁴⁹.

⁴⁷ Bennett, W. L., Pfetsch, B. Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication*, 2018. №68(2). Pp.243–253. <https://doi.org/10.1093/joc/jqx017>

⁴⁸ Schrock, A. *Civic tech: Making technology work for people*. 2018.

⁴⁹ Bennett, W. L., Segerberg, A. THE LOGIC OF CONNECTIVE ACTION: Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society*. 2012. № 15(5). Pp. 739–768. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>

В то же время нестабильный и преходящий характер большинства цифровых движений не позволяет рассматривать их как полноценную замену традиционным формам политического участия.

Исследователи цифровой демократии подчеркивают, что накопление больших данных и их систематический сбор выступает в настоящее время как новая форма власти, доминирования⁵⁰, структурирующая возможности демократизации цифрового управления.

Цифровые платформы выступают как монополисты, осуществляющие сбор и анализ данных. Таким образом, цифровая демократия способствует возникновению новых источников власти. При этом отношения между публичной властью и цифровыми платформами определяются комплексом противоречий в части попыток осуществления взаимного контроля, использования информации и баз данных, что оказывает существенное влияние на демократический процесс, подрывая его сущность.

Несмотря на то, что права и возможности граждан посредством цифровых технологий существенно расширяются, на практике они оказываются под давлением со стороны цифровых платформ, основанных на данных, кроме того, существует большой соблазн для органов публичной власти манипулировать цифровыми технологиями, расширяя надзорные полномочия государства.

1.2. Концепция цифровой демократии и современные концепции политического участия

Одна из проблем, стоящих перед политической наукой, связана с исследованием политического поведения граждан в контексте новой политической реальности, характеризующейся, в частности, развитием и

⁵⁰ Zuboff, S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. Profile books. 2019.

углублением цифровых технологий, их стремительным проникновением в разные сферы жизни социума.

Цифровое общество принесло с собой новые формы политического участия, в которых различные типы участия создают новые морфологии, где онлайн- и оффлайн-режимы являются сосуществующими, порождая, таким образом, новые модели поведения. «Публичная сфера, адекватная демократическому государству, зависит как от качества дискурса, так и от количества участия»⁵¹.

В целях достижения научной строгости, понятие цифровой демократии должно быть разграничено с понятием электронного участия. Если цифровая демократия фокусируется на макроуровне политики, электронное участие фокусируется на микроуровне. Разумеется, оба уровня связаны друг с другом, поскольку электронное участие в значительной степени зависит от возможностей участия, обеспечиваемых соответствующими моделями цифровой демократии.

Общим местом определений цифрового участия, встречающихся в научной литературе, является указание на использование информационных и коммуникационных технологий в целях вовлечения граждан в процесс принятия решений и предоставления государственных услуг⁵². Ранее мы уже упоминали, что иногда электронное участие рассматривается как область электронного правительства (вовлечение граждан в процессы обсуждения и принятие решений).

В основе электронного участия лежит социальная деятельность, социальная активность, опосредованная цифровыми технологиями, и предполагающая взаимодействие между тремя субъектами и ключевыми

⁵¹ Calhoun, Craig (ed.) Habermas and the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press. 1992. С. 2.

⁵² Medaglia, R.. eParticipation research: Moving characterization forward (2006-2011). Government Information Quarterly. 2012. № 29. Pp. 346-360.

Sæbø, Ø., Rose, J., Skiftenes Flak, L., The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area. Government Information Quarterly. 2008. № 25. Pp. 400–428

заинтересованными сторонами: гражданами, органами государственного управления и политиками⁵³.

Отметим здесь, что электронное участие не включает в себя инициативы граждан, обсуждения политических вопросов, не предполагающие участие правительства (инициатор, модератор, получатель).

Отметим в то же время, что их распространение актуализировало проблему их связи с формальными институциональными процессами.

Высокая значимость, которая придается электронному участию в большой степени связана с функцией укрепления легитимности институтов власти и обеспечения доверия граждан к институтам государства, которую это участие обеспечивает, повышения отзывчивости государственных услуг к потребностям граждан и повышения качества политики и управления в целом.

Технологическое измерение электронного участия включает в себя рассмотрение электронного участия в контексте перехода к цифровому обществу и улучшения цифрового управления.

подавляющее большинство научных работ, в которых поднимаются проблемы электронного участия, посвящены исследованию электронного правительства. Таким образом, большая часть литературы по электронному правительству сосредоточена на электронном предоставлении государственных услуг. Электронное участие обычно считается частью электронного правительства.

Цифровое участие может быть наглядно представлено в виде некоего континуума (от построения политического дискурса и участия граждан в политических программах до разработки политики и предоставления государственных услуг). Разумеется, границы между точками этого континуума и, соответствующими им категориями, достаточно условны. В

⁵³ Sæbø, Ø., Rose, J., Skiftenes Flak, L., 2008. The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area. *Government Information Quarterly*. 2008. № 25. Pp. 400–428.

то же время механизмы электронного участия могут варьироваться в зависимости от того, в какой точке континуума мы находимся.

Также очевидно, что органы публичной власти уделяют разное внимание процессам построения политического дискурса, создания политики, предоставления государственных услуг в зависимости от политических режимов и преобладающих ценностей в государственном управлении⁵⁴. Этот момент имеет важное значение для осознания потенциала и ограничений инициатив электронного участия⁵⁵.

Рис.1 Спектр электронного участия в зависимости от уровня участия

Цифровые технологии упрощают реализацию существующих механизмов участия и предоставляют альтернативные, более дешевые способы участия граждан. Следовательно, в том же правовом и институциональном контексте они создают дополнительные возможности для взаимодействия между органами публичной власти и гражданами. Однако, многие механизмы электронного участия представляют собой

⁵⁴ Rose, J., Persson, J.S., Heeager, L.T., Irani, Z.. Managing e-Government: value positions and relationships: Value paradigms for e-Government. Info Systems. 2015. № 25. Pp.531–571.

⁵⁵ file:///C:/Users/HewlettPackard/Downloads/wp163_2020.pdf стр 6 [дата посещения 16.12.2023]

цифровые версии уже ранее существовавших механизмов или процессов. С другой стороны, цифровые технологии открыли действительно новые способы участия, как с точки зрения каналов участия, так и с точки зрения результатов процессов участия. В то же время граница между «старыми» и «новыми» инструментами участия не всегда четко артикулирована.

В Европе в начале XXI века электронное участие рассматривалось как способ повышения доверия к государственным институтам, способ повышения их легитимности, преодоления растущего отчуждения граждан от формальных политических процессов⁵⁶.

В других странах причины внедрения электронного участия варьировались в зависимости от рассматриваемой страны. Сюда можно отнести инициативы по эффективному управлению, по электронному правительству, а также по открытому правительству и открытым данным⁵⁷.

Первоначально органы публичной власти и эксперты возлагали большие надежды в отношении электронного участия, полагая, что использование цифровых технологий, само по себе, приведет к более широкому участию граждан в политике и управлении, укреплению легитимности правительства и повышению доверия граждан к государственным институтам, способствуя, таким образом, «переходу от тонкой демократии к глубокой демократии»⁵⁸.

Подобные ожидания, характерные для позитивизма, которые, вообще говоря, часто сопровождали развитие электронного правительства, в целом не были подтверждены результатами сравнительных исследований в конкретных странах. Однако недавние исследования показали, что

⁵⁶ Kalampokis, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., A Domain Model for eParticipation/ in:Third International Conference on Internet and Web Applications and Services, 2008. pp. 25–30.

⁵⁷ Picazo-Vela, S., Gutiérrez-Martínez, I., Luna-Reyes, L.F., Understanding risks, benefits, and strategic alternatives of social media applications in the public sector. Government Information Quarterly 2012. №29 pp. 504–511.

⁵⁸ Tai, K.-T., Porumbescu, G., Shon, J., 2019. Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications. Public Management Review. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584233>

подобные ожидания имеют место и в настоящее время, в том числе в быстро модернизирующихся странах, где за последнее десятилетие число инициатив электронного участия стремительно растет⁵⁹.

Сравнительные эмпирические исследования обнаруживают наличие корреляции между успехом инициатив электронного участия и вниманием к офлайн-мероприятиям для поддержки электронного участия⁶⁰. Совмещение онлайн- и офлайн-деятельности - широко распространенная практика.

Результаты эмпирических исследований показывают достаточную условность и размытость границ между государственными и частными инициативами в сфере цифрового участия граждан. Платформы электронного участия все чаще полагаются при реализации своих функций на компоненты, разработанные частным сектором. Частный сектор и некоммерческие организации создали платформы для действий граждан и реализации обратной связи с пользователями. Во многих странах платформы, ориентированные на граждан, которые не модерируются правительством, направлены на генерирование идей, которые граждане хотели бы видеть в политической повестке дня⁶¹. Эти платформы обычно привлекают больше трафика, чем государственные платформы для участия⁶², что ставит их в отношения конкуренции с официальными платформами⁶³.

⁵⁹ Peixoto, T., Fox, J.A., When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? Digital dividends: background paper for the World Development Report. 2016. <https://doi.org/10.19088/1968-2016.104>

⁶⁰ Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., eParticipation Initiatives in Europe: Learning from Practitioners, in: Tambouris, E., Macintosh, A., Glassey, O. (Eds.), *Electronic Participation, Lecture Notes in Computer Science*. Springer Berlin Heidelberg, 2010. pp. 54-65.

⁶¹ Päivärinta, T., Sæbø, Ø., Models of E-Democracy. *Communications of the Association for Information Systems*, 2006. Pp.818-840. <https://doi.org/10.17705/1CAIS.01737>

⁶² Bohman, S., Hansson, H., Mobini, P., Online Participation in Higher Education Decision-making. *Journal of eDemocracy and open government* 2014. №6. Pp. 267-285.

⁶³ Vidiasova, L., Vidiasov, E., The Effectiveness of E-Participation Tools in Russia: Analysis of E-Petition Portals and Sites with Solutions for Urban Problems, in: Sgem 2016, Bk 2: Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism Conference Proceedings. Technology Ltd, Sofia, Vol I. №92. pp. 621-628

Интерес самих граждан к электронному участию, вероятно, сильно варьируется в зависимости от множества факторов: страны, институциональных условий, характера самого участия и др.

Сравнительный анализ электронного участия граждан осложняется отсутствием таких данных в большинстве стран, отсутствием единых методологических подходов к оценке эффективности электронного участия. В этих условиях о реальных тенденциях в развитии электронного голосования приходится судить на основании неофициальных и достаточно фрагментарных данных. Что касается стран Европы, данные по которым открыты и представлены наиболее полно, то в Европейском Союзе в период с 2014 по 2019 гг. уровни участия граждан в (национальных или местных) электронных консультациях и голосовании оставались, по существу, одинаковыми, несмотря на быстрый рост доступности онлайн-услуг. Исследователи объясняют сложившееся положение формальным, показным стремлением стран к цифровым технологиям, которые лежат в основе цифровой стратегии Европы. Даже в тех странах, которые добились значительных успехов в использовании цифровых технологий в публичной политике и управлении в целом, отмечают проблемы и неудачи в проектах электронного участия.

Например, М.Тутс оценивает платформу электронного участия Osale.ee как провальную, подкрепляя собственный вывод различными данными из официальных отчетов, анализ которых подводит к аналогичным выводам⁶⁴.

Необходимо признать, что объективная оценка электронного участия даже в отдельной, конкретно взятой стране, представляет собой сложную задачу, требующую не только анализа политического дискурса, но и анализа реальной практики электронного участия, институциональных условий, обеспечивающих это участие, оценки глубины участия. Существующие

⁶⁴ Toots, M. Why E-participation systems fail: The case of Estonia's Osale.ee. Government Information Quarterly, forthcoming. 2019.

исследования фиксируют наличие несоответствия между политическим дискурсом и декларируемой ценностью участия и вовлечения граждан в политику и управление и реальным стремлением к расширению этого участия. Это несоответствие варьируется в зависимости от конкретной страны.

Действительно, в подавляющем большинстве стран участие граждан в политике и управлении занимает важное место в декларируемых целях органов публичной власти.

В модернизирующихся странах с электронным участием граждан в политике и управлении связываются надежды на повышение эффективности политики и управления и повышение качества демократии и ее институтов⁶⁵.

Что касается стран Европейского Союза, анализ политического дискурса показывает достаточно отчетливо выраженный поворот от технооптимизма (связанного с улучшением качества демократии через цифровое участие граждан в политике и управлении) к более осторожному оптимизму.

Несмотря на то, что Европейский Союз был одним из ранних инициаторов электронного участия⁶⁶, «финансирование электронного участия в последние годы было минимальным»⁶⁷.

Таким образом, высокие ожидания, связываемые с электронным участием, полностью не оправдались даже в тех странах, которые претендовали на роль лидеров в области цифровизации политики и управления. Причем, оптимистические ожидания исследователей и органов

⁶⁵ Peixoto, T., Fox, J.A., When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? Digital dividends : background paper for the World Development Report. 2016. <https://doi.org/10.19088/1968-2016.104>

⁶⁶ Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., eParticipation Initiatives in Europe: Learning from Practitioners, in: Tambouris, E., Macintosh, A., Glassey, O. (Eds.), Electronic Participation, Lecture Notes in Computer Science. Springer Berlin Heidelberg, 2010. pp. 54-65.

⁶⁷ Ле Блан Д. Электронное участие: краткий обзор последних качественных тенденций. Нью Йорк. ООН. Доклад №163. 2020. С.33

публичной власти, связываемые с использованием цифровых технологий, в большей степени оказались обоснованными в части совместного производства государственных услуг, чем электронного политического участия.

Далее необходимо отметить, что подавляющее большинство проблем, которые обнаруживаются в области электронного участия, характерны для политического участия в целом. Исследования показывают, что эти проблемы (в большинстве своем) не преодолеваются использованием цифровых технологий.

К ним относятся: формальный характер участия, проблема символического участия, доминирование инициатив элиты, игнорирование и низкий уровень участия маргинальных групп общества, разочарование вследствие неэффективности и отсутствия обратной связи, объективно высокие затраты на поддержание процессов участия, несопоставимые с достигаемым результатом этого участия.

Другая группа проблем, с которыми сталкивается электронное участие, касается уже непосредственно использования цифровых технологий. Речь идет о т.н. проблеме цифрового разрыва. Первоначально (при внедрении электронного правительства) эта проблема была описана в контексте доступа к технологиям, затем, по мере обеспечения такого доступа, она стала осознаваться как проблема исключения целых социальных групп из участия в цифровой политике и управлении.

Несмотря на признание того, что цифровые технологии обладают потенциалом для расширения возможностей участия и выравнивания возможностей участия, исследователи подчеркивают, что они также могут углубить существующие разногласия и, таким образом, стать испытанием для демократий.

При этом остается бесспорным, что цифровые технологии открывают большому количеству людей принципиально новые возможности выражать свое мнение и участвовать в процессах принятия политических решений.

С самого начала инициативы электронного участия рассматривались (а потом и реализовывались), скорее, как технологический, чем социально-политический проект. Разумеется, технологическая сторона здесь имеет существенное значение. В то же время гипертрофированное внимание к технологическим аспектам, тот явный приоритет, который отдавался решению технологических вопросов в ущерб социально-политическим, культурным, ценностным факторам в настоящее время связывается с неудавшимися попытками инициатив и проектов электронного участия.

В то же время, в отличие от других составляющих электронного правительства, в частности, электронных услуг, оценка реализации проектов электронного участия в разных странах наглядно демонстрирует ошибочность такого подхода (создание платформ для электронного участия оказывается явно недостаточным для стимулирования участия).

Консолидация, принятие цифровых технологий участия гражданами в большой степени определяется существующим уровнем доверия к институтам публичной власти, цифровым технологиям, а также к конкретным компонентам платформ участия.

Вопрос идентификации (анонимности) при электронном участии возникает в разнообразных контекстах, таких, как электронные петиции⁶⁸, электронное нормотворчество⁶⁹, живые лаборатории⁷⁰, обратная связь с гражданами и краудсорсинг. Кроме того, в последнее время возросло осознание того, что социальные сети могут использоваться для распространения ложной информации и поляризации общественных дискуссий. Два десятилетия опыта показали важность связи инициатив электронного участия с формальными институциональными процессами.

⁶⁸ Obersteller, H. Anonymous ePetitions – Another Step Towards eDemocracy, in: Camenisch, J., Fischer-Hübner, S., Hansen, M. (Eds.), *Privacy and Identity Management for the Future Internet in the Age of Globalisation*. Springer International Publishing, Cham, 2015. pp. 110–124

⁶⁹ Epstein, D., Newhart, M., Vernon, R., Not by technology alone: The “analog” aspects of online public engagement in policymaking. *Government Information Quarterly* 2014. №31. p. 337–344.

⁷⁰ Thiel, S.-K., Larsen-Ledet, I., The Role of Pseudonymity in Mobile e-Participation, in: *Proceedings of the 52nd Hawaii International Conference on System Sciences*. HICSS, Hawaii. 2019., pp. 2880–2889

Например, в обзоре европейских инициатив электронного участия, проведенном в 2010 году, участники последовательно выражали опасения, что «весь процесс может ни к чему не привести», и требовали четкого обязательства по интеграции результатов инициативы в политический процесс, отзывов об общих результатах участия и указаний о том, как они будут использоваться в будущем. Исследование, в то же время показало, что многие инициативы не обеспечили такой обратной связи⁷¹.

В области разработки политики это означает четкое определение процесса, посредством которого мнения граждан будут учитываться при принятии решений, в сфере со-участия в процессе предоставления услуг это означает создание механизмов, с помощью которых органы публичной власти смогут реагировать на отзывы граждан и заставлять поставщиков услуг реагировать на них⁷².

Исследование цифровых платформ для выражения мнения граждан в модернизирующихся странах⁷³ подчеркивает различие между платформами, которые обеспечивают индивидуальную обратную связь, и теми, которые агрегируют входные данные или отзывы. Многие платформы обеспечивают оба этих процесса. Исследования подчеркивает ключевую роль обеспечения обратной связи для принятия гражданами электронного участия. В то же время анализ сравнительных исследований указывает на отсутствие явной корреляции между уровнем/степенью использования платформ электронного участия гражданами и наличием обратной связи со стороны органов публичной власти (более того, в ряде случаев некоторые цифровые платформы с высоким уровнем использования оказались

⁷¹ Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., eParticipation Initiatives in Europe: Learning from Practitioners, in: Tambouris, E., Macintosh, A., Glassey, O. (Eds.), Electronic Participation, Lecture Notes in Computer Science. Springer Berlin Heidelberg, 2010. pp. 54–65

⁷² Peixoto, T., Fox, J.A., When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? Digital dividends : background paper for the World Development Report 2016.

⁷³ Peixoto, T., Fox, J.A.. When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? Digital dividends : background paper for the World Development Report 2016.

положительно связаны с фактическим отсутствием обратной связи со стороны органов публичной власти и наоборот).

Оценка и измерение результатов электронного участия, пожалуй, остается наиболее неисследованной областью электронного участия. Это во многом объясняется размытыми и часто плохо артикулированными целями электронного участия (существованием более широких целей, которые трудно измерить), отсутствием показателей эффективности конкретных инициатив электронного участия.

Как правило, при исследовании эффективности и результативности электронного участия анализируются такие вопросы как: кто принимает участие; позволяют ли цифровые каналы охватить группы, которые не были бы охвачены офлайн-средствами, каково качество и глубина участия и т.д. Инициаторы проектов редко систематически исследуют то, как участие влияет на результаты рассматриваемого процесса или услуги и что оно приносит участникам.

Систематические попытки собрать и интерпретировать данные об уровне участия в разных странах, практически отсутствуют (даже на уровне обзорных исследований). Также не существует четких критериев того, что представляет собой «хороший» уровень участия, что, опять же, может объясняться отсутствием четких целей инициатив электронного участия. Очевидно, что измерения использования возможностей электронного участия недостаточно для оценки успеха; тем не менее, показатели эффективности, основанные на улучшении политики и процесса принятия решений, а также на улучшении качества государственных услуг, встречаются редко, а имеющиеся данные о влиянии электронного участия на них неоднозначны.

Таким образом, существует необходимость в дополнительных исследованиях результатов инициатив электронного участия в разных странах, в том числе в модернизирующихся странах, которые активно

продвигают усилия по цифровизации и в которых наблюдается значительный рост цифрового участия.

Полноценное исследование электронного участия в разных социально-политических контекстах требует выхода за рамки технических или технологических аспектов. Успех инициатив электронного правительства во многом зависит от ценностей, преобладающих в политике и государственном управлении. Эффективность электронного участия и его влияние на отношения между гражданами и государством зависят от преобладающих ценностей, лежащих в основе политической системы в конкретной стране.

Должно ли электронное участие быть, в первую очередь, направлено на улучшение институциональной деятельности или оно должно служить более широким демократическим целям (например, просвещение общественности и повышение гражданской активности)?

В некоторой степени проблемы, наблюдаемые в сфере электронного участия, могут быть связаны с существенными различиями между электронным участием и другими областями электронного правительства. Участием принципиально сложнее управлять, чем стандартными административными операциями, поскольку от участников ожидается индивидуальная обратная связь, а также сигналы о том, что их вклад принимается во внимание. Поскольку участие является добровольным, а не обязательным, как в случае с цифровыми государственными услугами, доверие к правительству и государственным институтам играет более важную роль в вовлечении граждан. В свою очередь, доверие к государственным институтам может быстро снизиться, если граждане почувствуют отсутствие влияния их участия на принятие политических решений. Это подчеркивает необходимость тщательного анализа более широкого политического и административного контекста, в котором происходит электронное участие, а также потребностей, мотивации всех заинтересованных сторон.

1.3. Концепция электронной электоральной политики и ее особое место в дискурсе цифровой демократии

В данном параграфе мы обращаемся к области, которая в значительной степени не исследована, а, именно, к электронному голосованию в цифровой демократии. При этом сам диссертант намеренно не занимает здесь позицию сторонника или противника электронного голосования. Важно также подчеркнуть, что данная область исследования охватывает широкий круг технологических, нормативных, политических, экономических и социальных аспектов. Более того, контекст электронного голосования в цифровой демократии включает в себя аспекты глобализации, технические проблемы, связанные с функциональной совместимостью, стандартизацией данных и безопасностью. Вместе с тем, отметим, что электронное голосование выступает весьма спорной темой в электоральных исследованиях, одновременно являясь самым инновационным, но в то же время противоречивым «событием» в глобальном движении к электронному правительству и э цифровой демократии. Поскольку электронное голосование предполагает инновационные методы, отличные от традиционных способов голосования, вопрос о том, является ли перенос выборов в онлайн-режим фактором, повышающим демократичность выборов или, напротив, фактором, создающим дополнительные риски и угрозы для демократии, стал актуальным предметом научных дискуссий. Как известно, выборы выступают одной из наиболее важных функций демократии.

Последние достижения в области искусственного интеллекта и, связанных с ним, инноваций, расширяют границы цифровизации. Вспышка пандемии еще в большей степени актуализировали вопросы, касающиеся электронного голосования, рассматривая его [электронное голосование] в сложившихся условиях как единственную возможность реализации избирательного права.

Интерес к электронному голосованию объясняется интересом к стремительно развивающимся смежным вопросам и направлениям, таким, как электронное правительство, цифровая демократия, электронное управление, электронное участие и т.д., которые также требуют осмысления и концептуализации.

Нельзя не отметить обусловленность особого исследовательского и практического интереса к электронному голосованию и проблемами традиционных избирательных систем, особенно проявившихся в западных странах (отсутствие интереса, низкий уровень доверия к органам публичной власти, политическим партиям, неверие в легитимность выборов, отсутствие достойных кандидатов, по мнению избирателя, низкий уровень гражданского самосознания и др.).

Содержание понятия «электронное голосование» варьируется в широком диапазоне: «от голосования с помощью электронных средств до апеллирования к интернет-сообществу относительно выражения его политического мнения, от подсчета голосов с помощью электронных средств до интегрированных электронных систем, от регистрации избирателей и кандидатов до публикация результатов выборов»⁷⁴. В целях достижения научной строгости, понятие «электронное голосование» в настоящее время ограничивается политическими выборами и референдумами. Инициативы или опросы общественного мнения, а также выборочное участие граждан между выборами или референдумами, как правило, не включается в это понятие⁷⁵.

⁷⁴ Buchsbaum T. M. “E-voting: International Developments and Lessons Learnt”. Proceedings of Workshop on Electronic Voting in Europe –Technology, Law, Politics and Society, Austria, at www.subs.emis.de/LNI/Proceedings/Proceedings47/ 2004. [Proceeding.GI.47-4.pdf](#). [дата посещения 01.11.2023]

⁷⁵ Buchsbaum T. M. “E-voting: International Developments and Lessons Learnt”. Proceedings of Workshop on Electronic Voting in Europe –Technology, Law, Politics and Society, Austria, at www.subs.emis.de/LNI/Proceedings/Proceedings47/ 2004. [Proceeding.GI.47-4.pdf](#). [дата посещения 01.11.2023]

В научной литературе разрабатываются различные сценарии развития электронного голосования. Часть исследователей считают электронное голосование «волшебным бюллетенем»⁷⁶. Снижая физические затраты на голосование и минимизируя препятствия для участия, электронное голосование сделает процесс политического выбора более доступным и удобным, тем самым, привлекая к участию большее количество людей, особенно молодого возраста⁷⁷, способствуя решению проблемы снижения явки избирателей, которая вызывает серьезную обеспокоенность в западных странах. Электронное голосование также обеспечивает защиту от фальсификаций на выборах⁷⁸.

С другой стороны, подчеркивается потенциальная опасность технологических сбоев и проблем безопасности, в этой связи часто утверждается, что соединение цифровых технологий и голосования является опасной идеей⁷⁹. Легкость взлома персональных компьютеров и серверов избирательных комиссий, а также слабое шифрование электронных голосов во время интернет-голосования затрудняют обеспечение целостности избирательных бюллетеней и сохранение конфиденциальности избирателей. Кроме того, вызывает обеспокоенность проблема обеспечения справедливости онлайн-голосования. Таким образом, потенциальные преимущества и неизбежно возникающие риски, связанные с электронным голосованием, вызвали самые разные реакции со стороны национальных государств. Отдельные страны экспериментировали с электронным голосованием, стремясь сократить расходы на выборы, уменьшить количество ошибок при голосовании и повысить явку

⁷⁶ Germann, M., Serdült, U. 'Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland// Electoral Studies. 2017. №47. pp.1-12.

⁷⁷ Gronke, P. et al. 'Convenience voting.' Annual Review of Political Science. 2008. № 11. pp.437-455.

⁷⁸ Schryen, G. 'Security aspects of Internet voting.' Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Science. Hawaii, USA. 2004. pp.1-9.

⁷⁹ Parks, M. In 2020, some Americans will vote on their phones. Is that the future? 2019// <https://www.npr.org/2019/11/07/776403310/in-2020-some-americans-will-vote-on-their-phones-is-that-the-future> [дата посещения 11.09.2023]

избирателей. Сами эксперименты при этом значительно различаются не только по масштабам и результативности, но и по реакции на существующие проблемы безопасности.

Электронное голосование подразумевает уменьшение временных затрат избирателей. По сравнению с голосованием по почте, при котором избирателям приходится отправлять свои бюллетени для голосования за несколько дней до дня выборов, чтобы гарантировать их своевременный подсчет, голоса через интернет доставляются немедленно. Во-вторых, как уже указывалось, электронное голосование повышает доступность. Помимо упомянутых выше препятствий, граждане (особенно избиратели с проблемами здоровья и ограниченными возможностями) могут испытывать трудности, связанные с перемещением до своих избирательных участков в день выборов. Технологии цифрового голосования могут дать этим группам возможность преодолеть такие препятствия на пути участия и, таким образом, повысить доверие избирателей и их желание участвовать в выборах. Электронное голосование может также принести пользу людям, живущим в отдаленных районах, и привлечь тех, кто временно находится за пределами собственной страны. Таким образом, электронное голосование соответствует современному мобильному образу жизни. Электронное голосование имеет особую привлекательность для молодежи. Как отмечает Р. Гибсон, традиционные формы голосования с помощью бумаги и ручки устаревают, вступая в противоречие с современными тенденциями развития технологий, и, отталкивая, таким образом, молодежь⁸⁰.

Действительно, для молодых людей формы политической артикуляции, опосредованные цифровыми технологиями, все больше заменяют привычные, традиционные формы.

Таким образом, ожидается, что перевод выборов в онлайн-режим повысит привлекательность голосования и создаст положительный эффект

⁸⁰ Gibson, R.K. 'Internet voting and the European Parliament elections' in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) // *The European Union and E-Voting (Electronic Voting)*. London: Routledge. 2005. pp.29-59.

явки. Наконец, электронное голосование может оказать преобразующее воздействие на организацию выборов. Благодаря электронному голосованию у правительства будет меньше необходимости разворачивать и эксплуатировать физическую инфраструктуру для голосования и оснащать избирателей необходимым оборудованием⁸¹. Для проведения заочного голосования и подсчета голосов потребуется меньше персонала. Таким образом, электронное голосование может сократить расходы избирательных органов. Кроме того, цифровые технологии голосования могут ускорить и повысить точность подсчета и предоставления результатов выборов⁸². Программное обеспечение помогает уменьшить возможные ошибки при голосовании и преодолеть другие общие недостатки. Другие исследователи указывают, что несмотря на то, что цифровые технологии могут инициировать более широкое участие в выборах, ожидание массовой явки часто преувеличено и в реальности не было реализовано на практике⁸³. Более того, отмечается, что цифровые технологии могут выступать в качестве дополнительного барьера для и без того находящихся в неблагоприятном положении групп⁸⁴. Такая точка зрения обосновывается тем, что многие люди столкнулись с трудностями при использовании новых технологий, что сводит на нет любые обещания, представленные в теории. П.Норрис⁸⁵ и П.Скиарини⁸⁶ сравнивают

⁸¹ Goodman, N.J., Spicer, Z. 'Administering elections in a digital age: Online voting in Ontario municipalities// Canadian Public Administration, 2019. №62(3). pp.369-392

⁸² Goodman, N.J., Pammett, J.H., and DeBardeleben, J. (2010) 'A comparative assessment of electronic voting'. Available at: https://www.elections.ca/res/rec/tech/ivote/comp/ivote_e.pdf [дата посещения 06.05.2023]

⁸³ Bochsler, D. Can Internet voting increase political Participation? Remote electronic voting and turnout in the Estonian 2007 parliamentary elections. 2010. [Conference presentation]. The 'Internet and Voting' Conference. 3-4 June. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1456827 [дата посещения 06.05.2023]

⁸⁴ Berinsky, A.J. 'The perverse consequences of electoral reform in the United States.' American Politics Research. 2005. № 33(4): pp.471-491

⁸⁵ Norris, P. E-voting as the magic ballot for European Parliamentary elections?/ in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) The European Union and E-Voting (Electronic Voting). London: Routledge. 2005. pp.60-90

⁸⁶ Sciarini, P. (et al.) Etude du vote par internet dans le canton de Genève. 2013 // <https://cdc-ge.ch/wp-content/uploads/2022/06/evotingrapportunige0.pdf> [дата посещения 06.05.2023]

преимущества электронного голосования и голосования по почте и приходят к выводу, что дополнительное преимущество, связанное с электронным голосованием, минимально и может оказаться недостаточным для того, чтобы привлечь дополнительных избирателей к участию в выборах. Отдельные исследования показывают, что в контексте местных выборов в ряде случаев голосование по почте оказалось очень эффективным для повышения явки, в то время как электронное голосование оказалось в этой ситуации менее предпочтительным. Р. Гибсон в этой связи подчеркивает, что любопытство и высокий уровень внимания средств массовой информации играют решающую роль в повышении участия в выборах лишь на начальном этапе, когда было введено электронное голосование⁸⁷. Однако, такие эффекты, вряд ли, сохранятся в долгосрочной перспективе. В этом смысле, электронное голосование может не оказать длительного влияния на явку избирателей (иными словами, значимый эффект влияния электронного голосования на явку избирателей будет иметь место лишь на первых порах при внедрении электронного голосования).

Скептицизм исследователей в отношении электронного голосования объясняется более фундаментальными причинами. Решение граждан участвовать в выборах зависит от гораздо более сложных факторов. Политическое недовольство и разочарование, например, являются нерешенной проблемой. Разобщенное и отчужденное население часто не заинтересовано в участии в политике и особенно устойчиво к любым изменениям⁸⁸. Таким образом, изменение технологии выборов никак не влияет на заинтересованность в участии в политике и управлении. В этом смысле, электронное голосование может повысить явку той группы

⁸⁷ Gibson, R.K. 'Internet voting and the European Parliament elections', in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) *The European Union and E-Voting (Electronic Voting)*. London: Routledge. 2005. pp.29-59.

⁸⁸ Yamatomo, M. and Kushin, M.J. 'More harm than good? Online media use and political disaffection among college students in the 2008 election.' *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. № 19(3). Pp.430-445.

Vassil, K. et al. 'The diffusion of Internet voting: Usage patterns of Internet voting in Estonia between 2005 and 2015.' *Government Information Quarterly*. 2016. № 33(3). pp.453-459.

избирателей, которая отказалась от участия в выборах вследствие неудобств и проблем с мобильностью (но при этом не имеет трудностей с использованием цифровых технологий). Таким образом, электронное голосование, выступая исключительно технологическим решением, в принципе не может «являться решением глубоких политических и социально-экономических проблем, выходящих за рамки технологических причин»⁸⁹.

Сложная взаимосвязь между электронным голосованием и участием в выборах была продемонстрирована в нескольких эмпирических исследованиях в различных национальных контекстах, итогом которых стали противоречивые результаты, требующие дополнительной интерпретации и осмысления. Например, на референдуме по бюджету в Бразилии 2000 году был сделан вывод о том, что эксперимент с электронным голосованием значительно увеличил явку избирателей. Однако этот эффект не наблюдался в других странах, а в тех случаях, когда эффект увеличения явки избирателей, вследствие использования электронного голосования, действительно имел место, он часто не носил долгосрочного характера.

Исследователи также подчеркивают, что перенос выборов в онлайн режим может нести в себе риск превращения ритуалов голосования в еще одно изолированное индивидуальное действие (подобно другим действиям в социальных сетях), снижая эффект коллективного демократического участия и ставя под угрозу социальный характер голосования, снижая чувство социальной ответственности и гражданского долга⁹⁰.

Позиции исследователей варьируются также в отношении к рискам безопасности, связанным с электронным голосованием.

⁸⁹ Sharma, S. Can't change my political disaffection! The role of political disaffection, trust, and resistance to change in internet voting.' *Digital Policy, Regulation and Governance*. 2020. № 22(2): pp.71-91

⁹⁰ Unt, T., Solvak, M. and Vassil K. Does Internet voting make elections less social? Group voting patterns in Estonian e-voting log files (2013-2015)// *PLoS One*, 2017. №12(5). pp.1-13

Обеспокоенность по поводу соблюдения принципов тайного голосования и отсутствия фальсификаций при подсчете голосов, как правило, возглавляют список контраргументов против электронного голосования⁹¹. Согласно проведенным исследованиям, риски, в первую очередь, связаны с ослаблением контроля над средой голосования. Перенос выборов в онлайн режим означает, что избирательные органы могут только предоставлять избирателям решение для голосования, но при этом не всегда могут контролировать саму среду.

В настоящее время среди исследователей существует консенсус в отношении того, что электронное голосование не может полностью гарантировать безопасную среду голосования. Конфиденциальность избирателей также может быть нарушена. Однако, эти проблемы характерны не только для электронного голосования. Как показано в работе Р. Криммер, Д. Дуэнас-Сид и И. Кривоносова⁹², традиционное голосование может также привести к подобным проблемам. Основываясь на представлении о том, что ни одна система в мире не является полностью безопасной, ученые, сохраняющие большие надежды на цифровизацию выборов, считают необходимым сосредоточить усилия на минимизации рисков электронного голосования. Таким образом, исследования электронного голосования переходят в плоскость разработки основополагающих принципов, необходимых для безопасного электронного голосования⁹³. Дж. Хелм⁹⁴ предлагает комплексный

⁹¹ Scott, T. Why electronic voting is still a bad idea. 2020. Av.at: <https://www.markpack.org.uk/160622/why-electronic-voting-is-still-a-bad-idea-tom-scott/> [дата посещения 06.05.2023]

Vicens, A.J. Online voting is a really, really bad idea. Available at: <https://www.motherjones.com/politics/2019/11/online-voting-problems/> [дата посещения 06.05.2023]

⁹² Krimmer, R., Duenas-Cid, D. and Krivonosova, I. Debate: safeguarding democracy during pandemics. Social distancing, postal, or internet voting- the good, the bad or the ugly?// Public Money & Management, 2020. №41. pp.8-10.

⁹³ Alvarez, R.M. Hall, T.E. Building secure and transparent elections through standard operating procedures// Public Administration Review. 2008. № 68(5). pp.828-838.

⁹⁴ Helm, J.E. Distributed Internet voting architecture: A thin client approach to Internet voting// Journal of Information Technology. 2021. № 36(2). pp.128-153.

системный подход к электронному голосованию, включающий регистрацию избирателей, процесс голосования и подсчет голосов. Также предпринимались международные усилия по определению стандартов для электронного голосования. Другие работы, посвященные технологическим инновациям, исследуют как развитие цифровых технологий может минимизировать риски безопасности и, таким образом, повысить доверие и укрепить приверженность избирателей электронному голосованию. Исследователи разрабатывают архитектуру облачных вычислений для выявления рисков и защиты электронных государственных услуг, анализируют различные криптографические инструменты при разработке современных систем электронного голосования, ведутся поиски возможностей создания более безопасной системы онлайн-голосования путем применения технологий с поддержкой блокчейна.

Анализ практики электронного голосования в разных странах показывает, что внедрение и распространение системы электронного голосования с необходимостью предполагает сложный процесс институционального строительства, не сводящийся к формальному введению электронного голосования. Разумеется, его формирование требует времени и терпения. Таким образом, не следует ожидать немедленных результатов после внедрения новых технологий голосования, электронное голосование не является быстрым решением существующих проблем. Распространение системы электронного голосования с необходимостью требует административных, правовых и политических инноваций⁹⁵.

Несомненно, решение проблем безопасности в контексте электронного голосования имеет огромное значение. Однако, как показывает анализ академического дискурса, посвященного цифровой

⁹⁵ Krivonosova I. () 'The forgotten election administrator of Internet voting: Lessons from Estonia// Policy Studies, 2022. № 43. pp.1254-1276.

демократии и электронному голосованию, как важной его составляющей, именно общественное доверие к институтам публичной власти выступает наиболее важной предпосылкой принятия электронного голосования на фоне растущих проблем, связанных с обеспечением безопасности.

Это общественное доверие возникает не только и не столько благодаря возможностям цифровых технологий, обеспечивающих, в частности, технологическое решение проблем безопасности электронного голосования, сколько в результате институционализации и рутинизации реальных практик в контексте более широкой социо-политико-технологической системы.

Рутинизация всегда предполагает формирование новых форм знаний. Рутинные действия обеспечивают достижение необходимой стабильности и автоматизма в развитии политического процесса. Важно подчеркнуть, что процессы рутинизации представляют собой сложную задачу, включающую как когнитивные, так и политические механизмы. Рутинизацию можно считать успешной, когда установлено новое состояние доверия, которое помогает преодолеть социально-эмоциональные проблемы, возникающие в результате происходящих изменений. Медленный темп рутинизации объективно обусловлен когнитивными механизмами, в частности, трудностью создания новых знаний, в ситуации, когда изменения значительны.

Анализ компаративных и тематических исследований, посвященных электронному голосованию, показывает, что в ряде стран электронное голосование так и не продвигается дальше экспериментальной стадии небольших пилотных проектов без доверия общественности к цифровым возможностям государства и общества (как в случае с США).

Ученые сходятся во мнении, что в условиях низкого общественного доверия к органам публичной власти, внедрение электронного голосования (несмотря на все объективно существующие инструментальные

преимущества) способно принести больше вреда, чем пользы, подрывая сами основы демократии.

Без надежных демократических институтов электронное голосование может оказаться ненадежным и нелегитимным. Небольшие изменения в доле голосов партий могут привести к значительным различиям в распределении мест в законодательных органах, что приведет к длительным юридическим и политическим баталиям по поводу результатов выборов⁹⁶.

Несмотря на имеющий место, хотя и далеко не всеми разделяемый оптимизм в отношении электронного голосования и его преимуществ, анализ динамики развития электронного голосования в разных странах показывает, что число стран, внедривших электронное голосование, в последнее время, скорее, имеет тенденцию к уменьшению и отказу от электронного голосования. В то же время несмотря на то, что некоторые страны Европы (например, Великобритания, Нидерланды и Норвегия) отказались от электронного голосования, другие страны, в частности, страны Азии (например, Иордания, Филиппины и Индия) трансформировали национальные избирательные системы, приняв систему электронного голосования в целом или ее отдельные элементы. В целом число стран, внедривших электронное голосование, сократилось с 43 стран в 2010 году⁹⁷ и до 33 стран в 2019 году⁹⁸.

Одновременно с этим стремительно растет количество научных публикаций, посвященных электронному голосованию. Параллельное существование этих двух тенденций ясно показывает потребность в более обстоятельном осмыслении и концептуализации электронного голосования, объяснении противоречивых результатов эмпирических исследований.

⁹⁶ Lust, A. (2015) 'Online voting: Boon or bane for democracy?' *Information Policy*, 20(4): pp.313-323.
Lust, A. (2018) 'I-vote, therefore I am? Internet voting in Switzerland and Estonia.' *SAIS Review of International Affairs*, 38(1): pp.65-79.

⁹⁷ Darmawan I, Nurhandjati N and Kartini E (2014) *Memahami E-Voting: Berkaca Dari Pengalaman Jembrana dan Negara-Negara Lain*. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia

⁹⁸ International IDEA (2019) *Electronic election database*. Available at: <https://www.idea.int/data-tools/questionview/742> (accessed 29 May 2021).

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует ясное понимание процессов институционализации электронного голосования с учетом контекстуальных особенностей разных стран. Ощущается дефицит фундаментальных исследований, которые бы способствовали более глубокому пониманию электронного голосования и объясняли бы противоречивые результаты эмпирических исследований и тенденцию отказа от цифрового голосования, имеющую место в разных странах.

В научной литературе, посвященной электронному голосованию, в настоящее время доминируют исследования, анализирующие процессы электронного голосования в европейских странах и США, электронное голосование в странах Азии, где стремительно развиваются процессы цифровизации, все чаще становятся объектом исследовательского интереса.

С точки зрения философских традиций, в большинстве исследований доминирует позитивистский подход, само электронное голосование выступает как независимая или зависимая переменная.

В рамках характеристики научного дискурса, посвященного электронному голосованию, сформулируем спектр исследовательских вопросов в контексте электронного голосования, которые, в разных сочетаниях, встречаются в исследованиях и ответы, на которые, часто приводят, как уже подчеркивалось, к противоречивым результатам.

- влияние внедрения электронного голосования (независимая переменная) на другие факторы, например, на явку избирателей, укрепление и развитие демократии (зависимые переменные)⁹⁹.
- анализ различных факторов, влияющих на электронное голосование (выступающее уже в качестве зависимой переменной).

⁹⁹ Roseman GH Jr and Stephenson EF. The effect of voting technology on voter turnout: Do computers scare the elderly? *Public Choice* 2005, 123(1/2): 39–47.

- вопросы, связанные с восприятием и принятием электронного голосования.
- комплекс вопросов, связанных с внедрением электронного голосования.
- вопросы, связанные со сравнением процессов институционализации электронного голосования в разных странах.
- вопросы, связанные с ролью политических элит в принятии решения о внедрении электронного голосования (формальные политические элиты).

1.4. Результаты социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию

В соответствии с принятой методологией диссертант разработал методологический инструментарий проведения социологического исследования, направленного на выявление отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию.

Целью эмпирического исследования (интервьюирование) является получение ответов экспертов-респондентов на вопросы, связанные с их отношением к электронному голосованию в целом, а также преимуществам и рискам широкого внедрения его в российскую электоральную практику. Интервью проводились лично, неформальным и формальным образом, с экспертами, которые выразили согласие дать интервью в целях научного исследования. В рамках интервьюирования респондентам предлагалось несколько вопросов, включающих в себя как закрытые, так и открытые вопросы.

Выборка исследования включает в себя 50 человек - экспертов Российской Ассоциации электоральной политики.

Общественные дискуссии о необходимости внедрения системы электронного голосования обусловлены стремительным развитием технологий и глобальными процессами цифровизации. В целом рост доступа к цифровым услугам и популярность общественного участия (элементы цифровой демократии) направлены на совершенствование демократических институтов управления.

Современные цифровые технологии социальной коммуникации объективно представляют собой определённое «окно возможностей» для продвижения идей, способных обеспечить открытость и качество российской модели демократического управления.

Цифровая демократия как инновационная форма демократического участия предполагает активность и добровольность участия граждан в политическом процессе на основе новейших цифровых технологий.

К основным преимуществам цифровой демократии можно отнести широту охвата и простоту использования сетевой социальной коммуникации во взаимодействиях между органами публичной власти и гражданами. Особое значение и особую актуальность в последнее время приобретает вопрос, связанный с непосредственным внедрением цифровых технологий в процесс организации проведения выборов¹⁰⁰.

Востребованность электронного голосования на общенациональном федеральном уровне и региональном уровне управления обусловлена возможностью выдвижения в кандидаты и проведения конкурентных политических кампаний, возможностью каждого кандидата организовать широкое информирование электората в части выдвигаемых идей, тезисов и предвыборной программы и обеспечить прозрачность процесса голосования и подсчёта результатов¹⁰¹.

¹⁰⁰ Булавченкова, Л. Интернет-голосование: страхи и психологические барьеры / Л. Булавченкова, А. Клименко // Выборы: теория и практика. – 2019. – № 4(52). – С. 42-43.

¹⁰¹ Малькевич, А. А. От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие / А. А. Малькевич // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11(131). – С. 39-46. – DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-39-46.

Современные исследования позволяют утверждать, что использование цифровых технологий и социальных сетей положительно коррелирует с ростом политического участия, существенно снижает уровень политического абсентеизма в обществе¹⁰².

Впервые эксперимент использования электронного голосования был проведён в Тульской области в 2008 году на муниципальных выборах, в процессе которого удалось разрешить основные сомнения и противоречия общества в части обеспечения тайны голосования, надёжности передачи информации, организации и идентификации личности участвовавших в голосовании и так далее¹⁰³.

Во многих зарубежных странах широко используются цифровые технологии организации проведения избирательных кампаний. Политологам известна широкая практика, которая используется в Эстонии, Великобритании, Швейцарии, Франции. Так, например, в Эстонии в 2005 году впервые было проведено голосование через интернет, в котором приняло участие 1,8% от общего числа голосовавших, а уже в 2019 году более 42% избирателей проголосовали посредством интернета¹⁰⁴.

Техническая организация процесса электронного голосования в Эстонской республике осуществляется на основе идентификационных карт гражданина, которые полностью заменили традиционные бумажные паспорта. В социальную карту встроен чип, который содержит в себе полную электронную информацию, электронную цифровую подпись

¹⁰² Давыдов, Д. А. Интернет-голосование как электоральная политическая технология / Д. А. Давыдов // Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология. – 2010. – № 1(9 Политология - 12 История). – С. 59-63.

¹⁰³ Вершицкая, Е. Р. Цифровые технологии и интернет-голосование в сфере электронной демократии / Е. Р. Вершицкая, Н. А. Вершицкая // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики : Труды III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь- Алушта, 04–06 июня 2020 года. – Симферополь- Алушта: ИП Зуева Т.В., 2020. – С. 193-200

¹⁰⁴ Машина, Ю. Д. Альтернативные способы голосования: почта, интернет / Ю. Д. Машина // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 111-116; Митяева, Ю. В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом / Ю. В. Митяева // Выборы: теория и практика. – 2013. – № 2(26). – С. 13-18; Жилкин, А. И. Зарубежный опыт проведения голосования с использованием сети Интернет / А. И. Жилкин // Modern Science. – 2021. – № 5-3. – С. 201-205

гражданина республики, что позволяет обеспечить идентификацию избирателей на сайте, на котором проходит голосование.

Использование цифровых технологий в электоральной кампании предлагает гражданам новые возможности для получения политической информации, расширяет возможности участия граждан в политическом процессе.

Цифровые технологии и их использование в электоральном процессе не только способствуют политическому самовыражению граждан, но и охватывают возможные формы конвенционального политического участия: протестная активность, взаимодействие с органами публичной власти, ознакомление с политической информацией, формирование индивидуальной новостной повестки, дискуссии, выражение собственной социальной и политической позиции.

Использование инструментов цифровой демократии позволяет мобилизовать электорат, привлекать гораздо большее число избирателей. Голосование в дистанционном формате позволяет государству существенно снизить расходы по проведению избирательной кампании в возможно сжатые сроки.

В то же время исследователи отмечают определённую сложность в организации использования цифровых технологий, что заключается в рисках несанкционированного вмешательства и хакерских атак на сайт избирательных комиссий и органов государственной власти¹⁰⁵. Высокие риски связаны с отсутствием гарантий от манипулирования алгоритмами программного обеспечения и цифровыми технологиями, обеспечивающими

¹⁰⁵ Реут, О. Ч. Московский эксперимент по Интернет-голосованию: аргументы и дискурсы / О. Ч. Реут // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года / Московский педагогический государственный университет. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 333.

электронное голосование¹⁰⁶. Также исследователи выявляют такую проблему, как потенциальная возможность масштабного сбоя цифровой платформы избирательной комиссии при организации выборов и нарушение работы автоматизированной системы, когда при отсутствии бумажных резервных копий данных может быть полностью дестабилизирована система организации выборного процесса¹⁰⁷.

Для исследователей особое значение приобретает не просто использование цифровых технологий в процессе голосования, к которым можно отнести использование цифровых устройств или машин на территории избирательной комиссии, а именно организация дистанционного голосования с помощью сети Интернет на основе блокчейн-технологии, то есть распределенной обработки данных¹⁰⁸.

Основная цель, которая преследуется использованием цифровых технологий в электоральных процессах, видится в повышении явки избирателей в период проведения голосования, поскольку на всех уровнях организации проведения выборов традиционно явка среди молодёжи является одной из самых низких, что демонстрируют статистические данные многих стран.

Результаты исследования, проведенного в 28 странах ЕС в 2019 году, продемонстрировали, что большинство европейцев в возрасте от 18 до 39 лет принимало участие выборах в Европарламент – 51%, в то время, как

¹⁰⁶ Актуальные вопросы обеспечения безопасности информации при интернет-голосовании за поправки к Конституции России / К. О. Буркова, Е. А. Лазарева, Н. С. Глейberman, А. В. Калач // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2020. – № 3. – С. 15-19

¹⁰⁷ Апатенко, Д. В. Интернет-голосование: дискуссия вокруг целесообразности / Д. В. Апатенко // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – V Международные «Мальцевские чтения», Белгород, 28 апреля 2018 года / Ответственный редактор Мархгейм М.В.. – Белгород: ООО ГиК, 2018. – С. 171-175.

¹⁰⁸ Королева, Л. В. Электронное голосование в политическом процессе современной России: проблемы и выводы / Л. В. Королева // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2021. – № 2(38). – С. 32-39. – DOI 10.25688/2078-9238.2021.38.2.04.

почти половина - 49%- молодых европейцев воздержались от голосования в Европарламент¹⁰⁹.

Исследование показало, что на прошедших в 2019 году выборах в Европарламент явка была наиболее высокой с 1994 года и составила – 50,6%.

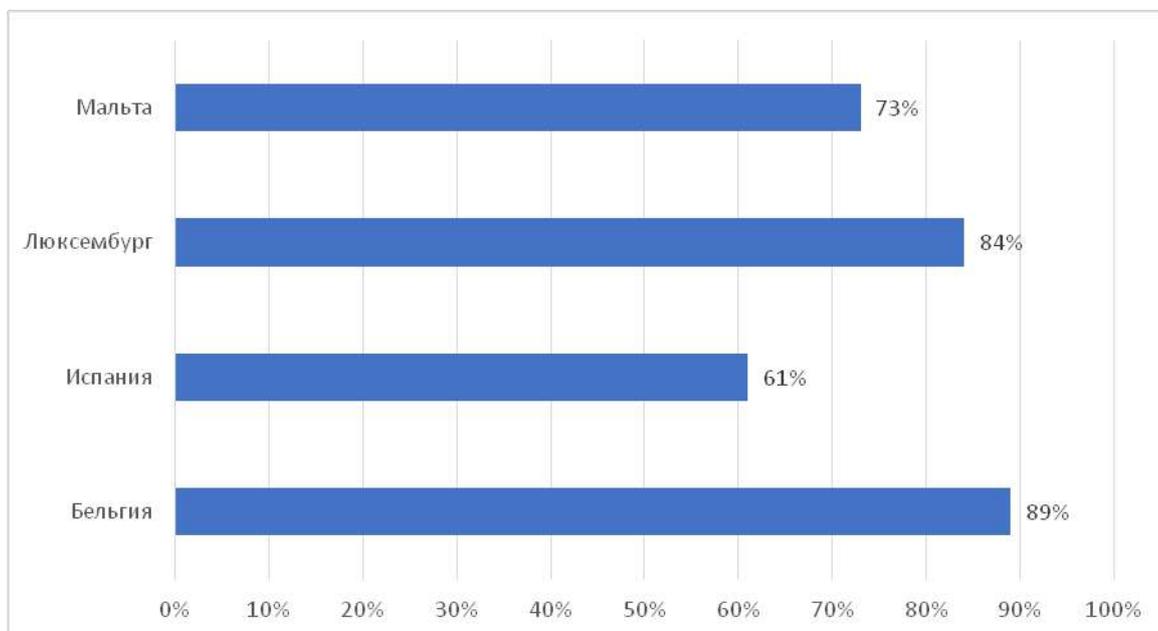

Рис.2 «Принимали ли вы участие на выборах в Европарламент» страны - лидеры ЕС «ДА, ПРИНИМАЛ», 2019¹¹⁰

Большинство респондентов стран Европы в возрасте от 18 до 39 лет отметили что принимали участие и проголосовали на выборах в Европарламент: Испания -61%, Бельгия -89% , Люксембург-84%, Мальта – 73%. Следует отметить, что значительно более высокая явка в таких странах, как Бельгия и Люксембург обусловлена тем, что законодательство этих стран требует обязательного голосования.

¹⁰⁹ THE 2019 POST-ELECTORAL SURVEY HAVE EUROPEAN ELECTIONS ENTERED A NEW DIMENSION? Eurobarometer Survey 91.5 of the European Parliament A Public Opinion Monitoring Study Eurobarometer survey commissioned by the European Parliament. September 2019 - PE 640.156

¹¹⁰ europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2312 [дата посещения 23.09.2023]

Наименьший процент пришедшей на выборы молодежи наблюдался в странах Центральной и Восточной Европы – Польше, Словакии, Словении, Латвии, Чехии.

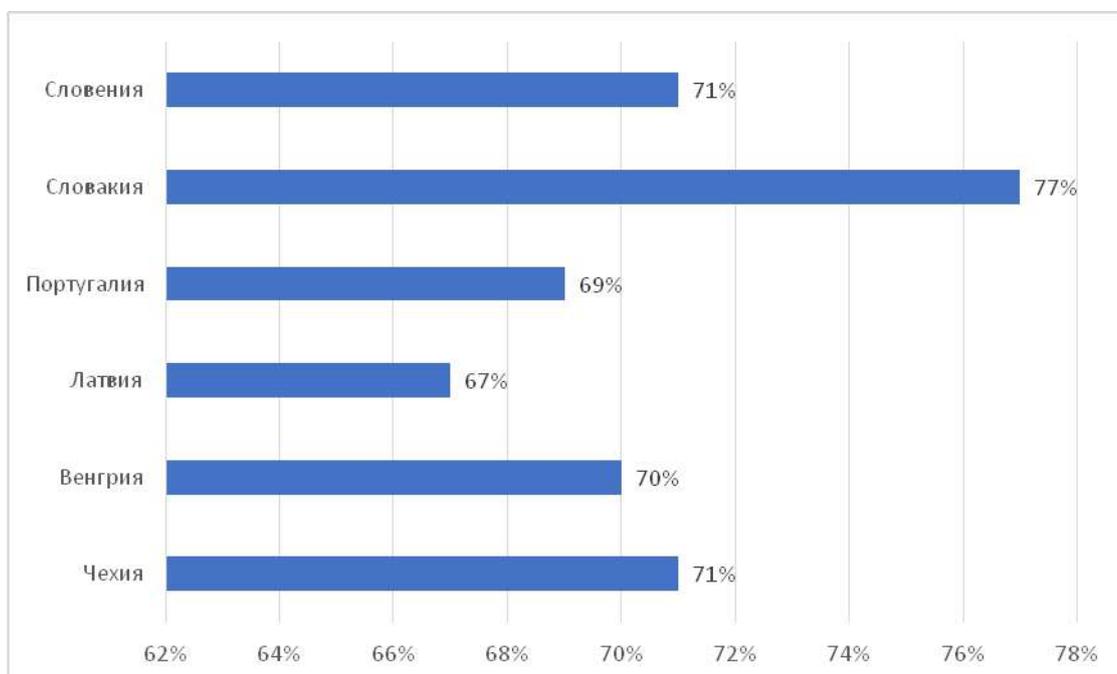

Рис.3 «Принимали ли вы участие на выборах в Европарламент» страны-лидеры ЕС «НЕТ НЕ ПРИНИМАЛ», 2019¹¹¹

Результаты социологического опроса среди молодых европейцев показали снижение интереса в выборам, так в восьми странах ЕС наблюдается игнорирование политического участия в выборах (Польша, Румыния, Испания, Австрия, Венгрия и Германия, Словакия и Чехия).

В то же время среди молодежи оказались выше показатели голосования за ту или иную конкретную партию в Европарламент, поскольку молодежь оказалась более информирована благодаря СМИ и социальным сетям.

¹¹¹ europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2312 [дата посещения 23.09.2023]

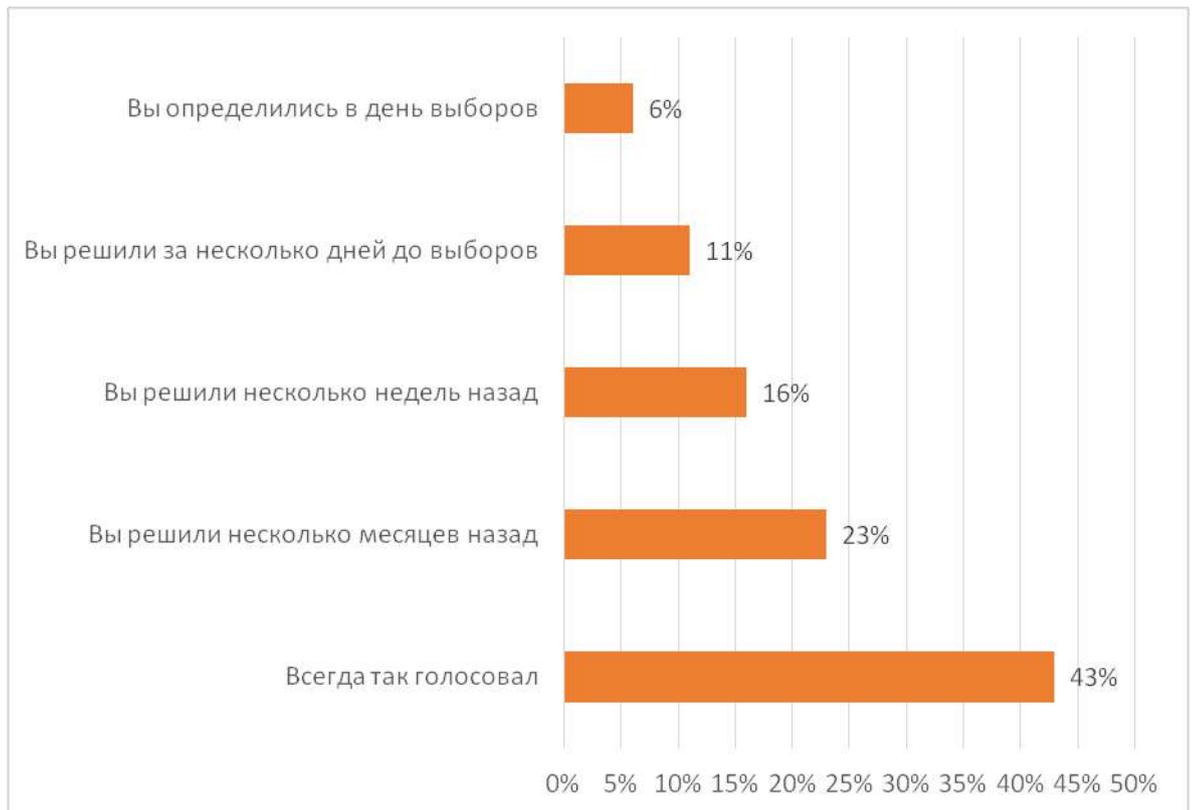

Рис.4 «QG5 Когда вы решили проголосовать за политическую партию или кандидата, за которого вы голосовали на недавних выборах в Европейский парламент?», 2019¹¹²

Для многих молодых людей социальные сети являются их первой точкой контакта с друзьями, семьей, новостями, исследованиями и политической информацией. Это способ для молодых людей построить новые связи и продемонстрировать возможность политического участия.

Для вовлечения молодежи в политические процессы необходимы целенаправленные подходы воздействия на данный сегмент целевой аудитории электората в избирательных процессах. Это становится все более важным в связи с возрастающими процессами дезинформации и языка вражды, циркулирующие в онлайн-пространстве.

Учитывая масштабы взаимодействия молодежи с социальными сетями, которые, вероятно, будет возрастать в обозримом будущем, у цифровых платформ есть потенциал стать более ценным и эффективным

¹¹² europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2312 [дата посещения 23.09.2023]

инструментом для информирования молодежи обо всех аспектах выборов, в том числе, в режиме реального времени.

В данном контексте считаем важным отметить, что возможность принятия участия в голосовании гражданина, независимо от его местонахождения, обусловлена не только и не столько соображением удобства, сколько гарантией соблюдения избирательного права для тех граждан, которые не могут в день голосования прийти на избирательный участок.

Как показывают результаты экспертного опроса, проведенного диссертантом, среди членов «Ассоциации электоральной политики», большинство респондентов отмечают наличие некоторых сложностей и определенных рисков, связанных с обеспечением необходимой безопасности при проведении электронного голосования.

В Российской Федерации уже много лет проводится соответствующий эксперимент в части использования дистанционных цифровых технологий при организации голосования, например обеспечение деятельности инфокиоска и голосования на основе социальных карт. Ежегодно Центральная избирательная комиссия РФ тестирует новые методики, институционализирует правовую регламентацию дистанционного голосования, совершенствуются механизмы проведения выборов с использованием цифровых технологий.

Исследователи констатируют также наличие социально-психологических проблем при принятии электронного голосования, которые связаны с недостаточным пониманием гражданами смысла и цели интернет-голосования, низким уровнем цифровой грамотности граждан и не комфортным использованием для большей части избирателей средств электронной цифровой подписи и интернет-коммуникаций¹¹³.

¹¹³ Анализ мнений российских интернет-пользователей об онлайн-голосовании (2022 год) / А. А. Вершинина, М. А. Забусова, Л. А. Козаева [и др.] // Трансформация социальной структуры современного российского общества: состояние, динамика, тенденции : Социологический альманах. Материалы XIV

Исследования показывают, что высокий уровень запроса на развитие электронного голосования исходит от молодежи (т.н. «социальный заказ» от молодежи), в то время, как наибольшие предубеждения и скепсис выражают люди пожилого возраста.

В данном контексте органам публичной власти очень важно при поэтапном внедрении цифровых технологий в избирательный процесс обеспечить доверие граждан к процедуре проведения выборов, поскольку это является основой легитимности политической системы.

Ключевой задачей электронного голосования является повышение общественного интереса к выборам и повышение доверия к избирательному процессу.

Результаты экспертного опроса, проведенного диссертантом среди членов «Ассоциации электоральной политики», позволяют судить об интересе к проведению электоральных процессов в электронном формате, который в большей степени характерен для молодёжной аудитории, что, вероятно, может быть объяснено высоким уровнем цифровой грамотности, освоением цифровой среды и технологий с раннего детства.

Таблица 1*Преимущества и недостатки цифровых технологий в политике, составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

№	Преимущества	В %	Недостатки (риски)	В %
1	повысить доверие к процедурам избирательных компаний	65,4	трудность обеспечения информационной безопасности цифровых платформ	47,3
2	удобство политического действия для граждан	61,3	дискомфорт использования избирателями средств электронной цифровой подписи	56,7
3	расширение целевой аудитории, электората	68,2	низкий уровень цифровых компетенций среди граждан	55,4
4	повышение общественного интереса к выборам	82,2	сложность процессов организации и внедрения цифровых технологий	51,1
5	поддержание высокой явки на выборах	71,0	низкий уровень доверия к органам власти и цифровизации избирательных процедур	68,6

6	привлечение молодежи к участию на выборах	70,8	возможность манипулирования общественным мнением	45,6
7	широкое информирование общества о выборах, партиях, политических программах	82,1	снижение контроля граждан за органами власти	47,3
8	комфорт реализации государством политических функций	68,4	сложность обеспечить общественное наблюдение за ходом использования цифровых технологий на выборах	55,4

Оценить степень точности и однородности полученных значений экспертного опроса о «преимуществах и недостатках цифровых технологий в политике», представленного в таблице 1, позволит описательная статистика, а именно расчет системы показателей вариации – таблица 2.

Таблица 2* - Система показателей вариации, рассчитанных по эмпирическим данным значений оценок респондентов экспертного опроса, составленного автором

Показатель	Признак «Преимущества»	Признак «Недостатки (риски)»
Среднее значение	71,18	53,43
Размах вариации (R)	20,9	23,0
Среднее квадратическое отклонение (σ)	7,01	6,98
Дисперсия (σ^2)	48,56	48,8
Коэффициент вариации (V), %	9,8	13,1

Рассчитанная система показателей вариации по двум анализируемым признакам «преимущества» и «недостатки» позволяет сделать выводы:

- ответы респондентов-экспертов однородны и в аспекте описания преимущества применения цифровых технологий в политике, и в аспекте их недостатков. Данный вывод основывается на полученных значениях коэффициентов вариации 9,8% и 13,1% соответственно. Следовательно,

полученные экспертные оценки обладают низкой вариацией, так коэффициент вариации для каждого анализируемого признака менее 30%.

- большей точностью отличаются результаты экспертного опроса на тему «оцените преимущества цифровых технологий в политике», чем по направлению «оценка недостатков цифровых технологий в политике». Так размах вариации в первом случае равен 20,9 процентных пунктов, а во втором 23,0 процентных пункта.

Полученные и приведенные в таблице 1 экспертные оценки можно принять, как существенные, отражающие закономерности в исследуемой сфере.

Как видно из результатов исследования, большинство экспертов придерживаются достаточно оптимистичных взглядов на процесс цифровизации электоральных процессов, так, подавляющее большинство респондентов, 82,1%, придерживается мнения о том, что цифровизация и информатизация политических процессов, в целом, способствует широкому информированию общества о политических процессах, выборах, партиях, политических программах; 82,2% респондентов также отмечают, что именно цифровизация политической жизни общества будет способствовать повышению общественного интереса к выборам и поддержит высокую явку на выборах, в том числе привлечет молодежь – 71% и 20,8% соответственно.

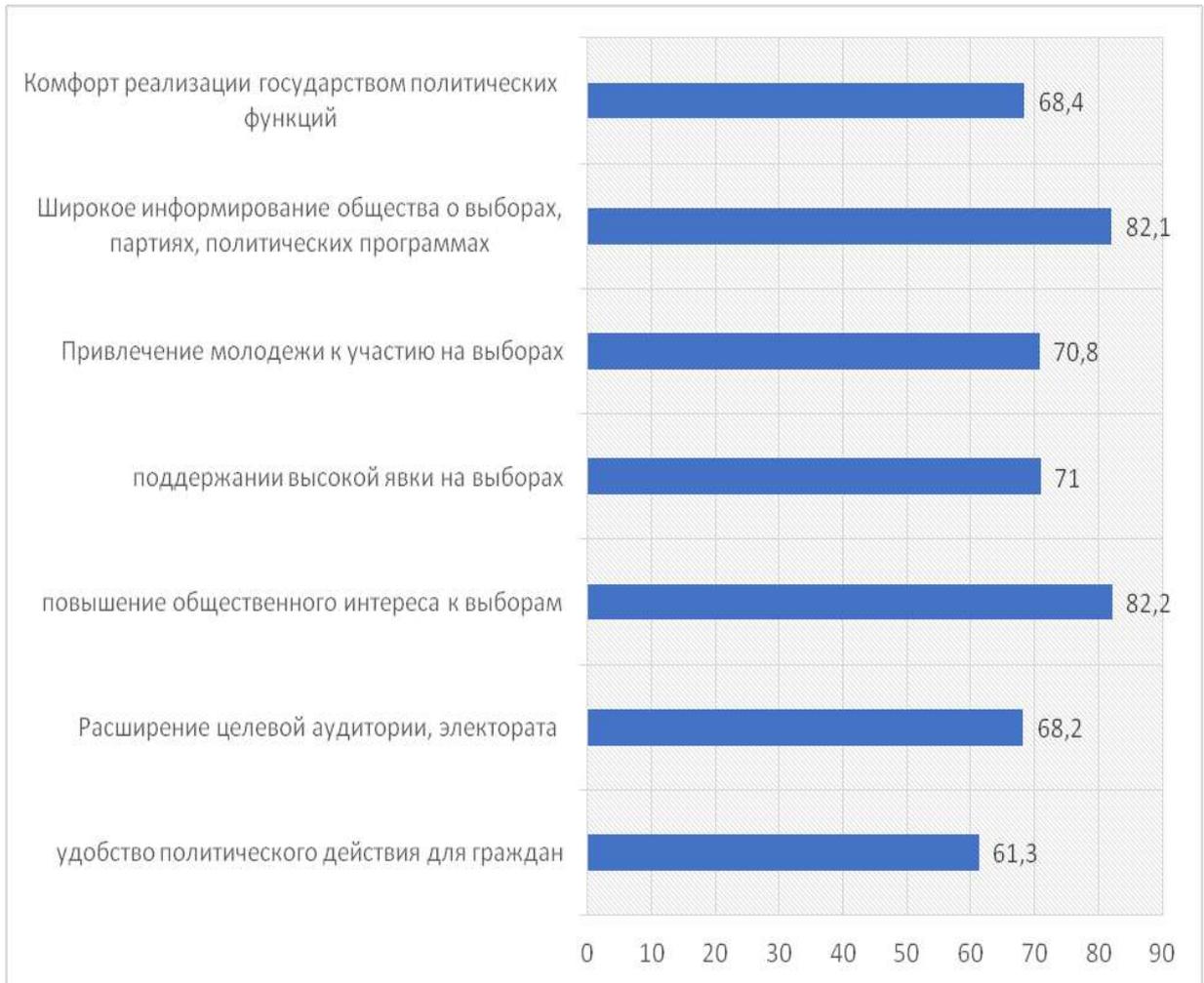

Рис. 5. Преимущества цифровых технологий в политике, составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

В то же время, отмечая неоспоримые достоинства цифровизации электоральной политики и политических процессов в целом, эксперты отмечают и определенные риски, которые необходимо учитывать, так наиболее согласованные позиции среди экспертов занимает мнение относительно влияния показателя низкого уровня доверия к органам власти в целом и цифровизации избирательных процедур, в частности – 68,8%, больше половины экспертов (55,4%) отмечают низкий уровень цифровых компетенций среди граждан, и, в первую очередь, среди возрастного электората, пожилого населения.

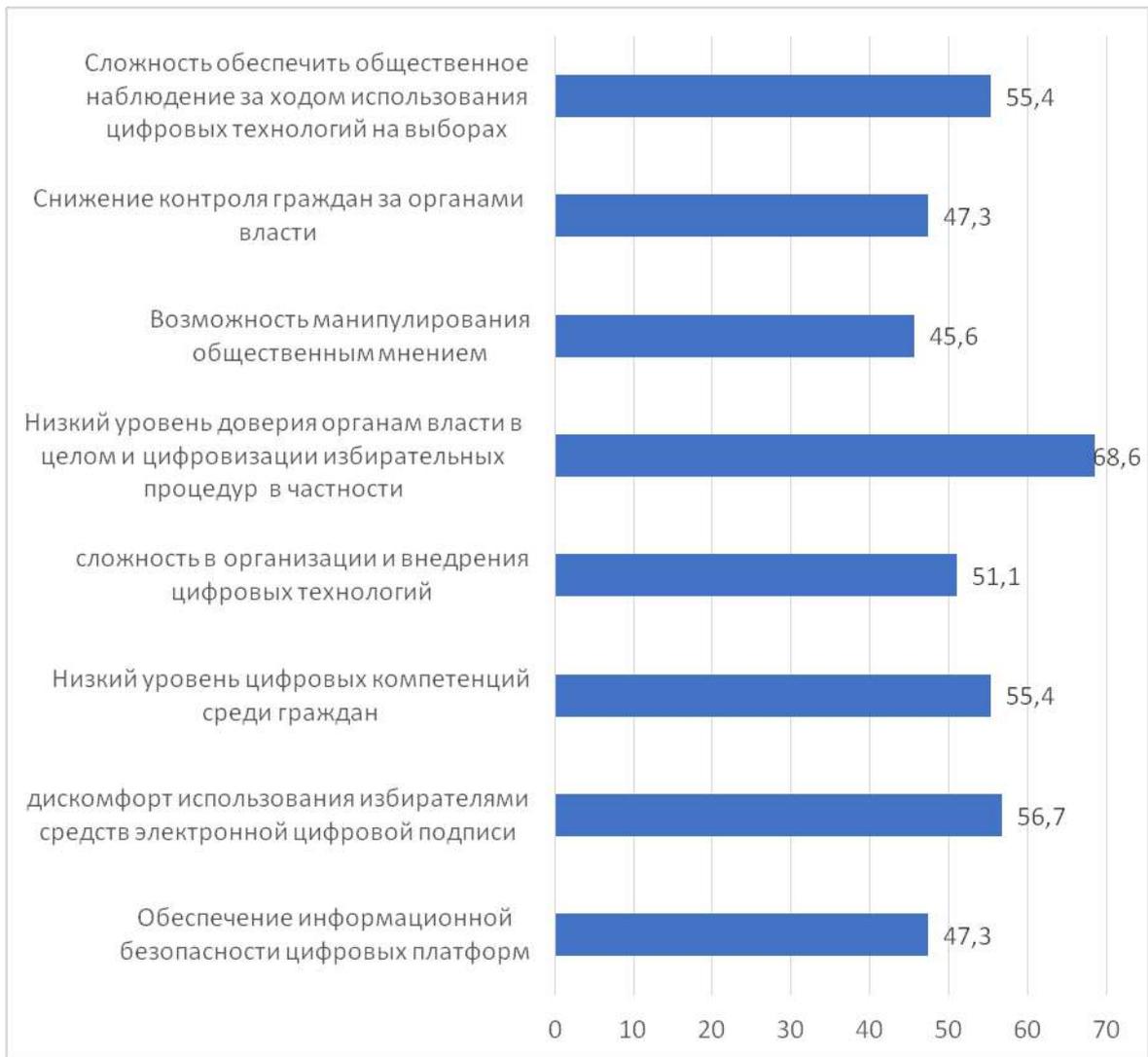

Рис. 6. Ограничения использования потенциала цифровых технологий в политике, составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Анализ данных, полученных от экспертов, показывает, что половина респондентов, 55,4%, в качестве рисков электронного голосования выделяют сложность обеспечения необходимого общественного наблюдения за ходом использования цифровых технологий на выборах. Большинство респондентов отмечают сопутствующие риски цифровизации электоральной политики (менее половины экспертов отметили следующие позиции): обеспечение информационной безопасности цифровых платформ - 47,3%, возможность манипулирования общественным мнением 45,6%.

Большинство экспертов положительно относятся и, в целом, одобряют расширение практик электронного голосования в качестве альтернативы традиционному использованию бумажных бюллетеней для голосования.

Эти данные могут свидетельствовать о возрастающем доверии в экспертном сообществе к цифровым технологиям, платформам и базам данных, способных обеспечить безопасность государственных информационных систем.

По мнению экспертов, именно среди целевой аудитории в возрасте до 24 лет наиболее востребован запрос на электронное обращение, петиции, сбор подписей за кандидатов в качестве формы проявления гражданского и политического участия (более 65% экспертов согласны с данным мнением).

Отметим также, что по мнению экспертов, именно молодёжь и молодёжная среда наиболее остро воспринимает и возможные риски при использовании технологии электронного голосования. Стремительное наращивание темпа проведения электронного голосования с целью увеличить прозрачность выборов и стремление органов власти повысить, таким образом, доверие к избирательному процессу, может вызвать обратный эффект и снизить показатели доверия, не предоставляя гражданам достаточного времени на внутреннее принятие электронного голосования.

Рис. 7 «По вашему мнению как электронное голосование может повлиять на избирательный процесс?», составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Как видно из приведенного рисунка, большинство экспертов поддерживают мнение о положительном влиянии электронного голосования на избирательный процесс (71,2%) и 19,7% экспертов полагают, что внедрение системы электронного голосования может отрицательно сказаться на качестве избирательного процесса.

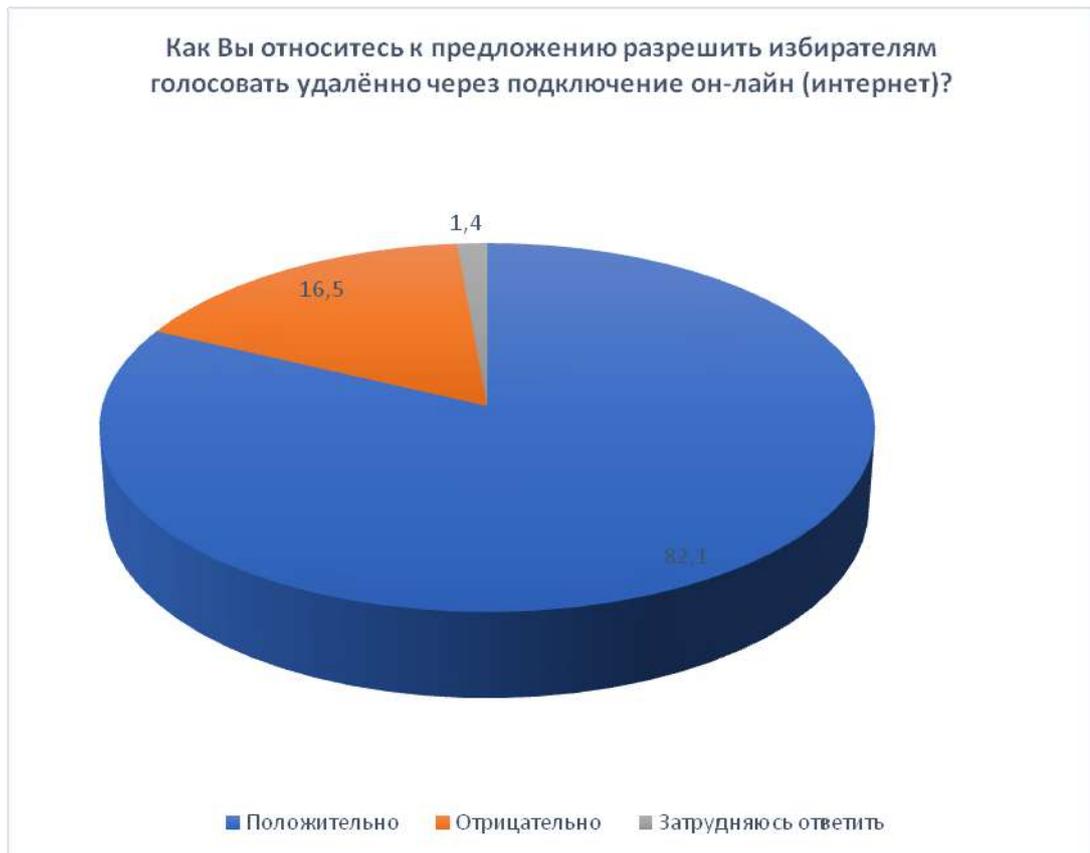

Рис. 8 «Как Вы относитесь к предложению разрешить избирателям голосовать удалённо через подключение он-лайн (интернет)?», составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство экспертов придерживается позиции разрешить избирателям голосовать удалённо через подключение он-лайн (интернет) – (82%), 16,5% респондентов относятся к данной инициативе отрицательно, подчеркивая существование определенных рисков, связанных с использованием цифровых технологий.

Рис. 9 «В случае если на следующих выборах гражданам будет официально предложено выбрать способ голосования, как Вы думаете какой способ будет в большей степени востребован гражданами?», составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Результаты исследования показывают амбивалентность позиций экспертов в отношении мнения о предпочтительном способе голосования в том случае, если на ближайших (следующих) выборах гражданам будет официально предложено выбрать способ голосования, распавшись практически поровну на 3 устойчивые группы: традиционное бумажное голосование (бюллетень), по мнению респондентов, предпочтут 33,6%, электронное голосование через интернет - 43,2% респондентов и затруднились с ответом 33,6% экспертов.

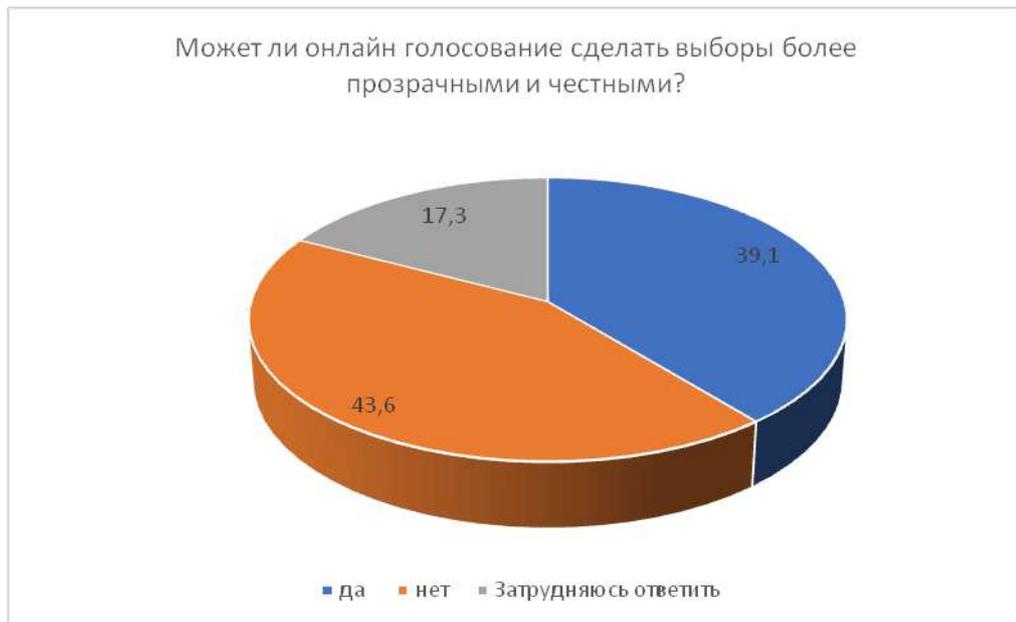

Рис. 10 «Может ли онлайн голосование сделать выборы более прозрачными и честными?», составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Анализ результатов исследования показывает, что большинство экспертов не разделяют уверенности в том, что электронное голосование - возможность сделать выборы и голосование более прозрачными и честными (43,6%), в то же время, практически такая же по численности группа экспертов (39,1%) придерживается мнения о положительном влиянии электронного голосования на обеспечение честности и прозрачности выборов.

Рис. 11 «По Вашему мнению может ли онлайн-голосование повысить доверие граждан к результатам выборов?», составлено автором по результатам экспертного опроса, 2023

Результаты исследования показывают амбивалентность позиций экспертов и в отношении мнения о том, может ли электронное голосование повысить доверие граждан к результатам выборов. Ответы респондентов на этот вопрос распались на 3 устойчивые группы: 41,4 процента респондентов полагают, что электронное голосование, в целом, способно повысить доверие граждан к результатам выборов, 37,8 процентов респондентов не разделяют данное мнение, каждый пятый респондент (20,8%) затруднился с ответом.

Отметим также, что результаты ответов экспертов-респондентов на данный вопрос ожидаемо коррелируют с их ответами на предыдущий вопрос о влиянии электронного голосования на обеспечение честности и прозрачности выборов.

Анализ ответов экспертов-респондентов на открытые вопросы («От каких факторов, в большей степени, зависит принятие гражданами электронного голосования в России?») показывает, что большинство

экспертов связывают доверие граждан к электронному голосованию с персональным доверием к политическим лидерам, занимающим государственные должности (Президент, председатель правительства, председатель Государственной думы). В этом смысле, принятие гражданами электронного голосования, в большой степени, будет определяться отношением указанных лиц к электронному голосованию, выраженным в политическом дискурсе. Это вселяет определенный оптимизм на поддержку гражданами электронной электоральной политики в России.

Сгруппируем полученные и проиллюстрированные на рисунках 5-11 ответы на поставленные в исследовании вопросы, позволяющие оценить отношение экспертов-респондентов к применению цифровых технологии в избирательных процессах. Информация, представленная в таблице 3, позволит провести оценку степени согласованности мнений экспертов.

Таблица 3 Группировка ответов экспертов-респондентов в аспекте применения цифровых технологии в избирательных процессах

Вопрос	Положительно о / Да	Отрицательно / Нет	Затрудняюсь
«По вашему мнению как электронное голосование может повлиять на избирательный процесс?»	71,2	19,7	9,1
«Как Вы относитесь к предложению разрешить избирателям голосовать удалённо через подключение он-лайн (интернет)?»	83,1	16,5	1,4
«Может ли онлайн голосование сделать выборы более прозрачными и честными?»	39,1	43,6	17,3

«По Вашему мнению может ли онлайн-голосование повысить доверие граждан к результатам выборов?»	41,4	37,8	20,8
--	------	------	------

С целью оценки согласованности мнений респондентов предлагается использовать коэффициент конкордации, вычисляемый по формуле:

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12} \cdot [m^2 \cdot (n^3 - n)]}$$

где S – сумма квадратов отклонений суммы рангов каждого объекта от средней суммы рангов;

n – объем выборки (число респондентов);

m – количество порядковых переменных (число критериев оценки).

Подставив необходимые значения, получаем:

$$\chi^2 = \frac{12 \cdot S}{m \cdot n \cdot (n - 1)}$$

$$\chi^2 = \frac{12 \cdot 60913,1}{3 \cdot 50 \cdot (50 - 1)} = 99,4$$

что указывает на достаточно высокую степень согласованности мнений респондентов.

Чтобы убедиться, что полученный коэффициент конкордации, характеризующий среднюю степень согласованности мнений респондентов, является величиной не случайной, проведена проверка его значимости с помощью критерия согласия – критерия Пирсона (χ^2):

Вычисленное значение $\chi^2 = 99,4$ сравнивается с табличным значением $\chi^2 = 55,76$ с учетом уровня значимости $\alpha = 0,05$ и числе степеней свободы 49.

Так как $\chi^2_{\text{расч}} > \chi^2_{\text{табл}}$, то полученное значение коэффициента конкордации, равное 0,65 - величина не случайная, поэтому результаты опроса по исследованию отношения экспертов к электронному голосованию могут быть использованы для выработки рекомендаций по внедрению и адаптивированию цифровых технологий в избирательных процессах России.

В заключении проведем анализ наличия взаимосвязи в контексте исследуемого вопроса по эмпирической информации, сформированной на основе ответов экспертов-респондентов, и подтвердим или опровергнем предположение о наличии зависимости и влиянии электронного голосования на обеспечение честности и прозрачности выборов.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы составим таблицу сопряженности ответов респондентов – таблица 4.

Таблица 4 Распределение респондентов по отношению к использованию цифровых инструментов голосования и достоверности полученных результатов

Доверие к цифровым инструментам голосования	Представления о достоверности результатов выборов		Итого
	Ниже среднего	Выше среднего	
Ниже среднего	9 (a)	8 (b)	17 (a + b)
Выше среднего	7 (c)	26 (d)	33 (c+d)
Итого	16 (a+c)	34 (b+d)	50 (a+b+d+c)

Далее рассчитаем коэффициент контингенции К. Пирсона:

$$K_k = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b) \times (b+d) \times (a+c) \times (c+d)}}$$

Подставив значения в формулу получим:

$$K_k = 198/552 = 0,43$$

Поскольку рассчитанное значение коэффициента контингенции ($K_k=0,43$) больше критического значения 0,3, то можно утверждать, что между исследуемыми качественными категориями (признаками): «доверие экспертов к цифровым инструментам голосования» и «представление о степени достоверности результатов выборов» существует тесная корреляционная связь.

Таким образом, проведенное исследование (опрос) следует признать достоверным, определяющим наличие связи между уровнем доверия к цифровым технологиям и степенью прозрачности выборов, что может быть учтено в при разработке практических рекомендаций по использованию цифровых технологий в избирательном процессе России.

ГЛАВА II ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

2.1. Процессы цифровизации и фундаментальные изменения публичной сферы

Спустя несколько десятилетий после появления Интернета стало очевидно, что в результате цифровизации публичная сфера столкнулась с фундаментальными изменениями. Помимо прессы и радио, возникла коммуникационная инфраструктура, характеризующаяся множеством цифровых платформ, онлайн-СМИ, социальными сетями, мессенджерами и поисковыми системами. Новые условия общественной коммуникации бросают вызов формам и функциям институтов и процессов получения информации, формирования мнений и участия в представительной демократии.

Значительные достижения в области цифровых технологий оказали глубокое влияние на политические процессы. Социальные сети и Интернет в целом играют все более важную роль в формировании политических процессов¹¹⁴, что имеет далеко идущие последствия для функционирования демократии.

Развитие политической публичной сферы имеет первостепенное значение для демократической политики, хотя и не является единственной гарантией демократии.

Согласно Хабермасу Ю., общество можно охарактеризовать как сеть, которая служит для обмена информацией и точками зрения. Для него характерны различные формы участия граждан. Граждане участвуют в процессах формирования общественного мнения и принятия решений в условиях демократии, прежде всего, потому что политические решения, в конечном итоге, влияют на них. Влияние цифровых технологий на изменение публичной сферы тесно связано с интерактивным характером

¹¹⁴ Farrell, Henry. The consequences of the internet for politics// Annual Review of Political Science. 2012. № 15. 35–52.

Интернета. Он обеспечивает пространство для более совещательных форм коммуникации.

Классическая массовая коммуникация представляет собой стиль политической коммуникации, при котором крупные организации и средства массовой информации в качестве отправителей оказывают одностороннее влияние на аудиторию, которая рассматривается как пассивный получатель. Парадигмой такого понимания массовой коммуникации была т.н. «зрительская демократия» перед лицом «большой телеаудитории»¹¹⁵.

Взаимная коммуникация политических интересов и аргументов через новые средства массовой информации приобретает свое важное качество, обеспечивая квалифицированную обратную связь. Создание обратных каналов в различных, но важных точках политической системы является отправной точкой для модернизации демократических процессов.

Понятие широкой публики в настоящее время дополняется концептуализацией частичных публик, которые формируются, например, вокруг отдельной темы, региональной привязки или конкретной социальной группы. Интернет предлагает множество возможностей для интенсивных дискуссий внутри определенных сообществ посредством распространения информации и общения и, тем самым, способствует построению сообществ. В этом отношении Интернет способствует созданию сетей внутри таких подгрупп.

В совещательной демократии демократическое пространство рассматривается как дискурсивное пространство, относительно свободное от доминирования, в котором власть достигается, главным образом, за счет обоснованности, достоверности и убедительности аргументов.

При определенных условиях и по определенным вопросам онлайн обсуждение повышает как качество результатов политики, так и их

¹¹⁵ Luhmann N. Die Soziologie und der Mensch. - Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995.

легитимность по сравнению с традиционными процедурами принятия решений.

Интернет-СМИ предлагают возможность организовать дискурсы между удаленными и отложенными во времени участниками. Собрания граждан, процедуры медиации, гражданские форумы и экспертные слушания также могут проводиться в режиме онлайн.

Ученые анализируют механизмы, посредством которых цифровые технологии способствовали появлению нового вида коммуникации между людьми, который характеризуется своей квазианонимностью, бестелесным характером, способностью облегчать доступ к большим объемам информации, подчеркиваются его возможности обеспечения диалога «многие ко многим» в отличие от иерархических форм коммуникации, характерных для телевидения и радио¹¹⁶.

Цифровизация приводит к значительному увеличению сложности, многочисленные производители и источники предоставляют огромные объемы информации, которую можно распространять быстро, с широким охватом и, в то же время, низкими затратами, например, через платформы или поисковые системы. Эта растущая сложность также отражается на динамике общественного дискурса. Помимо возрастания сложности информационной культуры и динамики дискурса, значительно расширяются возможности коммуникации.

Анализ современных способов использования цифровых технологий показывает, что первоначальные ожидания относительно быстрого и всестороннего изменения практики политической коммуникаций и публичной сферы были чрезмерными. Новым является, прежде всего, то, что информация, общение и участие стали намного проще, быстрее и экономичнее. Объединение людей в сеть в смысле сообщества происходит не только там, где они действительно собираются вместе, но и возможно

¹¹⁶ Papacharissi, Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere// New media & society. 2002. № 4(1), 9-27

езде, где они «входят в систему». Технические возможности Интернета используются органами публичной власти для более эффективного выполнения своих функций и обеспечения работы улучшенной информационной базой в целом. Как уже подчеркивалось ранее, в течение некоторого времени наиболее важным ключевым направлением в использовании информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности политической системы было электронное правительство в смысле электронного управления. Этот подход не имеет прямого отношения к надеждам на трансформацию публичной сферы и возрождение демократии посредством интерактивности и участия, но, в первую очередь, направлен на управление внутренними и внешними административными процессами через Интернет с большей скоростью и интерактивностью. Основное внимание уделяется не процессам формирования политического мнения, а, скорее, административным процессам и их внутренним и внешним аспектам.

С самого начала исследований цифровой политики сторонники так называемой гипотезы «нормализации»¹¹⁷ утверждали, что Интернет не сможет фундаментально изменить ключевые аспекты публичной политики и управления. Еще более тонкий эмпирический анализ пределов преобразующего потенциала Интернета появился на рубеже тысячелетий, сосредоточив внимание на его тенденции к концентрации власти¹¹⁸, ограниченных эффектах демократизации информации, которую он обеспечивает¹¹⁹, его способности усиливать, а не уменьшать неравенство, наконец, его ограниченной способности содействовать последовательному, инклюзивному и преобразовательному общественному диалогу¹²⁰,

¹¹⁷ Margolis, M., Resnick, D. Politics as Usual: The Cyberspace "Revolution". SAGE Publications. 2000

¹¹⁸ Hindman, M. The myth of digital democracy. Princeton University Press. 2008

¹¹⁹ Bimber, B., Davis, R. Campaigning online: The Internet in US elections. Oxford University Press. 2003

¹²⁰ Papacharissi, Z. (2002). The virtual sphere: The internet as a public sphere. New media & society. 2002. № 4(1). Pp. 9-27.

нежеланию политических партий использовать его потенциал участия¹²¹ и риск того, что политики будут использовать цифровые инструменты для сбора беспрецедентных объемов данных индивидуального уровня, которые позволят им сегментировать, манипулировать и лишит граждан власти¹²². В детальных обзорах области цифровой политики подчеркивалась необходимость найти необходимый баланс между технологическим детерминизмом (приписывающим Интернету преобразующие и социально полезные силы) и социальным конструктивизмом, подчеркивающим роль долгосрочной социальной структуры и дисбаланса сил в формировании любых последствий технологий¹²³. Отметим, что большинство ученых, изучавших взаимосвязи между цифровыми технологиями и публичной политикой, начиная с 1990-х годов, не разделяли безоговорочно большинство утопических позиций. Тем не менее, в большинстве эмпирических исследований подчеркивалось, что цифровые технологии действительно могут обладать потенциалом изменения публичной политики, демократическим потенциалом и что сама возможность наличия у них такого потенциала заслуживает эмпирического изучения и теоретического осмысления. В то же время, технологический детерминизм первой волны теорий цифровой политики не сформировал научных концепций¹²⁴.

С нашей точки зрения влияние цифровизации на изменение публичной сферы может быть представлено в виде некоего континуума без четкой начальной и конечной точки. Оценка влияния цифровизации на изменение публичной политики и управления является сложной задачей. Эффекты влияния могут меняться со временем и для проявления

¹²¹ Gibson, R. K., Nixon, P. G., & Ward, S. J. (Eds.). (2003). *Political parties and the Internet: net gain?*. Routledge.

¹²² Howard, P. N. (2006). *New media campaigns and the managed citizen*. Cambridge University Press.

¹²³ Chadwick, A. (2006). *Internet politics: States, citizens, and new communication technologies*. Oxford University Press. Chadwick, A. (2009). *Web 2.0: New Challenges for the Study of E-Democracy in an Era of Informational Exuberance*. *I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society*, 5(1), 9- 41.

¹²⁴ <https://core.ac.uk/download/pdf/323304542.pdf>

запланированных эффектов может потребоваться время. Таким образом, необходимо учитывать, что измерение воздействия всегда представляет собой срез определенного момента времени, и эффекты влияния цифровизации необходимо оценивать постоянно, чтобы получить более реалистичное представление о краткосрочных и долгосрочных эффектах.

Цифровая демократия предполагает возможность усиления коммуникации между гражданами, а также между гражданами и политической системой, однако, не предполагает немедленного решения основных проблем демократий.

Цифровая демократия в этом смысле нацелена не на прямую демократию, а, скорее, на большее общение и сокращение дистанции между политиками и гражданами. Это способно привести к появлению новых способов и форм участия граждан, в которых онлайн- и офлайн-коммуникация используется для обеспечения или продвижения ориентированных на факты совещательных дискуссий о процессах формирования политического мнения и принятия решений.

Будучи интерактивной средой, Интернет открывает фундаментальные коммуникационные возможности и, следовательно, также имеет отношение к демократической теории. Это относится, прежде всего, к возможностям информации, обсуждения и участия. Важно отметить, что потенциал не становится реальным сам по себе, а его реализация требует соответствующих институциональных условий и целенаправленного политического проектирования.

Одной из особенностей современного развития научного дискурса цифровой демократии является повышенное внимание к эмпирическим исследованиям реального политического использования цифровых технологий.

Современные концепции характеризуются иным взглядом на роль цифровых технологий в изменении публичной сферы. Выйдя за пределы фазы разочарования, они прослеживают следы реальных изменений в

политической коммуникации и подчеркивают возможность активизации коммуникации между гражданами, а также между гражданами и политической системой, не ожидая немедленного решения основных проблем демократии.

Обеспечение функционирования демократической публичной сферы сегодня требует активного демократического проектирования цифровой информационно-коммуникационной экологии. Цель состоит в том, чтобы дать возможность справиться с их сложностью, содействовать плюрализму, а также противодействовать фейковым новостям, поляризации и жестокости.

2.2. Диалектическая взаимосвязь цифровизации и демократизации

Оценка влияние цифровых технологий на демократию стала одной из наиболее актуальных проблем как для научных исследователей, так и для политиков.

Однако исследования цифровой демократии часто осуществляются за пределами политической науки: в области коммуникации и средств массовой информации, технологии и информатики, таким образом, необоснованно подчеркивается преобладающее значение цифровых технологий над самой идеей демократии.

Действительно несмотря на то, что проблема взаимосвязи демократии и цифровых технологий находится на стыке социальных наук и, в этом смысле, требует междисциплинарного подхода, большая часть исследований до сих пор исходит из исследований в области коммуникации и СМИ, в то время как политические исследования этой проблемы являются редкостью.

Возможно, именно по этой причине академическое внимание, в том числе и политологическое, в первую очередь сосредотачивается на роли

средств коммуникации как движущей силы социальных и политических изменений.

Однако обратная точка зрения, согласно которой развитие цифровых технологий, средств массовой информации рассматривается как следствие, а не движущая сила эволюции современных демократий, также недостаточно исследована.

Более того несмотря на то, что взаимосвязь между цифровизацией и демократией все чаще становится объектом научных исследований, обоснование сложной природы этой взаимосвязи редко является самостоятельной целью научных исследований. Само влияние цифровизации на демократию при этом ограничивается традиционными элементами демократии, при этом игнорируются более глубокие изменения норм, институтов, ценностей, которые по объективным причинам труднее поддаются исследованию и измерению.

Ситуация еще больше усложняется тем, что существуют конкурирующие концепции демократии. Например, три альтернативные теории «радикальной демократии» - совещательная, агонистическая и автономистская - использовались для описания различных цифровых практик¹²⁵. Таким образом, решение вопроса о том, оказывают ли цифровые технологии влияние на политическую систему, с необходимостью требовало обращения к конкретной концепции демократии.

В последние годы эмпирические подходы к цифровизации получили все большее признание в политической науке.

Многие исследователи пытались изучить взаимосвязь между цифровыми технологиями и демократией эмпирически, с позиции методологии позитивизма, фокусируясь на отдельных странах или группах стран.

¹²⁵ Dahlberg L and Siapera E (eds). *Radical Democracy and the Internet: Interrogating Theory and Practice*. New York: Palgrave.2007

Несмотря на то, что в этих исследованиях использовались данные из разных стран или одной страны, используемая методологическая база, в роли которой, как правило, выступала философия и методология позитивизма, оказалось недостаточной для интерпретации и объяснения противоречивых результатов.

Итогом таких попыток стало осознание необходимости теоретического анализа влияния цифровых технологий на развитие демократии и сравнение той роли, которую цифровые технологии играют в различных политических системах. Восточная Азия продемонстрировала значительный прогресс в развитии экономики и демократии, но уровень демократии, согласно существующим исследованиям, варьируется в разных странах. Быстрый экономический рост в Восточной Азии привел к более широкому внедрению цифровых технологий, что привело к политической открытости.

С развитием цифровых технологий связывались ожидания на демократизацию коммуникации, уменьшение барьеров между органами публичной власти и гражданами посредством установления новых способов гражданского участия¹²⁶. На местном уровне платформы онлайн-консультаций постепенно стали частью структур управления в городах по всему миру.

Еще один важный, в указанном контексте, вопрос, касается процессов модернизации и собственно демократизации и роли цифровых технологий в обеспечении этих процессов. Несмотря на то, что процессы модернизации и демократизации могут частично совпадать, многие ученые подчеркивают, что эти два процесса управляются разной логикой. В то время, как модернизация предполагает обновление, в том числе, посредством цифровых технологий, набора процедур управления, демократизация указывает на трансформацию отношений между органами публичной

¹²⁶ Ess, C. Democracy and the Internet: A Retrospective// Javnost - The Public, 2018. №25(1-2). Pp.93 - 101.

власти и гражданами. Очевидно, что цифровая демократия может способствовать обоим процессам, поскольку модернизация и демократизация не являются взаимоисключающими процессами. Однако, в рамках модернизации, цифровая демократия (цифровые технологии) используется, в первую очередь, в целях достижения эффективности, снижения затрат на управление и рационализации политики и управления¹²⁷, то есть сводятся к инструментальным функциям. Что касается процесса демократизации, то здесь цифровые технологии направлены на повышение субъектности граждан в принятии политических решений.

Если первые исследования влияния цифровых технологий на демократию сосредотачивали внимание на возможностях, которые цифровые технологии могут принести для развития и укрепления демократии, уже в начале 2000-х годов происходит т.н. критический поворот в концептуализации цифровой демократии, подчеркивается, в частности, что цифровые медиа, помимо их демократизирующего эффекта, могут использоваться для осуществления контроля. Риски цифровизации (разного вида и рассмотренные на разных уровнях) все чаще становятся объектом научных исследований.

Один из наиболее спорных вопросов современного академического дискурса цифровой демократии заключается в том, связано ли глобальное распространение цифровых технологий с кризисом демократии.

Ранее мы уже подчеркивали, что продолжающиеся дискуссии о влиянии цифровизации на развитие демократии постоянно поддерживаются фрагментарными и противоречивыми результатами эмпирических исследований, которые, вместе с тем, не добавляют ничего нового в плане теоретического осмысления и интерпретации, часто множа лишь количество случаев, требующих аналитического объяснения. Более того,

¹²⁷ De Blasio E. *Democrazia Digitale: Una Piccola Introduzione*. Roma: LUISS University Press. 2014

можно сказать, что на протяжении всей истории развития цифровых технологий источником дискуссий является т.н. дилемма двойного назначения, то есть достаточно очевидный вывод о том, что цифровые технологии могут использоваться как в целях развития и укрепления демократии, так и в противоположных целях, подрывая ее основы и ценности.

Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи, заключается в том, что большинство исследований о влиянии цифровых технологий на демократию носят корреляционный характер, в этом смысле, исследователи опираются на данные наблюдений, которые обычно предоставляют лишь корреляционные данные. Действительно, прямая связь между цифровизацией и демократией демонстрирует высокую интуитивную правдоподобность.

Отметим, что причинное влияние цифровых технологий на политические переменные трудно определить эмпирически в силу множества сложностей и контекстных факторов, а также из-за стремительно развивающихся технологических разработок.

Теоретические и методологические трудности концептуализации цифровой демократии через выявление и интерпретацию причинно-следственных связей могут быть объяснены следующими обстоятельствами:

- анализируя влияние цифровизации на демократию, ей всякий раз присваивается субъектная роль, в то время как, во-первых, обратное влияние почти не рассматривается;
- во-вторых, само влияние представляется гораздо более сложным и многогранным, однако эта сложность и многогранность не может быть описана в категориях причины-следствия.

Академический дискурс, посвященный цифровой демократии, таким образом, объективно отражают философию технологического детерминизма.

Однако, цифровые технологии – не оказывают детерминированного воздействия на демократию. Цифровизация не выступает внешней силой по отношению к демократии. Необходимо исследовать как социально-политические и технологические процессы формируются в постоянном взаимодействии. При этом влияние и значение цифровых технологий не может быть объяснено особыми свойствами самих цифровых технологий. Сами по себе, по убеждению диссертанта, они являются в этом смысле абсолютно нейтральными, приобретая демократические или, напротив, антидемократизирующие свойства лишь в социально-политической системе, в которую они встроены.

- игнорируется необходимость концептуализации цифровых процессов, вариативность их развития. Иными словами, цифровые технологии представляются черным ящиком в то время, как технологии должны быть исследованы в контексте развития социально-политических процессов.
- наконец, аргументация в категориях причины-следствия неявно предполагает, что цифровые технологии и демократию необходимо рассматривать как независимые самостоятельные области, в то время как цифровая демократия, как следует из определения, представляет собой, скорее, органическое единство, симбиоз цифровых технологий и демократии.

Нам представляется, что цифровизация и демократия находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи. При этом влияние цифровизации на демократию зависит от того, как используются цифровые инструменты. Они могут способствовать участию граждан и реальному взаимодействию между гражданами и органами публичной власти, тем

самым, укрепляя демократию. С другой стороны, они могут подрывать легитимность демократии, угрожая свободной и автономной публичной сфере.

Отметим, что выделение двух противоположных точек зрения, т.н. дихотомий (в таком гипертрофированном виде фактически не имеющих место в реальной публичной политике) не позволяет увидеть сложные, противоречивые, диалектические взаимосвязи между цифровизацией и демократией.

Диссертанту представляется перспективным направлением исследований отказ от указанных дихотомий, как не отражающих реальную картину влияния цифровых технологий на демократию, проведение разноплановых эмпирических исследований влияния цифровизации на укрепление и развитие демократии и ее институтов в разных контекстах и последующие осмысление результатов этих эмпирических исследований с использованием адекватной объекту исследования методологии. Диссертант считает, что такой адекватной методологией для исследования цифровой демократии выступает дискурсивный институционализм как одно из направлений институциональной теории. В следующей главе диссертации будут раскрыты основные положения дискурсивного институционализма, а также показан его потенциал для исследования цифровой демократии. Здесь же отметим, что концепция цифровой демократии не является нейтральной (нейтральными являются цифровые технологии), она политически и ценностно нагружена, поэтому адекватной методологией ее исследования будет являться такая методология, которая позволяет осознать роль ценностей, идей, убеждений, лежащих в основе политики. Этому требованию соответствует дискурсивный институционализм, являющийся современным динамично развивающимся направлением институционализма.

В современных условиях демократия требует технического посредничества, таким образом, развитие современной демократии и цифровых технологий объективно тесно переплетаются. Следовательно, цифровая демократия не представляет собой новый тип демократии, в современном научном дискурсе она концептуализируется как исследовательская программа.

Цифровые технологии представляют собой определенный потенциал, который приобретают свои очертания, свою конкретную форму не в последнюю очередь благодаря продолжающейся трансформации демократии. В этом смысле услуги цифровые технологии, цифровые услуги используются и формируются путем экспериментирования с новыми способами политического выражения.

И демократия, и цифровые технологии представляют собой чрезвычайно сложные и довольно абстрактные темы и направления, которые не имеют строгих определений, отчасти, потому что эти определения сами по себе являются предметом постоянных теоретических дискуссий. И демократия, и цифровые технологии существуют в различных вариантах и находятся в процессе постоянной эволюции. Демократия является развивающейся и изменчивой, цифровые технологии – стремительно развивающаяся область. Таким образом, исследования цифровой демократии должны с необходимостью, предполагать динамическое измерение, исследовательская программа цифровой демократии должна быть направлена на изучение динамического взаимодействия демократии и цифровых технологий.

В этой связи взаимосвязь демократии и цифровых технологий не может и не должна рассматриваться как причинно-следственная связь.

Вместо того, чтобы рассматривать влияние цифровых технологий как детерминирующего фактора развития и укрепления демократии, необходима концептуализация цифровой демократии как демократии, опосредованной цифровыми технологиями, это предполагает совокупность

условий, которые обеспечивают возможности политических действий, не определяя их. Таким образом, опосредованная демократия обозначает не особый тип демократии, а конкретную исследовательскую программу, которая должна быть сосредоточена на отношениях демократии и цифровых технологий, понимаемых в широком диапазоне между совместным развитием (эволюцией) и совместным производством как нового качества демократии, так и нового качества цифровых технологий.

В рамках описанной логики в последнее время появились исследования, которые концептуализируют цифровую демократию в терминах констелляции. Далее проанализируем основные идеи и положения, которые лежат в основе теории констелляции, тем более, что они вполне согласуются с общими представлениями диссертанта о диалектической взаимосвязи цифровых технологий и демократии (необходимость фундаментальных теоретических исследований, необходимость разработки исследовательской программы изучения цифровой демократии, отказ от интерпретации влияния цифровизации на демократию в терминах детерминации и причины-следствия, необходимость междисциплинарных исследований, подчеркивание особого значения и потенциала политической науки в исследовании цифровой демократии, диалектический характер взаимосвязи цифровых технологий и демократии и др.).

Цифровая констелляция служит эпистемологическим контуром, в рамках которого может быть осуществлен теоретический анализ взаимосвязи между цифровизацией и демократией. Теорию констелляции выступает исследовательской программой изучения цифровой демократии. Прежде всего, отметим, что теория констелляции подвергает критике существующие подходы к исследованию взаимовлияния цифровизации и демократии. Эта критика фактически основывается на трех положениях: необоснованно узкое понимание цифровизации (цифровые структурные изменения выходят далеко за рамки изменений в (общественных)

коммуникационных структурах и практиках), игнорирование анализа природы цифровых технологий, непризнание социально-политических аспектов цифровых технологий (игнорирование исследования взаимосвязи между техническими инфраструктурами и политическими действиями). Подчеркивается особое значение политических исследований в изучении цифровых технологий, ибо они [цифровые технологии] затрагивают основные концепции политологии: демократия, публичная сфера и др. Концепция констелляции предполагает, что цифровизация не только меняет политику, имеет место также и обратное влияние, политика также формирует цифровизацию. Технологический детерминизм раннего дискурса о цифровизации подвергается резкой критике. Авторы и последователи концепции констелляции подчеркивают, что ее не следует понимать как тщательно разработанную исследовательскую программу или даже независимую теорию. В этом отношении цифровая констелляция предлагает эпистемологическую модель для понимания и изучения контекстов и динамики цифровой трансформации. В рамках указанной концепции цифровые технологии не интерпретируются как положительная или отрицательная сила для развития демократии. Вместо этого, должно быть исследовано их существование в социотехническом контексте.

Теория констелляции берет за отправную точку совместное конструирование технологии и общества и с этой целью также используют категории и подходы таких научных дисциплин, как философия, социология технологий, культурология, которые уже давно интересуются технологией как неотъемлемым аспектом процедур и институтов политического порядка.

Концепция констелляции помогает преодолеть теоретико-методологические недостатки исследований цифровизации в политической

науке и сформулировать программу, которая, является последовательной и обоснованной¹²⁸.

Концепция цифровой констелляции предлагает эпистемологическую модель для понимания и изучения динамики цифровой трансформации. Она направлена на то, чтобы изучить условия, в которых осуществляются политические процессы в обществе, для которого характерно использование цифровых технологий. При этом не предполагается построение новой теории цифрового общества, но предполагается отказ от простого тиражирования эмпирических исследований, основанных на философии позитивизма, которые получили большое распространение в политической науке и последующее обращение к более высокому уровню теоретико-методологической концептуализации.

В логике концепции констелляции цифровизация интерпретируется как комплексный, многогранный процесс, в котором общество и технология непрерывно взаимодействуют, так, что любые попытки разделить эти две области или указать на одностороннюю причинно-следственную связь, оказываются несостоятельными¹²⁹.

Концепция констелляции подчеркивает необходимость рефлексии над основными положениями социальной теории, а также осмысление того, как цифровые технологии, как часть процесса коллективной социализации, обуславливают какие-либо процессы и как они, в свою очередь, сами формируются и обуславливаются.

Таким образом, спектр исследовательских вопросов, которые поднимает концепция констелляции, следующие: какие технические факторы имеют формирующее значение и с помощью каких механизмов оно осуществляется; какие пространства возможностей формируются; как

¹²⁸ Hofmann, Jeanette. Mediated democracy – linking digital technology to political agency// Internet Policy Review 2019.№8(2).

¹²⁹ Berg, Sebastian, Rakowski, Niklas, Thiel, Thorsten () : The Digital Constellation// Weizenbaum Series, Weizenbaum Institute for the Networked Society - The German Internet Institute, Berlin. 2020.№. 14,

политика, в свою очередь, влияет на технологии, их развитие и социальную реализацию; и, наконец, какие социальные или политические практики преобладают и становятся самоочевидными в свете социотехнической среды¹³⁰.

¹³⁰ <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/228715/1/Full-text-paper-Berg-et-al-The-digital-constellation.pdf> [дата посещения 17.10.2023]

ГЛАВА III ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

3.1. Роль идей в политике и значение «идейного» (идеалистического) поворота

В последние годы в политических исследованиях произошел т.н. «идейный поворот».

Обосновывая относительно позднее обращение к идеям в отечественной политологии О.Ю.Малинова считает сложившееся положение (приоритет в социально-политических исследованиях материальных аспектов бытия личности и общества перед исследованием идеальных конструкций) вполне закономерным, логично вытекающим из господства марксизма в отечественной политологии¹³¹.

Идейный поворот, как следует из самого названия, означает поворот к изучению идей, который наметился в социальных науках в последние десятилетия и который доказывается появлением работ, поднимающих проблематику идей и дискурса и подчеркивающих их детерминирующий характер по отношению к политическим институтам.

Поворот был связан с признанием не только объяснительных возможностей идей, но и их детерминирующей роли в формировании институтов и развитии политических процессов¹³².

Этот поворот получил название «идейного поворота»¹³³ в социальных науках. Нам представляется более удачным термин «идеалистический поворот», который, с нашей точки зрения, представляется более наглядным

¹³¹ Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука. 2009. № 4. С. 5-24. Стр. 5.

¹³² <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2022-1/c9-ravochkin.pdf> [дата посещения 03.12.2023]

¹³³ <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2022-1/c9-ravochkin.pdf> [дата посещения 03.12.2023]

и очень точно схватывающим сущность и отсылающим нас к давнему спору о том, бытие определяет сознание (Маркс) или бытие определяется сознанием (Гегель). Как подчеркивает Л.В.Сморгунов, новизна этого поворота заключается не в признании банального факта влияния идей, а в рассмотрении «идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий... Идеи требовалось объяснить, но сами они редко выступали в качестве фактора объяснения»¹³⁴.

Внимание к идеям, ценностям позволило исследователям осмыслить содержание политических изменений и то, как такие изменения происходят. Растущее число исследований показывает, что идеи являются важной переменной, определяющей процессы определения политики. В то же время исследования, концептуализирующие роль идей, ценностей и убеждений (идеальных факторов) в политике разбросаны по субдисциплинам, а систематический обзор соответствующих исследовательских вопросов, результатов и методов в настоящее время отсутствует.

Анализ влияния идей на политику затрудняется проблемами, связанными с отсутствием строгого определения того, что представляют собой идеи, откуда они берутся, когда и как они изменяются и как их изучать.

Учеными предложены классификации различных типов идей, а также различные способы мышления об идеях (от позитивистского до конструктивистского подходов). Результатом использования теории идей в различных дисциплинах стало то, что она была расширена и вобрала в себя множество явлений и концепций, в результате чего стало практически невозможно отличить, что может быть отнесено к идеям, а что – нет.

Использование идеи как переменной в политическом исследовании предполагает ответы на следующие вопросы: что такое идея? откуда берутся идеи, какова динамика и движущие силы идейных изменений?

¹³⁴ Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики. Полис 2009. №1. С. 118-129. С 120.

какая методология может быть использована для изучения идей? Ответы на эти вопросы помогут исследователям определить значение, которое идеи имеют в политике. Исходя из этих вопросов можно сформулировать несколько общих требований исследования идей в политике:

- серьезное отношение к когнитивной динамике на микроуровне;
- теоретизирование о взаимосвязях между различными типами идей;
- определение условий, механизмов и последовательности процессов изменения идей;
- расширение методологического инструментария;
- изучение того, каким образом идеи имеют значение в различных политических областях и условиях. Определение концепции идей в политике.

Взаимосвязь между идеями и результатами политики принимает разные формы и зависит от точной спецификации идей. В широком смысле идеи можно определить как «убеждения отдельных лиц, которые влияют на их действия и отношения», однако определение «идеи» может варьироваться от конкретных программных идей до более общих философий, иными словами, существуют разные подходы к определению того, что представляют собой идеи. Так, интерпретация идей как убеждений, онтологически отличается от рассмотрения идей как встроенных в институты сущностей. В зависимости от выбранной точки зрения, влияние идей на результаты политики может различаться, и эти эффекты могут вызываться совершенно разными механизмами.

Появление дискурсивного институционализма как четвертого институционализма в политической науке было основано на признании того факта, что «идеи имеют значение»¹³⁵. Первые поколения дискурсивных институционалистов стремились теоретически обосновать роль идей в

¹³⁵ Schmidt, V.A. Discursive institutionalism: the explanatory power of ideas and discourse', *Annual Review of Political Science*. 2008. № 11. Pp. 303–26

политике, формируя интерпретационные рамки, которые дают определение ценностям и предпочтениям¹³⁶.

Поскольку власть является одним из центральных понятий политической науки, неудивительно, что, заявляя о центральном положении идей в политическом анализе, представители дискурсивного институционализма обосновывают представление о том, что идеи каким-то образом связаны с практиками власти¹³⁷. Парадокс, вместе с тем заключается в том, что большинство ученых, занимающихся дискурсивным институционализмом, говорят о политической силе идей без дальнейшей теоретизации. М. Блит¹³⁸, например, утверждает, что распространение идей, которые служат для определения и проектирования институциональных форм, которые бы разрешили существующий кризис, становится «важнейшим ресурсом власти», в то время как Р. Кокс¹³⁹ анализирует «мощное легитимизирующее воздействие» идей на предложения по реформе. Можно привести еще много примеров ученых, которые связывают продвижение политических идей с более общим понятием политической или социальной власти¹⁴⁰. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепция идей поставила власть на передний план, но сделала это без необходимого теоретизирования о том, что именно представляет собой власть идей и как она связана с другими формами власти. При этом исследователи утверждают, что власть идей может быть интерпретирована как самостоятельная аналитическая категория, сравнимая с другими типами

¹³⁶ Béland, D. Cox R.H. Introduction: ideas and politics/in D. Béland and R.H. Cox (eds)// *Ideas and Politics in Social Science Research*, New York: Oxford University Press. 2011. pp. 3–20; Parsons, C. *How to Map Arguments in Political Science*, Oxford: Oxford University Press. 2007; Schmidt, V.A. *The Futures of European Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. 2002

¹³⁷ <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2015.1115534> [дата посещения 21.11.2023]

¹³⁸ Blyth, M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict, and institutional change// *World Politics*. 2011. № 54(1). Pp. 1-26

¹³⁹ Cox, R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany// *World Politics*. 2001. № 55(3). Pp.463-98. Стр. 485.

¹⁴⁰ Béland, D. 'The idea of power and the role of ideas// *Political Studies Review*. 2010. №8. Pp.145–54; Campbell, J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy// *Theory and Society*. 1998. №27(3). Pp.377-409.

власти. Таким образом, потенциал идей можно объяснить как способность акторов (индивидуальных или коллективных) влиять на нормативные и когнитивные убеждения других акторов посредством использования идей и их производных¹⁴¹.

Для того, чтобы определить потенциал идей в политике, недостаточно принять во внимание, ставшее уже известным, общее утверждение о том, что «идеи имеют значение». Концепцию власти идей лучше можно понимать как производство определенных видов эффектов, а именно воздействий на способность акторов определять условия своего существования¹⁴². При этом утверждение о власти идей представляется более обоснованным, чем утверждение о том, что идеи имеют причинное, детерминирующее воздействие на политику. Обосновывая уже упоминавшийся тезис о том, что «идеи имеют значение», исследователи приводят различные доводы почему идеи имеют особое значение в политике: идеи придают смысл опыту акторов¹⁴³, позволяют акторам справляться с информационной сложностью или ситуациями неопределенности, предлагая интерпретации проблем и противоречий и способы их разрешения¹⁴⁴, инициируя дискурсы, которые могут оправдать политические программы как в когнитивном, так и в нормативном плане¹⁴⁵. Объединяющим моментом указанных обоснований выступает признание того, что люди интерпретируют политику посредством определенных идей¹⁴⁶.

Сами идеи постоянно развиваются благодаря их использованию.

В настоящее время принято выделять три типа идей:

¹⁴¹ <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2015.1115534> [дата посещения 20.11.2023]

¹⁴² Barnett, M., Duvall, R. Power in international politics//International Organization. 2005. № 59(4). Pp. 39–75.

¹⁴³ Wendt, A. Social Theory of International Politics, Cambridge: Cambridge University Press. 1999

¹⁴⁴ Blyth, M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century, Cambridge: Cambridge University Press. 2002

¹⁴⁵ Schmidt, V.A. The Futures of European Capitalism, Oxford: Oxford University Press. 2002

¹⁴⁶ Parsons, C. How to Map Arguments in Political Science, Oxford: Oxford University Press. 2007

- власть через идеи (способность убеждать других в когнитивной достоверности и/или нормативной ценности своего мировоззрения посредством использования идей);

- способность контролировать и доминировать над смыслом идей (предполагает более принудительные формы власти, поскольку здесь прямо игнорируются убеждения других).

- власть в идеях (предполагает, что идеи пользуются авторитетом в структурировании мышления или институционализации одних идей за счет других идей).

3.2. Исследование дискурса в политической науке.

Институциональный конструктивизм (дискурсивный институционализм) и его возможности в концептуализации цифровой демократии

Дискурс - понятие, используемое в настоящее время в разных смысловых контекстах. Определим основные значения понятия «дискурс», конкретизировав в каком значении это понятие используется в данном исследовании.

Понятие «дискурс» используется в разных значениях: в более узком этимологическом смысле «дискурс» означает просто «речь», повествование, на более широком семантическом уровне «дискурс» обычно используется в смысле всеобъемлющей научной теории или дискуссии, которая представляет, например, конкретную научную школу. В этом значении понятие «дискурс» используется в данной диссертации. Дискурсы - не формируются вне практик, норм и институтов. Они всегда находятся в культурном контексте. Таким образом, практика дискурсивной коммуникации предполагает не просто поиск научно обоснованных, то есть объективно жизнеспособных решений, достигнутых научными

сообществами, она явно подразумевает контексты отношений и жизненного мира, которые уклоняются от научной объективации¹⁴⁷.

Дискурс множественности, плюрализма придает ценность различиям и ставит под сомнение цель достижения единогласия и однородности, которая всегда оказывается фиктивной и основанной на актах исключения. Таким образом, перед современной демократической политикой стоит задача концептуализировать демократию, которая допускает такое выражение социального плюрализма и различий¹⁴⁸. Дискурсивные теории, которые нацелены на окончательные, универсальные стандарты (это касается и модели демократии, и модели цифровой демократии) для того, чтобы теоретически утвердить демократический проект в терминах окончательного, всеобъемлющего консенсуса¹⁴⁹, признаются в настоящее время нежизнеспособными. Конструктивизм стоит на стороне тех теорий, которые отвергают все формы рационального универсализма (не накладывать на практику закономерности или принципы для того, чтобы наполнить ее содержанием, а начать с практики и попытаться заново деконструировать общие закономерности).

Поворот к исследованию идей и дискурсу в политической науке привел к появлению еще одного «нового институционализма» (т.н. четвертый по счету новый институционализм после теории рационального выбора, исторического институционализма и социологического институционализма). Принимая во внимание его базовые установки, это новое направление также получило название «дискурсивный институционализм». Дискурсивный институционализм, как следует из его определения, придает особое значение исследованию идей и дискурса. При этом среди последователей этого научного направления нет консенсуса по

¹⁴⁷ <http://www.uni-koeln.de/hf/konstrukt/texte/download/constructivist%20discourse.pdf> [дата посещения 03.12.2023] с. 5

¹⁴⁸ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос . - 2004. – №2(42).

¹⁴⁹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос . - 2004. – №2(42).

поводу содержания этих понятий. Дискурсивные институционалисты ставят идеи и дискурс в институциональный контекст.

Несмотря на то, что политологи уже некоторое время исследуют объяснительную силу идей и дискурса¹⁵⁰, термин, используемый для определения этого подхода, дискурсивный институционализм, сравнительно новый¹⁵¹. Другие исследователи, подчеркивая особую роль дискурса, использовали такие термины, как идеологический институционализм, конструктивистский институционализм, стратегический конструктивизм и др. Как подчеркивает В.Шмит¹⁵², не все ученые, обратившиеся к идеям и дискурсу, заходят так далеко, чтобы постулировать четвертый по счету новый институционализм. Это происходит потому, что их цель - стереть границы между всеми тремя старыми институционализмами и показать, как идеи и дискурс могут способствовать развитию знаний в социальных науках через методологические подходы¹⁵³.

В рамках дискурсивного институционализма под дискурсом понимается не только теоретизация и конструирование идей, но и дискурсивные процессы посредством, которых идеи формируются и транслируются¹⁵⁴. Более того, институционализм в названии подчеркивает важность

¹⁵⁰ Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. – М., 2009. - №1. – С. 118-129.

¹⁵¹ Schmidt Vivien Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse June 2008 Annual Review of Political Science 11(1) // Theorizing Ideas and Discourse in Political Science: Intersubjectivity, Neo-Institutionalisms, and the Power of Ideas September 2017 Critical Review. https://www.researchgate.net/publication/228283584_Discursive_Institutionalism_The_Explanatory_Power_of_Ideas_and_Discourse [дата посещения 17.11.2023]

¹⁵² Schmidt Vivien Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse June 2008 Annual Review of Political Science 11(1) // Theorizing Ideas and Discourse in Political Science: Intersubjectivity, Neo-Institutionalisms, and the Power of Ideas September 2017 Critical Review https://www.researchgate.net/publication/228283584_Discursive_Institutionalism_The_Explanatory_Power_of_Ideas_and_Discourse [дата посещения 17.11.2023]

¹⁵³ Schmidt Vivien Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse June 2008 Annual Review of Political Science 11(1) // Theorizing Ideas and Discourse in Political Science: Intersubjectivity, Neo-Institutionalisms, and the Power of Ideas September 2017 Critical Review https://www.researchgate.net/publication/228283584_Discursive_Institutionalism_The_Explanatory_Power_of_Ideas_and_Discourse [дата посещения 17.11.2023]

рассмотрения как идей, так и дискурса в институциональном контексте, смысловом контексте, в контексте формальных институтов и неформальных правил и повседневных практик¹⁵⁵.

Важно подчеркнуть, что дискурс в конструктивном институционализме лишен постмодернистского багажа и служит более общим термином, охватывающим не только основное содержание идей, но и интерактивные процессы, посредством которых идеи передаются. Другими словами, дискурс относится не только к тому, что сказано (идеи), но также к тому, кто, что, кому, где, когда, как и почему сказал (дискурсивные взаимодействия).

Конструктивный институционализм признает возможность существования множества вариаций онтологий, эпистемологией, методологий, которые могут быть встроены в концептуализацию дискурсивного институционализма, это объединяющее понятие, которое представляет собой широкую область, включающую множество различных подходов к идеям и дискурсу.

Исследуя то, какие идеи каким функциям служат, как идеи разных типов взаимодействуют друг с другом, как идеи изменяются с течением времени и как идеи формируются и изменяются под влиянием выбора акторов, ученые могут определить, какую роль играют сами идеи в политике и управлении. Вместе с тем, определение того, какое значение имеют идеи, по-прежнему остается серьезной задачей. Идеи в широком смысле играют центральную роль в вопросах выбора политики, концептуальных категорий, лежащих в основе политики, институциональных изменений.

Представители дискурсивного институционализма подчеркивают, что не только концепция проблемы ограничивает политические альтернативы,

¹⁵⁵ Schmidt Vivien Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse June 2008 Annual Review of Political Science 11(1) // Theorizing Ideas and Discourse in Political Science: Intersubjectivity, Neo-Institutionalisms, and the Power of Ideas September 2017 Critical Review

но и то судьба конкретных политических решений может влиять на определения проблем или даже более широкие философские идеи¹⁵⁶.

Процессы выбора идей различаются в зависимости от самой проблемы, времени и пространства. Исследования показывают различия в том, как национальные традиции или прошлый коллективный опыт влияют на то, как нации интерпретируют распространяющиеся идеи¹⁵⁷. Межнациональные различия (национальные различия в том, как обрабатываются и интегрируются экспертные знания) также, вероятно, существуют в том, как и где производятся экспертные знания, какие виды экспертных знаний производятся, а также во взаимоотношениях между этими производителями знаний и органами публичной власти¹⁵⁸.

Представители конструктивного институционализма указывают на имеющую место предвзятость анализа идей, которые, в конечном итоге, становятся политикой в то время, как важное значение имеет выявление причины, по которым одни идеи оказались более успешными, чем другие и более широкое осмысление того, почему одни идеи были реализованы, а другие исключены.

Можно сказать, что конструктивный институционализм следует логике интерпретизма, выступая против позитивистской редукции действия. Он утверждает, что само действие, которое считается значимым в социальном мире, не может быть воспринято без интерпретации, то есть без понимания того значения, которое ему придается¹⁵⁹. Даже если два актора действуют одинаково, они могут действовать так по разным причинам – и эти причины часто имеют решающее значение для осмысления этих

¹⁵⁶ The Varied Roles of Ideas in Politics
https://www.researchgate.net/publication/283930445_The_Varied_Roles_of_Ideas_in_Politics
 [дата посещения 02.10.2023]

¹⁵⁷ Katzenstein, Peter. *Cultural Norms and National Security: Police and the Military in Postwar Japan*. Ithaca: Cornell University Press. 1996.

¹⁵⁸ Schmidt, Vivien A. Does Discourse Matter in the Politics of Welfare State Adjustment?// *Comparative Political Studies*. 2001. №35 (2). Pp.168-193.

¹⁵⁹ Weber, Max (1988 [1922]) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

действий. Одна и та же идея может иметь совершенно разное значение в разных культурных контекстах.

Постструктурный институционализм анализирует дискурс как претензии на знание посредством концепции конститутивной причинности, аналитически идентифицируемой в отношении институтов, так что содержание идей/дискурса обеспечивает идеологическую силу и порождает имманентные изменения¹⁶⁰.

Анализ дискурсивных процессов позволяет объяснить, почему одни идеи становятся значимыми, а другие нет, в зависимости от того, как они коммуницируются, какими акторами и в каком контексте. Дискурсивный институционализм анализирует то, как распространяются новые идеи, в том числе исходящие от ученых (академический дискурс), и какое влияние они оказывают на политику.

Дискурсивный институционализм представляет собой, таким образом, особый подход, который способствует нашему пониманию политического действия способами, которые не могут сделать три предыдущих институционализма. Более того, он дает понимание области политических действий, которой политологи долгое время пренебрегали, главным образом, потому что они не могли объяснить ее в рамках своих собственных методологических подходов.

Концепция цифровой демократии не является нейтральной (нейтральными являются цифровые технологии), она политически и ценностно нагружена, поэтому адекватной методологией ее исследования будет являться такая методология, которая позволяет осознать роль ценностей, идей, убеждений, лежащих в основе политики. Этому требованию соответствует дискурсивный институционализм, являющийся современным динамично развивающимся направлением институционализма.

¹⁶⁰ <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1373046/FULLTEXT01.pdf> [дата посещения 12.12.2023]

3.3.Генезис научного дискурса цифровой демократии, его современное состояние и направления развития

Взаимосвязь развития демократии с цифровой трансформацией в сложных современных обществах стала одной из наиболее значимых тем в социальных науках. Можно сказать, что с самого начала дискурса цифровой демократии оптимистические тенденции сопровождалась и омрачались пониманием существующих рисков и опасностей.

Несмотря на крайнюю разнородность составляющих его концептов, политический дискурс цифровой демократии к настоящему времени сложился в некоторое подобие единства, что позволяет не только проследить основные этапы его эволюции (как отражения реальных процессов в области развития цифровых технологий и их влияния на демократические практики), но и выявить его современные особенности и направления, это означает возможность концептуализации цифровой демократии, отражающую современный уровень знаний и представлений об этом явлении.

Разумеется, что сам научный дискурс находится в постоянном изменении и развитии, отражая общую тенденцию к более глубокому осмыслению цифровой демократии.

Прежде всего отметим, что академический дискурс цифровой демократии выходит за рамки дихотомического дискурса, который предполагает существование выбора между демократией и цифровой демократией. Цифровые технологии рассматриваются как естественная среда развития, способ существования демократии в современных условиях.

Современный академический дискурс цифровой демократии подчеркивает необходимость изучения разнообразия моделей цифровой демократии, подчеркивая, что каждая из стран имеет свою особую

политическую систему и историю, отражая разнообразие отношений между обществом, органами публичной власти и цифровыми технологиями. В то же время признается, что исследования в области цифровой демократии пока сосредоточены, в основном, на европейских странах. В этом смысле, препятствием, мешающим азиатским странам активно участвовать в дискуссиях по формированию цифровой демократии, является европоцентристский и американоцентричный взгляд на то, какой должна быть «правильная» практика демократии¹⁶¹. Признается, что производство и продвижение знаний о демократии вообще и, цифровой демократии, в частности, невозможно без привлечения незападной науки. Растет стремление понять западные культуры их научную рефлексию о цифровой демократии, обогащая, таким образом, последнюю. Достижение сложного, многомерного знания становится потребностью современной науки, в которой наличие разнообразных подходов может обогатить концепцию цифровой демократии.

Исследователи обращаются к философии релятивизма, отрицающей существование единой или универсальной интерпретации цифровой демократии. Отвергая абсолютистскую идею развития знания, сторонники релятивизма принимают противоречивые и разнообразные объяснения идей¹⁶².

Растущая неопределенность в отношении стабильности и будущего западных демократий порождает старые и новые нарративы, которые

¹⁶¹ Trisha Ray and Jan Hornat, “Policy paper: Global Cooperation of Democracies in the Digital Realm”, Forum 2000, October 2021, <https://www.forum2000.cz/files/policy-paper-global-cooperation-of-democracies-in-the-digital-realm.pdf> [дата посещения 03.12.2023]; Gonzalez Hernando, Marcos, Williams, Kate, Examining the Link Between Funding and Intellectual Interventions Across Universities and Think Tanks: a Theoretical Framework (International Journal of Politics, Culture, and Society volume 31, pages 193–206, 2018), <https://link.springer.com/article/10.1007/s10767-018-9281-2> [дата посещения 03.12.2023]; Clarke Laurie, Williams Oscar, Swindells, How Google quietly funds Europe’s leading tech policy institutes (NewStatesman, 2021), <https://www.newstatesman.com/business/sectors/2021/07/how-google-quietly-funds-europe-s-leading-tech-policy-institutes> [дата посещения 08.12.2023]

¹⁶² Grady, P. O. Relativism. Routledge. 2014

стремятся связать трансформацию политического ландшафта с влиянием цифровых технологий.

Исследования, посвященные западным демократиям, часто строятся на основе описания набора нереалистичных демократических идеалов и чрезмерно сосредоточены на влиянии цифровых технологий на развитие демократии. При этом игнорируются растущие эмпирические данные о серьезных проблемах, лежащих в основе современных западных демократий. Разрешение этих проблем и противоречий в настоящее время видится в большем внимании к вопросам концептуализации и реконцептуализации самой демократии. Необходимо как разрешение противоречий между идеями и ценностями демократии, так и осмысление того, какое место занимают цифровые технологии, в какой степени они повлияли на проблемы современных демократий. Растет количество политических исследований, в которых делается вывод о том, что многие проблемы, стоящие перед демократией, исходят не из цифровых технологий, а, скорее, отражают более глубокие проблемы и противоречия в развитии самих демократий на современном этапе развития общества. При этом адекватное определение причинно-следственных связей (в случае доказательства последних) является важной предпосылкой к решению основных проблем демократии. Вместе с тем, цифровую демократию нельзя свести к усилению или ослаблению отдельных элементов, исследователи приходят к выводу о том, что нынешние изменения в демократии не поддаются монопричинному объяснению и требуют интерпретаций, которые обращают внимание на случайное взаимодействие политических устремлений, цифровых возможностей и их социального контекста.

Особенностью современного научного дискурса цифровой демократии, можно сказать, одним из его парадоксов является анализ цифровой демократии без относительно уровня управления: местного, национального или транснационального. В рамках этого подхода имплицитно предполагается универсальность инструментов цифровой

демократии (то, что применимо для национального уровня, будет одинаково верно и для других уровней). В то же время в исследованиях последних лет мы видим попытку внести в дискурс цифровой демократии пространственное измерение. В этом смысле масштаб (управления) становится новым значимым элементом концептуализации цифровой демократии¹⁶³. Противоречие (парадокс) состоит в том, что, с одной стороны, существуют многочисленные исследования, доказывающих существование корреляции между размером и качеством демократии (эти вопросы обстоятельно исследуются в классических работах, посвященных процессам демократизации), с другой стороны, часто игнорируется пространственное измерение цифровой демократии. Немногочисленные исследования, анализирующие взаимосвязь пространственных факторов (как показатель доступа к цифровым технологиям)¹⁶⁴ и качества электронной демократии ничего не меняют по существу.

Таким образом, пространственная перспектива (измерение) может привнести инновационный подход в концепцию цифровой демократии¹⁶⁵. Отчасти, конечно, частое игнорирование пространственного измерения цифровой демократии объясняется установкой о том, что с появлением цифровых технологий физическое местоположение или, скорее, расстояние потеряет свое значение (киберпространство заменяет физическое пространство). Лишь немногие исследователи пытаются соединить физический и цифровой миры, чаще они рассматриваются как бинарные категории. Изучение пространственного измерения в настоящее время чаще сосредоточено на региональных различиях в доступе к цифровым

Kneuer, M., Datts, M. E-democracy and the Matter of Scale. Revisiting the Democratic Promises of the Internet in Terms of the Spatial Dimension. *Polit Vierteljahresschr* **61**, 285–308 (2020). <https://link.springer.com/article/10.1007/s11615-020-00250-6> [дата посещения 12.12.2023]

¹⁶⁴ Sylvester, Dari E., and Adam J. McGlynn. 2010. The digital divide, political participation, and place. *Social Science Computer Review*. 2010. № 28. Pp.64 -74. Стр. 64

¹⁶⁵ E-democracy and the Matter of Scale. Revisiting the Democratic Promises of the Internet in Terms of the Spatial Dimension Marianne Kneuer · Mario Datts <https://link.springer.com/article/10.1007/s11615-020-00250-6>

технологиям, что является одним из аспектов популярной концепции цифрового неравенства («место имеет значение»).

Представление о том, что цифровая среда становится объективной реальностью существования демократии, ставшей ее естественной средой остается неизменным. Таким образом, фокус внимания исследователей переходит от вопросов обсуждения соотношения преимуществ цифровых технологий в развитии и укреплении демократии и реальных потенциальных проблем, способных подрывать сами основы демократии к вопросам управления рисками цифровой демократии и минимизации этих рисков. Таким образом, вопрос уже не в том, как и в какой степени цифровые технологии могут повлиять на демократические процессы, а в том, как сама цифровая сфера трансформируется под воздействием политики и управления. Цифровые технологии перестают рассматриваться исключительно как инструмент развития демократии. Они становятся чем-то больше, чем просто инструмент и все чаще рассматриваются как способ самоопределения, идентичности, способ познания, приобретая ценностные черты.

После почти двух десятилетий колебаний между бинарными гипотезами, объясняющими потенциал цифровых технологий, исследователи цифровой демократии заняли более прагматичный подход, основанный на тематических исследованиях. Такой подход имел то преимущество, что он позволял учитывать ценные контекстуальные факторы, в то же время, он не позволил уловить закономерности и взаимосвязи на более высоком уровне абстракции и сформировать теорию цифровой демократии.

Важно отметить здесь, что концептуализация и теоретизация на основе исследования и обобщения социально-политической практики утрачивает свое доминирующее положение, и, напротив, получает свое развитие теоретизация на основе оперирования уже созданными идеальными моделями, регуляция знаний из сложившихся теоретических

массивов¹⁶⁶. Индикатором научности теории/концепции выступает «уровень теоретизации знаний, связанных с рефлексии их оснований»¹⁶⁷.

Указанные общие тенденции в развитии научного знания мы прослеживаем в современном научном дискурсе цифровой демократии.

Исследователи сходятся во мнении, что цифровые технологии, опосредующие демократию, могут развиваться гораздо быстрее, чем институциональные механизмы, в которых они могут использоваться.

Несмотря на то, что с цифровыми технологиями связываются ожидания на обновление концепций демократии и преобразование демократических практик¹⁶⁸, растет понимание того, что с одними только цифровыми инструментами можно достичь лишь скромных демократических успехов, если не будет переосмыслена сама концепция демократии, какими бы совершенными не были институциональные и технологические проекты, они упускают из виду самое сердце демократии¹⁶⁹. В этом смысле цифровую демократию следует оценивать с точки зрения ее определяющих процессов, а не того, в какой степени используются артефакты цифровых технологий.

Современный академический дискурс цифровой демократии исходит из убеждения о том, что и цифровые технологии, и демократия находятся в отношениях постоянного развития и взаимовлияния. Такое взаимовлияние образует тугую паутину, из которой с трудом можно распутать причину и следствие. Попытка проанализировать эти связи тем более сложна, что ни цифровизация, ни демократия не представляют собой четко определенных концепций и имеют ценностное измерение.

Современный научный дискурс цифровой демократии подчеркивает, что будущее цифровой демократии остается открытым, все возрастающая

¹⁶⁶ Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М., 2009, 427 стр. Стр. 187.

¹⁶⁷ Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М., 2009, 427 стр. Стр. 187.

¹⁶⁸ Becker, T. Slaton, C.D. The Future of Teledemocracy. Praeger, Westport, CT, 2000

¹⁶⁹ Building Strong E-Democracy—The Role of Technology in Developing Democracy for the Information Age Ari-Veikko Anttiroiko

сложность социальной жизни станет актуальной проблемой, требующей серьезной теоретической и философской рефлексии, подчеркивается значимая роль академического дискурса цифровой демократии в формировании представлений и убеждений политических акторов.

Вероятно, этим можно объяснить все более частое обращение к философии при попытке исследователей понять сложную взаимосвязь между цифровыми технологиями и демократией. Опираясь на философию технологической школы мысли, исследователи стремятся обратить внимание на случайность, недетерминированность процесса развития цифровых технологий, стремятся преодолеть двойственность между обществом и технологией, подчеркивая значение технологии социального. Общество и цифровые технологии рассматриваются, таким образом, не как отдельные сущности, а как сущности взаимозависимые, технологическое посредничество в современных условиях выступает значимой частью и особенностью существования человека.

Несмотря на отчетливо выраженный академический интерес к исследованию сложной взаимосвязи цифровых технологий и демократии, сама теория цифровой демократии так и не сложилось, политико-теоретические исследования демократии, опосредованной технологиями (цифровые технологии являются посредниками для функционирования демократии в современных условиях) являются фрагментарными, в недостаточной степени привлекают смежные области знания в области изучения общества в целом и технологий, фундаментальные теоретические междисциплинарные исследования глубокой диалектической взаимосвязи цифровых технологий и демократии отсутствуют.

Такая теоретическая неопределенность имеет вполне практические последствия, оказывая негативное влияние на развитие цифровой демократии.

Очевидно, в то же время, что фундаментальные междисциплинарные теоретические исследования в большой степени способствовали бы отказу

от упрощенного представления о цифровизации как о возможности или опасности, что является распространенным явлением в современном научном дискурсе цифровой демократии, обеспечивая, таким образом, более глубокое понимание цифровой демократии.

На современном уровне развития науки «работают не отдельные теории, а научные дисциплины, которые связывают все уровни полученного об объекте знания и о процессе познания, а рефлексия над этой связанностью и есть залог перспектив научной дисциплины»¹⁷⁰.

Относительно новой тенденцией концептуализации цифровой демократии, отражающей общее стремление к более глубокому ее осмыслению, является представление о цифровизации и демократизации как коэволюционном процессе на пути к новому порядку¹⁷¹.

Отметим, что, в общем виде, интерпретация явлений в терминах коэволюции обусловлена динамикой изменений в социальном познании, связанных с неоклассической рациональностью в науке¹⁷². Коэволюция предполагает «совместные, сопряженные взаимообусловленные, взаимно адаптивные изменения развивающихся систем (процессов, элементов), взаимодействующих в рамках надсистемы»¹⁷³.

В рамках этого подхода также признается, что цифровые технологии оказывают влияние на развитие демократии, в то же время социально-политические события определяют дальнейшее направление изменения процессов цифровизации. Содержание этого сложного процесса в настоящее время только начинает признаваться, формируя теоретико-методологические контуры дальнейших исследований. Основное

¹⁷⁰ Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М., 2009., 472 С. Стр. 197.

¹⁷¹ Überblick Ein, Borucki Isabelle, Michels Dennis, Marschall Stefan Die digitalisierte Demokratie. 2020. № 30. Pp. 163–169. <https://link.springer.com/article/10.1007/s41358-020-00224-5>

¹⁷² Шаяхметова Л. А. Коэволюционный подход как философско-методологическое основание междисциплинарных связей в современном социальном познании. Авторферат на дисс. к.ф.н. Пермь. 2019. С. 3. <https://diss.utmn.ru/upload/iblock/ab3/SHayakhmetova.pdf> [дата посещения 14.12.2023]

¹⁷³ Сливацкий А.Б. КОЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИКИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ. <https://cyberleninka.ru/article/n/koevoljutsiya-tehniki-i-obschestva-v-tsifrovuyu-epohu-problemnye-voprosy/viewer> [дата посещения 14.12.2023]

внимание, таким образом, уделяется анализу содержания явлений (цифровизации и демократизации), которые в своей совокупности образуют исследовательскую программу изучения цифровой демократии.

В рамках предыдущего параграфа мы касались политической теории цифровой констелляции, раскрывая ее потенциал в осмыслении цифровой демократии и подчеркивая ее общность с концепцией сложной диалектической взаимосвязи между цифровыми технологиями и демократией, которая, по мнению диссертанта, отражает суть цифровой демократии. Вместе с тем, по мнению автора, концепция диалектической взаимосвязи более наглядна, понятна и более органично вписывается в отечественную политологию.

Мы также подчеркивали, что политическая теория констелляции сегодня рассматривается в качестве исследовательской программы, обеспечивающей общий вектор, направление для политико-теоретического исследования цифровой демократии. Таким образом, научно-исследовательская программа изучения цифровой демократии представляет собой комплекс разделяемых учеными фундаментальных идей, а также методологических оснований, которые обеспечивают общий подход (на уровне метатеории) к конструированию и обоснованию теории цифровой демократии.

Цифровая констелляция при этом является относительно новым подходом к исследованию цифровой демократии, она не является в полном смысле теорией, претендуя на статус исследовательской программы, не являясь пока таковой. Скорее, она выступает ориентиром, показывающим общее направление теоретизации и концептуализации цифровой демократии.

Важно подчеркнуть открытость констелляции для различных теоретических школ, именно поэтому, она является направляющим вектором научной рефлексии о цифровой демократии. Можно сказать, что цифровизация выступает сквозной проблемой, которую можно исследовать

в рамках различных политико-теоретических подходов и в разных исследовательских традициях.

Согласно цифровой констелляции, любые социальные отношения всегда являются технически опосредованными отношениями (опосредованными технологиями). Исследовательская программа подчеркивает, что цифровые технологии приобретают свое значение и динамику в своем многообразии в качестве инфраструктур, средств массовой информации, артефактов и т. д., прежде всего, в отношении социальных и политических практик.

Констелляция как исследовательская программа изучения цифровой демократии выделяет три уровня анализа¹⁷⁴, которые имеют принципиальное значение для понимания сложной взаимосвязи между цифровыми технологиями и демократией.

- I уровень - рефлексия относительно фундаментальных свойств цифровых технологий.
- II уровень – анализ потенциальных возможностей взаимовлияния цифровых технологий и демократии.
- III уровень – исследование социально-политической конфигурации.

Причем, если свойства цифровых технологий расположены на микроуровне конкретных технологических приложений, то социально-политические конфигурации затрагивают уже макроуровень¹⁷⁵. Второй или средний уровень имеет особое значение именно потому, что он игнорируется в большинстве работ по политологии, хотя он выполняет центральную функцию. Второму уровню программа констелляции придает особое значение, поскольку он выполняет центральную функцию, но при этом не получает должного внимания в рамках политической науки.

¹⁷⁴ Pistor K. Statehood in the digital age. *Constellations*. 2020. №27. pp. 3-18; Berg S., Staemmler D., Thiel T. Political Theory of the Digital Constellation., *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2022. № 32(2).pp. 1-15

¹⁷⁵ Lenk, Klaus. Die neuen Instrumente der weltweiten digitalen Governance// *Verwaltung & Management*. 2016. №22. Pp. 227-240.

Заключение

Данное диссертационное исследование посвящено концептуализации цифровой демократии. Диссертант доказывает, что любые попытки дать адекватное определение цифровой демократии неизбежно порождают проблемы и противоречия разного рода и уровня. По мнению диссертанта, эти проблемы и противоречия должны стать предметом исследования разных дисциплин, прежде всего, политической науки.

Проведенный автором анализ показывает, что исследования цифровой демократии часто осуществляются за пределами политической науки: в области коммуникации и средств массовой информации, технологии и информатики, таким образом, необоснованно подчеркивается преобладающее значение цифровых технологий над самой идеей демократии. В то же время на современном уровне развития научного знания все возрастающее значение приобретают не отдельные теории, а т.н. общее, связанное знание (разных научных дисциплин и областей) и рефлексия над этой связанностью.

В работе делается вывод о том, что по мере развития и углубления процессов цифровизации и реализации различных инициатив «цифровой демократии», увлечения их инструментальными возможностями, исследование фундаментальных основ цифровой демократии и ее связи с центральными теоретическими принципами демократии, необоснованно отходит на второй план.

Задача концептуализации цифровой демократии в большой степени затрудняется также тем, что сама демократия выступает открытой системой, находящейся в процессе постоянного развития и изменения. Ее динамика, с одной стороны, обусловлена противоречивыми принципами, интерпретациями и стремлениями, присущими самой демократической идее, демократическому идеалу, с другой стороны, на эту динамику оказывают влияние новые возможности и практики, обеспечиваемые

использованием цифровых технологий. Таким образом, можно сказать, что комплекс сложных проблем и противоречий цифровой демократии оказался для нее врожденным, естественным образом, приобретенным ею от демократии, многие проблемы и противоречия в развитии которой так и остались не разрешенными.

Разрешение этих проблем и противоречий в настоящее время видится в большем внимании к вопросам концептуализации и реконцептуализации самой демократии. Необходимо как разрешение противоречий между идеями и ценностями демократии, так и осмысление того, какое место занимают цифровые технологии, в какой степени они повлияли на проблемы современных демократий. Растет количество политических исследований, в которых делается вывод о том, что многие проблемы, стоящие перед демократией, исходят не из цифровых технологий, а, скорее, отражают более глубокие проблемы и противоречия в развитии самих демократий на современном этапе развития общества.

В диссертационном исследовании автором предпринята попытка осуществить концептуализацию цифровой демократии посредством раскрытия фундаментального противоречия, лежащего в её основе и касающегося неопределенной роли цифровых технологий в развитии демократии.

Диссертант доказывает, что цифровые технологии и демократия находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи. В диссертации показано, что большинство исследований о влиянии цифровых технологий на демократию носят корреляционный характер, исследователи опираются на данные наблюдений, которые обычно предоставляют лишь корреляционные данные. Действительно, прямая связь между цифровизацией и демократией демонстрирует высокую интуитивную правдоподобность. Однако, цифровые технологии не оказывают детерминированного воздействия на демократию. Цифровизация не выступает внешней силой по отношению к демократии. Таким образом, в

рамках изучения цифровой демократии как исследовательской программы необходимо исследовать как социально-политические и технологические процессы формируются в постоянном взаимодействии. При этом влияние и значение цифровых технологий не может быть объяснено особыми свойствами самих цифровых технологий. Сами по себе, они, по убеждению диссертанта, являются, в этом смысле, абсолютно нейтральными, приобретая демократические или антидемократические свойства лишь в социально-политической системе, в которую они встроены. В современном академическом дискурсе цифровой демократии часто необоснованно игнорируется необходимость концептуализации цифровых процессов, вариативность их развития. Иными словами, цифровые технологии представляются черным ящиком в то время, как они должны быть исследованы в контексте развития социально-политических процессов.

Аргументация влияния цифровизации на демократию в категориях причины-следствия неявно предполагает, что цифровые технологии и демократию необходимо рассматривать как независимые самостоятельные области, в то время как цифровая демократия, как следует из определения, представляет собой, скорее, органическое единство, симбиоз цифровых технологий и демократии.

В диссертации обосновывается необходимость проведения разноплановых эмпирических исследований влияния цифровизации на развитие демократии и ее институтов в разных контекстах и последующего осмысления результатов этих эмпирических исследований с целью конструирования теории цифровой демократии.

Диссертантом выявляются особенности и состояние современного академического дискурса цифровой демократии. Важно отметить здесь, что научный дискурс цифровизации (включая ее взаимосвязь с центральной категорией политической науки – демократией) аналогичен другим крупным трансформационным дискурсам последних десятилетий. Диссертант показывает генезис академического дискурса цифровой

демократии, который характеризовался отказом от редуционистских концепций, объясняющих взаимосвязь цифровых технологий в терминах детерминации и категориях причинно-следственных связей и обращением к более сложным и многогранным теоретическим конструкциям и разработке соответствующих исследовательских программ изучения цифровой демократии.

Диссертантом подчеркивается необходимость расширения академического дискурса цифровой демократии. В этой связи утверждается, что препятствием, мешающей азиатским странам активно участвовать в дискуссиях по формированию цифровой демократии, является европоцентристский и американоцентричный взгляд на то, какой должна быть «правильная» практика демократии¹⁷⁶. Азиатская демократия отличается от западной из-за различий в политических структурах, культурных нормах, исторических особенностей, а также интерпретации и реализации демократических принципов. Важно учитывать культурные различия при исследовании примеров реализации концепции цифровой демократии в разных регионах. Незападное описание и интерпретация демократии вообще и электронной демократии, в частности, остается малоисследованным.

В настоящее время цифровая демократия представляет собой динамично развивающийся феномен, вбирающий в себя две развивающиеся области: развитие демократии и цифровые технологии (использования цифровых технологий в публичной политике и управлении).

Автор подчеркивает, что цифровая демократия - это термин, нагруженный политическими устремлениями. Концепция цифровой демократии не является нейтральной (нейтральными являются цифровые технологии), она политически и ценностно нагружена, поэтому адекватной

¹⁷⁶ Halupka, M. The Legitimation of Clicktivism. Australian Journal of Political Science, 2018. №53(1), 130–141.

методологией ее исследования, по мнению автора, будет являться такая методология, которая позволяет осознать роль ценностей, идей, убеждений, лежащих в основе политики. Этому требованию соответствует дискурсивный институционализм, являющийся современным динамично развивающимся направлением институционализма.

Диссертантом делается вывод о том, что несмотря на то, что взаимосвязь между цифровизацией и демократией все чаще становится объектом научных исследований, обоснование сложной природы этой взаимосвязи редко является самостоятельной целью научных исследований. Само влияние цифровизации на демократию при этом ограничивается традиционными элементами демократии, при этом игнорируются более глубокие изменения норм, институтов, ценностей, которые по объективным причинам труднее поддаются исследованию и измерению.

Автор показывает, что многие исследователи пытались изучить взаимосвязь между цифровыми технологиями и демократией эмпирически, с позиции методологии позитивизма, фокусируясь на отдельных странах или группах стран.

Несмотря на то, что в этих исследованиях использовались данные из разных стран или одной страны, используемая методологическая база, в роли которой, как правило, выступала философия и методология позитивизма, оказалось недостаточной для интерпретации и объяснения противоречивых результатов. Соответственно, итогом таких попыток стало осознание необходимости серьезного теоретического анализа влияния цифровых технологий на развитие демократии и сравнительный анализ той роли, которую цифровые технологии играют в различных политических системах.

В диссертации анализируются цифровое участие и электронное голосование как основные составляющие цифровой демократии.

Диссертант показывает, что в процессах политического участия происходит поворот от долгосрочного участия (в политических партиях или

ассоциациях) к участию кратковременному, преходящему, ориентированному на решение конкретных проблем, в этой связи принято говорить о переходе от коллективных действиям к действиям объединяющим. В то же время нестабильный и преходящий характер большинства цифровых движений не позволяет рассматривать их как полноценную замену традиционным формам политического участия.

Цифровое участие может быть наглядно представлено в виде некоего континуума. Разумеется, границы между точками этого континуума и, соответствующими им категориями, достаточно условны. В то же время механизмы электронного участия могут варьироваться в зависимости от того, в какой точке континуума мы находимся.

Первоначально органы публичной власти и эксперты возлагали большие надежды в отношении электронного участия, полагая, что использование цифровых технологий, само по себе, приведет к более широкому участию граждан в политике и управлении, укреплению легитимности правительства и повышению доверия граждан к государственным институтам, способствуя, таким образом, переходу от тонкой демократии к глубокой демократии.

Подобные ожидания, характерные для позитивизма, в целом, не были подтверждены результатами сравнительных исследований в конкретных странах. Однако, исследования показали, что подобные ожидания имеют место и в настоящее время, в том числе в быстро модернизирующихся странах, где за последнее десятилетие число инициатив электронного участия стремительно возросло.

Таким образом, в диссертации делается вывод о том, что высокие ожидания, связываемые с цифровым участием полностью, не оправдались даже в тех странах, которые претендовали на роль лидеров в области цифровизации политики и управления. Причем, оптимистические ожидания исследователей и органов публичной власти, связываемые с использованием цифровых технологий, в большей степени оказались

обоснованными в части совместного производства государственных услуг, чем цифрового политического участия.

Автор показывает, что подавляющее большинство проблем, которые обнаруживаются в области электронного участия характерны для политического участия в целом. С самого начала инициативы цифрового участия рассматривались (а потом и реализовывались), скорее, как технологический, чем социально-политический проект. В работе показано, что консолидация, принятие цифровых технологий участия гражданами в большой степени определяется существующим уровнем доверия к институтам публичной власти, цифровым технологиям, а также к конкретным компонентам платформ участия.

Анализ научной литературы, проведенный автором, позволил сделать вывод о том, что систематические попытки собрать и интерпретировать данные об уровне участия в разных странах, практически отсутствуют (даже на уровне обзорных исследований). Таким образом, существует необходимость в дополнительных исследованиях результатов инициатив электронного участия в разных странах, в том числе, в модернизирующихся странах, которые активно продвигают усилия по цифровизации и в которых наблюдается значительный рост цифрового участия. При этом полноценное исследование электронного участия в разных социально-политических контекстах требует выхода за рамки технических или технологических аспектов. Эффективность электронного участия и его влияние на отношения между гражданами и государством зависят от преобладающих ценностей, лежащих в основе политической системы в конкретной стране.

Анализ практики электронного голосования в разных странах показывает, что внедрение и распространение системы электронного голосования с необходимостью предполагает сложный процесс институционального строительства, не сводящийся к формальному введению электронного голосования. Разумеется, его формирование требует времени и терпения. Несомненно, решение проблем безопасности в

контексте электронного голосования имеет огромное значение. Однако, как показывает анализ академического дискурса, посвященного цифровой демократии и электронному голосованию, как важной его составляющей, именно общественное доверие к институтам публичной власти выступает наиболее важной предпосылкой принятия электронного голосования на фоне растущих проблем, связанных с обеспечением безопасности. Это общественное доверие возникает не только и не столько благодаря возможностям цифровых технологий, обеспечивающих, в частности, технологическое решение проблем безопасности электронного голосования, сколько в результате институционализации и рутинизации реальных практик в контексте более широкой социо-политико-технологической системы.

Результаты социологического анализа отношения экспертов в области электоральной политики в России к электронному голосованию, проведенного автором, показывает, что экспертное сообщество по электронной электоральной политике в России связывает доверие граждан к электронному голосованию с персональным доверием к политическим лидерам, занимающим государственные должности (Президент, председатель правительства, председатель Государственной думы). В этом смысле, принятие гражданами электронного голосования, в большой степени, будет определяться отношением указанных лиц к электронному голосованию, выраженным в политическом дискурсе. Это вселяет определенный оптимизм на поддержку гражданами электронной электоральной политики в России.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует ясное понимание процессов институционализации электронного голосования с учетом контекстуальных особенностей разных стран. Ощущается дефицит фундаментальных исследований, которые бы способствовали более глубокому пониманию электронного голосования и объясняли бы противоречивые результаты

эмпирических исследований и тенденцию отказа от цифрового голосования, имеющую место в разных странах.

В научной литературе, посвященной электронному голосованию, в настоящее время доминируют исследования, анализирующие процессы электронного голосования в европейских странах и США, в то же время электронное голосование в странах Азии, где стремительно развиваются процессы цифровизации все чаще становятся объектом исследовательского интереса.

Литература

1. Alvarez, R.M. Hall, T.E. Building secure and transparent elections through standard operating procedures// *Public Administration Review*. 2008. № 68(5). pp.828-838.
2. Arts, B., Van Tatenhove, J. P. M., Leroy, P. Policy arrangements/ In J. P. M. Van Tatenhove, B. Arts, P. Leroy (Eds.)/ *Political modernisation and the environment*. Kluwer Academic Publishers. 2000. pp. 53–69.
3. Barnett, M., Duvall, R. Power in international politics//*International Organization*. 2005. № 59(4). Pp. 39–75.
4. Becker, T. Slaton, C.D. *The Future of Teledemocracy*. Praeger, Westport, CT, 2000.
5. Béland, D. ‘The idea of power and the role of ideas// *Political Studies Review*. 2010. №8. Pp.145–54.
6. Béland, D., Cox R.H. Introduction: ideas and politics/in D. Béland and R.H. Cox (eds)// *Ideas and Politics in Social Science Research*, New York: Oxford University Press. 2011. pp. 3–20.
7. Béland, D. The idea of power and the role of ideas// *Political Studies Review*. 2010. № 8.pp. 145–154.
8. Bennett, W. L., Pfetsch, B. Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication*, 2018. №68 (2). Pp.243–253. <https://doi.org/10.1093/joc/jqx017>
9. Bennett, W. L., Segerberg, A. THE LOGIC OF CONNECTIVE ACTION: Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society*. 2012. № 15(5). Pp. 739–768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>
10. Berg S., Staemmler D. Thiel T. Political Theory of the Digital Constellation// *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2022.№ 32(2). Pp. 1-15.
11. Berg, Sebastian, Niklas Rakowski, Thorsten Thiel. *The digital constellation*. WI-Weizenbaum Institute for the Networked Society. 2020.

12. Berg, Sebastian, Rakowski, Niklas, Thiel, Thorsten. The Digital Constellation// Weizenbaum Series, Weizenbaum Institute for the Networked Society - The German Internet Institute, Berlin. 2020. №. 14.
13. Berinsky, A.J. 'The perverse consequences of electoral reform in the United States.' American Politics Research. 2005. № 33(4): pp.471-491.
14. Bimber, B., Davis, R. Campaigning online: The Internet in US elections. Oxford University Press. 2003.
15. Blyth, M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century, Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
16. Blyth, M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict, and institutional change// World Politics. 2011. № 54(1). Pp. 1-26.
17. Bochslers, D. Can Internet voting increase political Participation? Remote electronic voting and turnout in the Estonian 2007 parliamentary elections. 2010. [Conference presentation]. The 'Internet and Voting' Conference. 3-4 June. Av. at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1456827 [дата посещения 06.05.2023].
18. Bohman, S., Hansson, H., Mobini, P., Online Participation in Higher Education Decision-making// Journal of eDemocracy and open government 2014. №6. Pp. 267–285.
19. Buchsbaum T. M. "E-voting: International Developments and Lessons Learnt". Proceedings of Workshop on Electronic Voting in Europe – Technology, Law, Politics and Society, Austria, at www.subs.emis.de/LNI/Proceedings/Proceedings47/ 2004. Proceeding.GI.47-4.pdf. [дата посещения 01.11.2023].
20. Building Strong E-Democracy-The Role of Technology in Developing Democracy for the Information Age Ari-Veikko Anttiroiko. 2010.

21. Calhoun, Craig (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press. 1992.
22. Campbell, J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy// *Theory and Society*. 1998. №27(3). P. 377-409.
23. Carpentier N. *Media and Participation: A Site of Ideological-democratic Struggle*. Chicago: Chicago University Press. 2011.
24. Carstensen, M.B. Paradigm man vs the bricoleur: bricolage as an alternative vision of agency in ideational change', *European Political Science Review*. 2011. № 3(1). Pp. 147–167.
25. Chadwick, A. *Internet politics: States, citizens, and new communication technologies*. Oxford University Press. 2006.
26. Chadwick, A. *Web 2.0: New Challenges for the Study of E-Democracy in an Era of Informational Exuberance*. *I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society*, 2009. №5(1). Pp. 9- 41.
27. Cox, R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany// *World Politics*. 2001. № 55(3). Pp.463-498.
28. Culpepper, P. The politics of common knowledge: ideas and institutional change', *International Organization*. 2008. № 62(1): 1–33.
29. Curato N, Farrell D., Geissel B., Kimmo Grönlund, André Bächtiger, Maija Setälä et al. *Deliberative Mini-Publics: Core Design Features*. Bristol University Press. 2021.
30. Dahlberg L., /Siapera E (eds)/ *Radical Democracy and the Internet: Interrogating Theory and Practice*. New York: Palgrave. 2007.
31. Darmawan I, Nurhandjati N., Kartini E. *Memahami E-Voting: Berkaca Dari Pengalaman Jembrana dan Negara-Negara Lain*. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia. 2014.
32. De Blasio E. *Democrazia Digitale: Una Piccola Introduzione*. Roma: LUISS University Press. 2014.

- 33.Deseriis, M. Two Variants of the Digital Party: The Platform Party and the Networked Party (1.0).2020.
- 34.Epstein, D., Newhart, M., Vernon, R., Not by technology alone: The “analog” aspects of online public engagement in policymaking. Government Information Quarterly 2014. №31. P. 337–344.
- 35.Ess, C. Democracy and the Internet: A Retrospective// Javnost - The Public. 2018.№25(1-2). Pp.93 -101.
- 36.Fang Z. E-government in digital era: Concept, practice, and development International Journal of the Computer, the Internet and Management. 2002
- 37.Farrell, H. The consequences of the internet for politics// Annual Review of Political Science. 2012. № 15. P. 35–52.
- 38.Fischer, F., Forester, J. The argumentative turn in Policy analysis and planning, 1993.
- 39.Germann, M., Serdült, U. ‘Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland// Electoral Studies. 2017. №47. pp.1-12.
- 40.Gibson, R. K., Nixon, P. G., Ward, S. J. (Eds.). Political parties and the Internet: net gain?. Routledge. 2003.
- 41.Gibson, R.K. ‘Internet voting and the European Parliament elections’/ in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) // The European Union and E-Voting (Electronic Voting). London: Routledge. 2005. pp.29-59.
- 42.Gibson, R.K. ‘Internet voting and the European Parliament elections’, in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) The European Union and E-Voting (Electronic Voting). London: Routledge. 2005. pp.29-59.
- 43.Goodman, N.J., Pammett, J.H., DeBardeleben, J. A comparative assessment of electronic voting. 2010. Available at: https://www.elections.ca/res/rec/tech/ivote/comp/ivote_e.pdf [дата посещения 06.05.2023].
- 44.Goodman, N.J., Spicer, Z. ‘Administering elections in a digital age: Online voting in Ontario municipalities.’ Canadian Public Administration, 2019. №62(3). Pp.369-392.

45. Gramsci, A. *Selections from the Prison Notebooks*, New York: International Publishers. 1971.
46. Gronke, P. et al. 'Convenience voting'// *Annual Review of Political Science*. 2008. № 11. pp.437-455.
47. Grönlund Kimmo, Curato N, Farrell D, Geissel B, André Bächtiger and Maija Setälä et al. *Deliberative Mini-Publics: Core Design Features*. Bristol University Press; 2021.
48. Hacker, K., van Dijk, J. *What is Digital Democracy?* / Hacker, K. & van Dijk, J. (eds)/ *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*. 1st edn. London: Sage, 2000. P.1-9.
49. Hajer, M. *The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process*. Oxford University Press.1995. p. 44
50. Halupka, M. *The Legitimation of Clicktivism*. *Australian Journal of Political Science*. 2018. №53(1). P. 130–141.
51. Haskamp Thomas, Christian Dreme, Nicholas Berente, Youngjin Yoo *Falk Punctuated Multi-Layered Liminality in Digital Transformation: The Case of an Automotive Platform*// *ICIS*. 2022. Proceedings. №4.
52. Hay, C. *Political analysis. A critical introduction*. Palgrave Macmillan.2002.
53. Helm, J.E. *Distributed Internet voting architecture: A thin client approach to Internet voting*// *Journal of Information Technology*. 2021. № 36(2). pp.128-153.
54. Henfridsson, O., Yoo, Y. *The Liminality of Trajectory Shifts in Institutional Entrepreneurship*//*Organization Science INFORMS*, 2014. №25:3. Pp. 932–950.
55. Hernando Gonzalez Marcos, Williams, Kate. *Examining the Link Between Funding and Intellectual Interventions Across Universities and Think Tanks: a Theoretical Framework*// *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2018. № 31. Pp. 193–206

- <https://link.springer.com/article/10.1007/s10767-018-9281-2> [дата посещения 03.12.2023].
56. Hindman, M. The myth of digital democracy. Princeton University Press. 2008.
57. Hofmann, Jeanette. Mediated democracy – linking digital technology to political agency// Internet Policy Review 2019. №8(2).
58. Hofmann, J. Mediated democracy-linking digital technology to political agency. Internet Policy Review, 2017.
59. Hofmann, J., Kersting Norber, Claudia Ritzi, Wolf J. Schünemann.. Politik in der digitalen Gesellschaft: Zentrale Problemfelder und Forschungsperspektiven. Bielefeld: transcript. 2019.
60. Hoven, J. E-democracy, E-contestation and the Monitorial Citizen. Ethics and Information Technology. 2005. №. Pp.51-59.
61. Howard, P. N. New media campaigns and the managed citizen. Cambridge University Press. 2006.
62. Kalampokis, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., A Domain Model for eParticipation/ in: Third International Conference on Internet and Web Applications and Services, 2008. pp. 25–30.
63. Katzenstein, P. Cultural Norms and National Security: Police and the Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press. 1996.
64. Kleis Nielsen, R., Fletcher, R. Democratic Creative Destruction? The Effect of a Changing Media Landscape on Democracy/ In N. Persily & J. A. Tucker (Eds.)// Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform (1st ed.). Cambridge University Press. 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108890960>
65. Kneuer Marianne, Datts Mario E-democracy and the Matter of Scale. Revisiting the Democratic Promises of the Internet in Terms of the Spatial Dimension <https://link.springer.com/article/10.1007/s11615-020-00250-6>
66. Kneuer, M., Datts, M. E-democracy and the Matter of Scale. Revisiting the Democratic Promises of the Internet in Terms of the Spatial

- Dimension. Polit Vierteljahresschr. 2020. №61. Pp. 285–308
<https://link.springer.com/article/10.1007/s11615-020-00250-6> [дата посещения 12.12.2023].
67. Konopka Nowina, M. Trzy płaszczyzny relacji Internetu z demokracją na tle rozwoju społeczeństwa informacyjnego/ Musiał-Karg [Ed.]// Demokracja w obliczu nowych Mediów. Elektroniczna demokracja wybory przez Internet, kampania w sieci. Wydawnictwo Adam Marszałek: Toruń. 2013.
68. Krimmer, R., Duenas-Cid, D. and Krivonosova, I. Debate: safeguarding democracy during pandemics. Social distancing, postal, or internet voting- the good, the bad or the ugly?// Public Money & Management, 2020. №41. pp.8-10.
69. Krivonosova I. The forgotten election administrator of Internet voting: Lessons from Estonia// Policy Studies, 2022. № 43. pp.1254-1276.
70. Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics, London: Verso. 1985.
71. Laurie Clarke, Oscar William, How Swindells Google quietly funds Europe's leading tech policy institutes New Statesman. 2021.
<https://www.newstatesman.com/business/sectors/2021/07/how-google-quietly-funds-europe-s-leading-tech-policy-institutes> [дата посещения 08.12.2023].
72. Lenk, Klaus. Die neuen Instrumente der weltweiten digitalen Governance// Verwaltung & Management. 2016. №22. Pp. 227-240.
73. Lewandowsky S, Pomerantsev P. Technology and democracy: a paradox wrapped in a contradiction inside an irony. Memory, Mind & Media. 2022. №1. P.5. doi:10.1017/mem.2021.7
74. Luhmann N. Die Soziologie und der Mensch. - Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995.
75. Lukes, S. Power: A Radical View, London: MacMillan. 1974.

- 76.Lust, A. I-vote, therefore I am? Internet voting in Switzerland and Estonia.’
SAIS Review of International Affairs, 2018. №38(1). pp.65-79.
- 77.Lust, A. Online voting: Boon or bane for democracy?// Information Policy.
2015.№ 20(4). pp.313-323.
- 78.Margolis, M., Resnick, D. Politics as Usual: The Cyberspace “Revolution”.
SAGE Publications.2000.
- 79.Medaglia, R. eParticipation research: Moving characterization forward
(2006-2011). Government Information Quarterly. 2012. № 29. Pp. 346-
360.
- 80.Norris, P. E-voting as the magic ballot for European Parliamentary
elections?/ in F. Mendez and A.H. Trechsel (ed.) The European Union and
E-Voting (Electronic Voting). London: Routledge. 2005. pp.60-90.
- 81.O’Reilly, T. Government as a Platform. Innovations: Technology,
Governance, Globalization. 2011. № 6(1). Pp. 13-40.
- 82.Obersteller, H. Anonymous ePetitions – Another Step Towards
eDemocracy, in: Camenisch, J., Fischer-Hübner, S., Hansen, M. (Eds.),
Privacy and Identity Management for the Future Internet in the Age of
Globalisation. Springer International Publishing, Cham, 2015. pp. 110–
124.
- 83.Orlikowski, W., Scott, S. Liminal Innovation in Practice: Understanding
the Reconfiguration of Digital Work in Crisis// Information and
Organization Pergamon. 2021. №31:1, p. 100-336.
- 84.Päivärinta, T., Sæbø, Ø., Models of E-Democracy. Communications of the
Association for Information Systems, 2006. Pp.818-840.
<https://doi.org/10.17705/1CAIS.01737>
- 85.Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., eParticipation Initiatives in
Europe: Learning from Practitioners, in: Tambouris, E., Macintosh, A.,
Glasse, O. (Eds.), Electronic Participation, Lecture Notes in Computer
Science. Springer Berlin Heidelberg, 2010. pp. 54-65.

86. Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K., eParticipation Initiatives in Europe: Learning from Practitioners, in: Tambouris, E., Macintosh, A., Glassey, O. (Eds.), *Electronic Participation, Lecture Notes in Computer Science*. Springer Berlin Heidelberg, 2010. pp. 54-65.
87. Papacharissi, Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere// *New media & society*. 2002. № 4(1), 9-27.
88. Parks, M. In 2020, some Americans will vote on their phones. Is that the future? 2019// <https://www.npr.org/2019/11/07/776403310/in-2020-some-americans-will-vote-on-their-phones-is-that-the-future> [дата посещения 11.09.2023].
89. Parsons, C. *How to Map Arguments in Political Science*, Oxford: Oxford University Press. 2007.
90. Peixoto, T., Fox, J.A., When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? *Digital dividends: background paper for the World Development Report*. 2016.
91. Peixoto, T., Fox, J.A., When does ICT-enabled citizen voice lead to government responsiveness? *Digital dividends: background paper for the World Development Report*. 2016.
92. Philips, N., Jorgensen, M. W. *Discourse analysis as theory and method*. Sage. 2002. p. 62.
93. Picazo-Vela, S., Gutiérrez-Martínez, I., Luna-Reyes, L.F., Understanding risks, benefits, and strategic alternatives of social media applications in the public sector// *Government Information Quarterly* 2012. №29 pp. 504–511.
94. Pistor K. Statehood in the digital age. *Constellations*. 2020. №27. pp. 3-18
95. Porębski, L. Obywatel- konsument- obserwator. Główne wymiary wykorzystania Internetu w polityce. *Nowe Media*. 2010. № 1. Pp. 159-179.
96. Ray Trisha., Hornat Jan, Policy paper: Global Cooperation of Democracies in the Digital Realm”, *Forum* 2000, October 2021, <https://www.forum2000.cz/files/policy-paper-global-cooperation-of-democracies-in-the-digital-realm.pdf> [дата посещения 03.12.2023].

97. Ritzer, G., Jurgenson, N. Production, Consumption, Prosumption: The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer' // *Journal of Consumer Culture*. 2010. № 10(1). Pp. 13–36. <https://doi.org/10.1177/1469540509354673>
98. Rose, J., Persson, J.S., Heeager, L.T., Irani, Z.. Managing e-Government: value positions and relationships: Value paradigms for e-Government // *Info Systems*. 2015. № 25. Pp. 531–571.
99. Roseman GH Jr and Stephenson EF The effect of voting technology on voter turnout: Do computers scare the elderly? // *Public Choice*. 2005. № 123(1/2). Pp. 39–47.
100. Sæbø, Ø., Rose, J., Skiftenes Flak, L., The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area. *Government Information Quarterly*. 2008. № 25. Pp. 400–428.
101. Schmidt V. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. June 2008. *Annual Review of Political Science* 11(1) // *Theorizing Ideas and Discourse in Political Science: Intersubjectivity, Neo-Institutionalisms, and the Power of Ideas*. Critical Review. September 2017.
102. Schmidt, V. A. Does Discourse Matter in the Politics of Welfare State Adjustment? // *Comparative Political Studies*. 2001. №35 (2). Pp. 168–193.
103. Schmidt, V.A. *The Futures of European Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. 2002.
104. Schmidt, V.A. Discursive institutionalism: the explanatory power of ideas and discourse // *Annual Review of Political Science*. 2008. № 11. Pp. 303–326.
105. Schmidt, V.A. *The Futures of European Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. 2002.
106. Schmitter, P. C. E-voting, E-democracy and EU-democracy: A thought experiment/ In A. Trechsel & F. Mendez (Eds.)/ *The European*

- Union and e-voting: addressing the European Parliament's internet voting challenge. London: Routledge. 2005.
107. Schrock, A. Civic tech: Making technology work for people. 2018.
108. Schryen, G. 'Security aspects of Internet voting.' Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Science. Hawaii, USA. 2004. pp.1-9.
109. Sciarini, P. (et al.) Etude du vote par internet dans le canton de Genève. 2013 // <https://cdc-ge.ch/wp-content/uploads/2022/06/evotingrapportunige0.pdf> [дата посещения 06.05.2023].
110. Scott, T. Why electronic voting is still a bad idea. 2020. Av.at: <https://www.markpack.org.uk/160622/why-electronic-voting-is-still-a-bad-idea-tom-scott/> [дата посещения 06.05.2023].
111. Sharma, S. Can't change my political disaffection! The role of political disaffection, trust, and resistance to change in internet voting// Digital Policy, Regulation and Governance. 2020.№ 22(2): pp.71-91.
112. Stiller, S. Ideational Leadership in German Welfare State Reforms, Amsterdam: Amsterdam University Press. 2010.
113. Sylvester, Dari E., Adam J. McGlynn. The digital divide, political participation, and place. Social Science Computer Review. 2010. № 28. Pp.64 -74.
114. Tai, K.-T., Porumbescu, G., Shon, J., 2019. Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications// Public Management Review. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584233>
115. Thiel, S.-K., Larsen-Ledet, I., The Role of Pseudonymity in Mobile e-Participation, in: Proceedings of the 52nd Hawaii International Conference on System Sciences. HICSS, Hawaii. 2019., pp. 2880–2889.
116. Thorsten Thiel, Anonymität und Demokratie. Forschungsjournal Soziale Bewegungen 2017. №30. Pp.152–161.

117. Toots, M. Why E-participation systems fail: The case of Estonia's Osale.ee. *Government Information Quarterly*, forthcoming. 2019.
118. Überblick Ein, Borucki Isabelle, Michels Dennis, Marschall Stefan Die digitalisierte Demokratie. 2020. № 30. Pp. 163–169. <https://link.springer.com/article/10.1007/s41358-020-00224-5>
119. Unt, T., Solvak, M. Vassil K. 'Does Internet voting make elections less social? Group voting patterns in Estonian e-voting log files (2013-2015) // *PLoS One*, 2017. №12(5). pp.1-13.
120. Vassil, K. et al. The diffusion of Internet voting: Usage patterns of Internet voting in Estonia between 2005 and 2015// *Government Information Quarterly*. 2016.№ 33(3). pp.453-459.
121. Vicens, A.J. Online voting is a really, really bad idea. Available at: <https://www.motherjones.com/politics/2019/11/online-voting-problems/> [дата посещения 06.05.2023].
122. Vidiasova, L., Vidiasov, E., The Effectiveness of E-Participation Tools in Russia: Analysis of E-Petition Portals and Sites with Solutions for Urban Problems, in: *Sgem 2016, Bk 2: Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism Conference Proceedings*. Technology Ltd, Sofia, Vol I. №92. pp. 621-628.
123. Wang, K. et al. A review of contemporary e-voting: Requirements, technology, systems and usability// *Data Science and Pattern Recognition*. 2017. № 1. pp.31-47.
124. Weber, Max *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).1988.
125. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
126. Widmaier, W., Blyth, M. and Seabrooke, L. Exogenous shocks or endogenous constructions? The meanings of wars and crises', *International Studies Quarterly*. 2007. № 51(4). Pp.747–59.

127. Widmaier, W., Blyth, M., Seabrooke, L. Exogenous shocks or endogenous constructions? The meanings of wars and crises// *International Studies Quarterly*. 2007. № 51(4). Pp. 747–59.
128. Winner L. Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology// *Science, Technology, & Human Values* 1993. №18 (3): 362-378.
129. Yamamoto, M. and Kushin, M.J. More harm than good? Online media use and political disaffection among college students in the 2008 election// *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014.№ 19(3). Pp..430-445.
130. Zuboff, S. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. Profile books. 2019.
131. Авдеева И.Л., Головина Т.А., Парахина Л.В. Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: российский и зарубежный опыт// *Вопросы управления*. № 6. 2017. С. 50-56.
132. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность /Препринт/, М.: ДПК Пресс, 2018. С. 2-7.
133. Алексеев, Р. А. Апробация и перспективы применения технологии блокчейн на выборах за рубежом и в России / Р. А. Алексеев // *Журнал политических исследований*. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 41-48.
134. Арбатская, М. Н. Трансформация публичной политики и электоральное пространство / М. Н. Арбатская ; М. Н. Арбатская ; науч. ред. Б. М. Ишмуратов ; Избирательная комис. Иркутской обл.. – Иркутск : Избирательная комис. Иркутской обл., 2006. – 218 с. – ISBN 5-91106-003-5.
135. Афанасьев, М. Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России / М. Н. Афанасьев // *Полис. Политические исследования*. – 1995. – № 3. – С. 105-116.

136. Байков, К. А. Технологии политической мобилизации посредством внедрения и развития цифровых платформ / К. А. Байков // Политконсультант. – 2021. – Т. 1, № 1.
137. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 4(29). С. 320–324.
138. Баранов, А. В. Сравнительный анализ целей и направлений электоральной политики Европейского союза и Российской Федерации в отношении молодежи / А. В. Баранов // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 39-51.
139. Белоконев, С. Ю. Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа / С. Ю. Белоконев, Е. В. Левина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 47-55.
140. Болдырев, В. Е. Факторы успеха Д. Трампа и Республиканской партии на прошедших выборах / В. Е. Болдырев // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 3(567). – С. 34-47.
141. Большакова Ю. М. Вопросы цифровизации в контексте современного этапа эволюции публичного управления // Власть. 2021. Том 29. № 4. С. 43-48.
142. Большакова Ю. М. О проблеме повышения качества государственного управления и реализации концепции электронного управления // Власть. 2015. Том 22. № 7. С. 28-36.
143. Борисов, И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов / И. Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1(19). – С. 124-139.

144. Борисов, И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов / И. Б. Борисов // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 3. – С. 3-10.
145. Борисова, Н. В. Маркеры политической субъектности регионов стран Европы в контексте многоуровневого управления / Н. В. Борисова // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 541-555.
146. Борисова, Н. В. Политика языка в контексте электоральной борьбы в Каталонии (2006-2017) / Н. В. Борисова, Е. Ю. Филиппова // *Полис. Политические исследования*. – 2019. – № 3. – С. 145-156.
147. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. — 2019. № 4. С. 65–69.
148. Будко, Д. А. Цифровая демократия в Москве: политика vs. Повседневность / Д. А. Будко // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. – 2023. – № 15. – С. 21-26.
149. Буров В.В., Петров М.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: Эффекты реализации и управление развертыванием // *Государственная служба*. 2018. Т. 20. № 4 (114). С. 17-26.
150. Вафин, А. М. Негатив в политике: 10 технологий "черного" PR в России и зарубежных странах / А. М. Вафин // *Вопросы политологии*. – 2021. – Т. 11, № 1(65). – С. 107-114.
151. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990.
152. Великая, Н. М. Глобальная социал-демократия в контексте глобализации / Н. М. Великая, Б. П. Гуселетов // *Вестник РГГУ*.

- Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3(46). – С. 59-73.
153. Веревкин, А. И. Политико-административная координация и эффективность электоральной политики / А. И. Веревкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 107-114.
154. Вилисов, М. В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики / М. В. Вилисов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 203-233.
155. Волкова, А. В. Потенциал гуманитарных технологий в публичной политике современной России и электоральные вызовы 2016-2018 г / А. В. Волкова // Электоральные процессы в современной России : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2016 года / Под редакцией А.В. Волковой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. – С. 32-34.
156. Волкова, А. В. Российская политическая наука: публичная политика и современные электоральные вызовы / А. В. Волкова // Коммуникология. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 216-221.
157. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2. С. 39–48.
158. Гельман, В. Я. Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Политическая наука. – 2005. – № 2. – С. 8-25.

159. Глухих, В. А. Интернет-мемы как инструменты публичной политики / В. А. Глухих, С. М. Елисеев // Дискурс. – 2017. – № 4. – С. 90-96.
160. Глухова, А. В. Новые форматы гражданского участия: консультативная демократия / А. В. Глухова // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. – Москва: "КДУ", "Университетская книга", 2018. – С. 597-602
161. Грачев, А. Г. Мониторинг электорального поведения: проблемы измерения коммуникативных качеств политика / А. Г. Грачев // Коммуникология. – 2017. – Т. 5, № 5. – С. 178-187.
162. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
163. Гришин, Н. В. Государственная электоральная политика и концепция New Public Governance: современная эволюция государственной политики и управления в сфере избирательного процесса / Н. В. Гришин // Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации мирового порядка : Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Москва, 12–14 июля 2016 года. – Москва: Российская ассоциация политической науки, 2016. – С. 47-49.
164. Гришин, Н. В. Изучение государственной электоральной политики: как формируется исследовательская повестка дня / Н. В. Гришин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 107-120.
165. Гришин, Н. В. Институционализация государственной электоральной политики / Н. В. Гришин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 89-107.
166. Гришин, Н. В. Сетевой подход и изучение наднациональной системы управления выборами: пример Европейского Союза / Н. В.

- Гришин // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 6-15.
167. Евстифеев, Р. В. Государственная электоральная политика и политическая активность современной молодежи / Р. В. Евстифеев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 6. – С. 227-235.
168. Еремеев С. Г. Smart-city: в поисках концептуализации // Власть. 2019. Том 27. № 1. С. 147-153. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6242>
169. Еремеев С. Г. Концепция «совместного производства» в контексте городского управления // Власть. 2019. Том 27. № 4. С. 101-105. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6593>
170. Еремеев С. Г. Стратегическое планирование в реализации концепции smart city // Власть. 2021. Том 29. № 2. С. 53-61. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.7995>
171. Ефанова, Е. В. Медиафейки в предвыборной кампании во Франции в 2022 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 97-104.
172. Ефанова, Е. В. Популистская риторика в электоральном политическом пространстве современной России: региональный аспект / Е. В. Ефанова, А. В. Богапова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 6(36). – С. 118-126.
173. Зиновьев, А. О. Роль идей в контексте историко-философского понимания политики / А. О. Зиновьев // Время больших перемен: политика и политики : материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, 24–25 ноября 2017 года / Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-

- Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 146-147.
174. Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. 2020. № 79. С. 246–270.
175. Ирхин, Ю. В. Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты / Ю. В. Ирхин // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 111-131.
176. Камалетдинова, А. И. Участие СМИ в формировании "форумных" свойств мотивации электорального выбора в либерально-демократической политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 225-230.
177. Канашина, С. В. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1(67). – С. 67-73.
178. Капицын, В. М. Идеино-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. – 2012. – № 2(75). – С. 58-70.
179. Караковский К.А., Обухова Л.А. Управление профессиональным развитием государственных гражданских служащих в цифровой экономике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 56-60.
180. Карапетян Н.С., Каунов Е.Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 6.
181. Каримов, Э. Р. Технологии цифровизации современной публичной политики / Э. Р. Каримов // Современные задачи и перспективные направления инновационного развития науки.

- Сборник статей Международной научно-практической конференции, Калуга, 05 октября 2023 года. – УФА: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2023. – С. 73-78.
182. Кириленко, В. П. Электронная демократия и гуманистические принципы / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6(126). – С. 19-31.
183. Кленина, Е. А. Влияние общественного мнения на политические технологии избирательных кампаний / Е. А. Кленина, А. Е. Песков // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2011. – № 2(52). – С. 102-108.
184. Коньков, А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации / А. Е. Коньков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 6-28.
185. Косоруков, А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством: монография. М.: МАКС Пресс, 2019. 320 с.
- 186.** Костюкова К.С. Политика цифровой трансформация Японии на примере развития технологии искусственного интеллекта [Текст] / К.С. Костюкова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2019. – № 4. – С. 516-529. DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.4.516-529.
187. Котляров, М. В. Технологии анализа и управления коммуникациями как индикатор изменения публичной сферы в России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 2. – С. 75-82.
188. Коулман С. Может ли интернет укрепить демократию? - СПб., 2018. - 132 с.
189. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и

- регуляторные практики. – Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96-113.
190. Кранзеева, Е. А. Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2021. – № 1-2(25). – С. 258-266.
191. Кульназарова, А. В. Цифровая трансформация публичных коммуникаций: российский и европейский опыт / А. В. Кульназарова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2021. – 136 с. – ISBN 978-5-89160-243-4.
192. Курюхин, А. Н. Цифровые технологии в выборных процессах как вызов перспективам демократии / А. Н. Курюхин // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 63-67.
193. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторносетевую теорию. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 500 с.
194. Ле Блан Д. Электронное участие: краткий обзор последних качественных тенденций. Нью Йорк. ООН. Доклад №163. 2020.
195. Леонтьев, Г. Д. Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия / Г. Д. Леонтьев, Л. С. Леонтьева // Социодинамика. – 2023. – № 4. – С. 1-10.
196. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. М., 2013.- 421 с.
197. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука: идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования: Сб. науч. тр. /РАН ИНИОН; Ред.-сост.вып. О.Ю.Малинова. – М., 2009. - №4.- с.5-24.

198. Малькевич, А. А. Выборы нового времени: использование приемов электронной электоральной политики как залог победы (на примере кампаний кандидатов в президенты США в 2016 год) / А. А. Малькевич // Информация–Коммуникация–Общество. – 2017. – Т. 1. – С. 156-162.
199. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — №2. — С. 125–133.
200. Маник, А. С. Символическая политика как фактор электорального успеха региональных партий Западной Европы / А. С. Маник // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы : Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–28 ноября 2020 года / Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 323-324.
201. Матвейчев М.Ю. Зарубежный опыт реализации системы электронного голосования как одного из важнейших механизмов электронной демократии // Право и государство: теория и практика. — 2019. № 8. С. 16–19.
202. Морозова, О. С. Лауреат премии Johan Skytte Prize в области политики за 2011 год - Пиппа Норрис о проблемах электоральной инженерии / О. С. Морозова // Выборы: теория и практика. – 2013. – № 2(26). – С. 31-36.
203. Назарова, В. С. «Новое структурное изменение публичной сферы...» Ю. Хабермаса в современном публичном и философском

- дискуссе / В. С. Назарова // Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 65-70.
204. Мишнев, А. Ю. Социологический анализ электората Дональда Трампа / А. Ю. Мишнев // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир) : материалы IV международной научной конференции, Белгород, 13–14 мая 2016 года. – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2016. – С. 270-278.
205. Никовская Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: сборник, электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 856 с. С. 647-653.
206. Никушкин, А. Б. Концепции "электронной демократии" в современных исследованиях / А. Б. Никушкин // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 2(54). – С. 374-381.
207. Нисневич, Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003 - 2012 годах / Ю. А. Нисневич. – Москва : Фонд "Либеральная Миссия", 2014. – 204 с. – ISBN 978-5-903135-49-3.
208. Окунев, И. Ю. Географический фаворитизм партий и избирательных систем / И. Ю. Окунев // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 90-106.
209. Окунев, И. Ю. Территориальная дифференциация электорального поведения жителей Польши / И. Ю. Окунев // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 82-86.

210. Окунев, И. Ю. Цикличность идейно-политических размежеваний в электоральном пространстве: к новому прочтению концепции Липсета-Роккана // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 52-62.
211. Осипов, А. В. Социально-политический мониторинг и социально-медийная предиктивная аналитика как инструменты и технологии консолидации политической власти // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 11(75). – С. 3138-3145.
212. Перевезенцев, С. В. Идейные истоки формирования концепций мессианизма в европейской социально-политической мысли / С. В. Перевезенцев, А. С. Абрамян // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 105-114.
213. Пожалов, А. А. Институциональные предпосылки и ограничения к появлению новых лиц в региональной политике в новом политическом цикле / А. А. Пожалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 3(115). – С. 71-77.
214. Попова, Е. В. Проблемные измерения электоральной политики в России: губернаторские выборы в сравнительной перспективе / Е. В. Попова // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 47-62.
215. Попова, О. В. Рейтинги как элемент информационной политики в электоральном процессе // Политическая наука. – 2012. – № 1. – С. 81-93.
216. Пушкарева, Г. В. Политический брендинг: разворот к символической политике / Г. В. Пушкарева // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 94-107.
217. Пшизова, С. Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 1 / С. Н. Пшизова // Общественные науки и современность. – 2019. – № 5. – С. 47-59.

218. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. № 9(4). С. 63–69.
219. Рассказов, С. В. Рекурсивность в платформах цифрового сотрудничества / С. В. Рассказов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 39-55.
220. Родионова, М. Е. Электоральные процессы в современной Европе: тенденции и перспективы / М. Е. Родионова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2020. – 206 с. – ISBN 978-5-4365-6090-8.
221. Рябченко, Н. А. Региональный политический дискурс: новые методы исследования политического контента / Н. А. Рябченко // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года / Московский педагогический государственный университет. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 348-349.
222. Самарин, Я. В. Демократия в условиях сетевого общества: проблемы и перспективы / Я. В. Самарин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 251-262.
223. Седашов, Е. А. Конфликт интересов, политическая эффективность и электоральная поддержка: опыт экспериментального дизайна / Е. А. Седашов, К. А. Крикунов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 30-38.
224. Семененко, И. С. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции / И. С. Семененко, И. Л. Прохоренко // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 7. – С. 29-40.

225. Семенова, Л. Н. Перспективы цифровизации политики / Л. Н. Семенова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 203-211.
226. Сливицкий А.Б. Коэволюция техники и общества в цифровую эпоху: проблемные вопросы// <https://cyberleninka.ru/article/n/koevoljutsiya-tehniki-i-obschestva-v-tsifrovuyu-epohu-problemnye-voprosy/viewer> [дата посещения 14.12.2023].
227. Слинько, А. А. Поиски новой модели политического участия в регионах: праймериз "Единой России" и политические процессы в Европе / А. А. Слинько, Е. О. Дякина // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 2(53). – С. 87-92.
228. Сморгунов Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99.
229. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. – М., 2009. - №1 – С. 118-129.
230. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: итоги развития в конце 20 века //Принципы и практика политических исследований. Сборник материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 г. Москва, 2002.
231. Сморгунов, Л. В. Факторы гражданского участия на электронных платформах / Л. В. Сморгунов, О. А. Игнатьева // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 101-112.
232. Сморгунов, Л. В. Электронное правительство 2.0: от порталов к платформам // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2(39). – С. 66-75.

233. Сморгунов, Л. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 20-49.
234. Современные технологии в публичной политике и управлении : учебное пособие / А. В. Глухова, А. В. Гармонова, Д. В. Сосунов [и др.]. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2018. – 227 с. – ISBN 978-5-9273-2675-4
235. Соколов, А. В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику / А. В. Соколов // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4-1(84). – С. 303-310.
236. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. — М.: РИОР; ИНФРА-М, 2020. — 187 с. Научная мысль. DOI: <https://doi.org/10.12737/24671>.
237. Сулимин, А. Н. Роль социальных идей в организации политического порядка в западных и незападных обществах // Политика и общество. – 2016. – № 4(136). – С. 480-485.
238. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М., 2009, 427 с.
239. Филиппова, Е. Ю. Партийно-электоральное измерение политики языка в Испании / Е. Ю. Филиппова // Современная Европа. – 2020. – № 4(97). – С. 184-190.
240. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С. 5–16.
241. Хомелева, Р. А. Архетипы власти в электоральном выборе современной России / Р. А. Хомелева, М. В. Малькова // Философия и культура информационного общества : Десятая международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский

- государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2022. – С. 191-193.
242. Чекунова, М. А. Новая властно-общественная коммуникативистика и политические последствия цифровой трансформации социума // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 125-138.
243. Чернышов, А. Г. Выборы и электорат: новый тип избирателя в условиях ритуальной демократии / А. Г. Чернышов // Власть. – 2018. – Т. 26, № 2. – С. 29-34.
244. Чесноков, А. С. "Идейно-ориентированные" подходы в современных исследованиях международных отношений (Обзор) / А. С. Чесноков // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 115-125.
245. Чижов, Д. В. Векторы развития электронной электоральной демократии / Д. В. Чижов // Информационное общество. 2019. № 3. С. 11-22.
246. Чувилина, Н. Б. Генезис современных электоральных процессов в регионах России / Н. Б. Чувилина // Власть. – 2010. – № 11. – С. 88-91.
247. Чулков, Д. И. Левая политическая повестка как инструмент манипуляции и пропаганды в современной публичной политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 3(72). – С. 97-102.
248. Шаламов, В. О. Национализм как фактор электоральной политики в современной Венгрии // Российский журнал исследований национализма. – 2022. – № 1-2. – С. 67-74.
249. Шахназарян, Т. Г. Избирательные технологии как средство реализации электоральной политики: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2009. – № 20. – С. 43-46.
250. Шаяхметова Л. А. Коэволюционный подход как философско-методологическое основание междисциплинарных связей в

- современном социальном познании. Авторферат на дисс. к.ф.н. Пермь. 2019. С. 3. <https://diss.utmn.ru/upload/iblock/ab3/SHayakhmetova.pdf> [дата посещения 14.12.2023]
251. Швейцер, В. Я. Выборы 2019 года в Европейский парламент: партийно-политическая панорама // Современная Европа. – 2019. – № 1(87). – С. 38-48.
252. Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1(30). С. 398–403.
253. Шестопал, Е. Б. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) / Е. Б. Шестопал, М. В. Новикова-Грунд // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 168-191.
254. Шомова, С. А. Выборы президента РФ - 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 157-173.
255. Шумилов, А. В. Факторы формирования электоральной политики в молодежной среде // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 75-85.
256. Шутов А.Ю. Политический процесс. М.: Изд-во Московского Университета, 1994. - 80 с.
257. Юшкина, Н. А. Электоральный потенциал публичных политиков в социальных сетях / Н. А. Юшкина // Вестник университета. – 2022. – № 1. – С. 188-196
258. <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2022-1/c9-ravochkin.pdf> [дата посещения 03.12.2023]
259. <http://www.uni-koeln.de/hf/konstrukt/texte/download/constructivist%20discourse.pdf> [дата посещения 03.12.2023]
260. <https://core.ac.uk/download/pdf/323304542.pdf>

261. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1373046/FULLTEXT01.pdf> [дата посещения 12.12.2023]
262. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/228715/1/Full-text-paper-Berg-et-al-The-digital-constellation.pdf> [дата посещения 17.10.2023]
263. <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/15.pdf> p. 5 [дата посещения 11.11.2023]
264. https://www.researchgate.net/publication/228283584_Discursive_Institutionalism_The_Explanatory_Power_of_Ideas_and_Discourse
265. https://www.researchgate.net/publication/365355305_Punctuated_Multi-Layered_Liminality_in_Digital_Transformation_The_Case_of_an_Auto motive_Platform
266. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0740624X1000578#preview-section-references> [дата посещения 12.11.2023]
267. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2015.1115534> [дата посещения 21.11.2023]
268. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2015.1115534> [дата посещения 02.12.2023]
269. International IDEA (2019) Electronic election database. Available at: <https://www.idea.int/data-tools/questionview/742> (accessed 29 May 2022).

«Авторские материалы подготовленные в ходе написания диссертации»

270. Серавин А.И. Убрать конкурента: PR-атака / В. А. Бианки, А. И. Серавин. – Москва [и др.] : Питер, 2007. (Маркетинг для профессионалов). – 239 с.
271. Серавин А.И. Прогностические очерки практики выборов на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области / В. А. Бианки, А. И. Серавин ; Валентин Бианки, Александр Серавин. – Санкт-

- Петербург : Копи-Парк, 2005. (Серия "Настоящее и будущее регионального избирательного процесса"). - 106 с.
272. Серавин А.И. и др. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / А. И. Юрьев, Л. П. Шевякова, И. С. Бурикова [и др.] ; под научным редактированием А. И. Юрьева. – Санкт-Петербург : Logos, 2006. – 512 с.
273. Серавин А.И. Психологический портрет публичного политика: примеры и практика на основе открытых данных из интернета / П. А. Бычков, А. И. Серавин ; Под редакцией А.И. Серавина. – Издание 2-е, дополненное. – Санкт-Петербург : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – 152 с.
274. Бычков, П. А. Протесты 2011–2012: психолого-политический анализ полевых заметок / П. А. Бычков, А. И. Серавин. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – 238 с.
275. Серавин, А. И. Региональная избирательная кампания партии "Единая Россия" в Кировской области в 2016 г / А. И. Серавин // Русская политология. – 2017. – № 1(2). – С. 22-29.
276. Серавин, А. И. Значимость гибридной правды для самоорганизации горожан в сетевом обществе на примере Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г.// Политика постправды в современном мире : Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 22–23 сентября 2017 года / Под редакцией О.В. Поповой. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2017. – С. 215-219.
277. Серавин, А. И. Смерть политических партий к 2031 Г. И переформирование основ государственного управления посредством электронной политики // Навстречу "цифровому обществу", экспертные оценки и прогнозы / Экспертный институт социальных исследований. – Москва : ФГУП "Академический научно-

- издательский, производственно-полиграфический и
книгораспространительский центр "Наука", 2019. – С. 18-28.
278. Seravin A., Sychov, S., Mikushev, V., Kurashova, S., Motorin, D.,
& Radikov, I. Knowledge Erosion and Knowledge Protection in the Age of
Increasing Data Flow// 5th International Conference on Information
Management (ICIM). 2019.pp.178-182.
279. Серавин, А. И. Российская электоральная политика в цифровую
эпоху: события, технологии, открытия // Политическая психология в
новой политической реальности - тридцать лет спустя: Материалы
научной конференции, посвященной 30-летию Ленинградской-
Петербургской школы политической психологии, Санкт-Петербург,
16–17 октября 2019 года / Под научной редакцией А.И. Юрьева. –
Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 159-174.
280. Серавин, А. И. Детерминанты электоральной политики:
особенности как ресурс // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 8-
1(96-1). – С. 3861-3870.
281. Серавин, А. И. Политический фрейминг в электоральной
политике // Вопросы национальных и федеративных отношений. –
2023. – Т. 13, № 8(101). – С. 3450-3460.
282. Серавин, А. И. Дискурс цифровизации и демократизация: новые
подходы, риски и угрозы // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, №
9-1(97-1). – С. 4399-4409.